

АБХАЗСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ Н.А. ЛАКОБА

**ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ (1921–1931)**

Сборник

Вып. IV

АИО

Сухум, 2025

УДК 09

ББК 76.1(5 Абх)6я4

П 31

Автор идеи проекта: А.Я. Дбар

Редакционная коллегия серии:

С.З. Лакоба, А.Ф. Авидзба, А.С. Габелая, Е.Г. Гегия,
Г.В. Цулая

Составители: А.Я. Дбар, Е.С. Салакая

Печатные издания Советской Социалистической Республики Абхазия (1921–1931): Сборник. Вып. IV / Сост.: А.Я. Дбар, Е.С. Салакая. – Сухум, 2025. – 188 с.

Г/р 978-5-166-26-05025

В сборнике приводятся тексты трех редких книг, выпущенных в Сухуме в 1925–1931 гг.: «Справочник-указатель Абхазии на 1924–1925 год» (1925), «Приговор по делу цебельдинских кулаков, вынесенный специальным присутствием высшего суда ССР Абхазии 15 ноября 1929 г.» (1929), «Страна Псху: Очерки» И. Половнева (1931).

Данный сборник – четвертый выпуск серии, в которую включены тексты ряда книг, брошюр, журналов и газет, вышедших в эпоху ССР Абхазия (1921–1931).

Сборник рассчитан на широкий круг читателей.

© АИО (Абхазское историческое общество), 2025

О ЧЕТВЕРТОМ ВЫПУСКЕ СЕРИИ «ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ (1921–1931)»

В четвертый выпуск серии «Печатные издания Советской Социалистической Республики Абхазия (1921–1931)» включены полные тексты трех весьма редких книжных изданий, увидевших свет в Сухуме в 1925–1931 гг.

Открывает сборник «Справочник-указатель Абхазии на 1924–1925 год».¹ Издание вышло в Сухуме в 1925 г. Издатель – Абхазское отделение ЗАКРОСТА (Закавказское отделение Российского Телеграфного Агентства). Автор не указан; возможно, книга – коллективный труд сотрудников Абхазского отделения ЗАКРОСТА.

Первая часть брошюры состоит из рекламных объявлений: здесь представлены как государственные организации, так и частные предприятия самого разного толка – как говорится, НЭП во всей своей красе. Во вторую часть книжки вошел «Краткий очерк Абхазии»; в ней даются весьма лаконичные географические, ботанические, сельскохозяйственные, исторические, этнографические, статистические и др. сведения о республике.

Единственный экземпляр этого издания обнаружен в фондах Российской государственной библиотеки (г. Москва). На обложке брошюры написано от руки: «Не допущено к распространению». Что бы это значило? Быть может, издание предназначалось для служебного пользования. Однако, также возможно, что кому-то не понравилось что-то из содержания книжки. Например, в конце ее, в разделе «Быт», повествуется о наиболее вредных пережитках старины, сохранившихся в общественном быте абхазского народа: кровной (родовой) мести и скотокрадстве. С другой стороны, о необходимости искоренения кровной мести и скотокрадства в те годы регуляр-

¹ Справочник-указатель Абхазии на 1924–25 год. – Сухум: ЗакРОСТА, Абхазское отделение, 1925. – 31 с., 1 л. карт.: ил.

но писала абхазская пресса; ничего нового по этому вопросу в брошюре не сказано. Одним словом, история, произошедшая с этой брошюрой, пока не выяснена, необходимо продолжить разыскания.

Вторая книжка сборника – «Приговор по делу цебельдинских кулаков, вынесенный специальным присутствием высшего суда ССР Абхазии 15 ноября 1929 г.»¹ Как видно из названия брошюры, в ней приводится текст обвинительного заключения специального присутствия Высшего суда Абхазии, направленного против кулаков из с. Цабал (Цебельда). Напомним, что в конце 1920-х и в 1930-е годы по всему СССР шел процесс массовой ликвидации кулачества как класса. Вот что писал о «цебельдинском деле» историк А.Э. Куправа в своей работе «Классовая борьба в абхазской деревне (1921–1929)», впервые опубликованной в 1984 г.: «Зловещую картину кулацкой деятельности раскрыл показательный процесс над 44 кулаками и их приспешниками в селе Цебельда, происходивший в октябре-ноябре 1929 года. Кулаки здесь совершали убийства наиболее активных представителей Советской власти (коммунистов, батраков), сокрытие объектов обложения, куплю-продажу земель, нарушали кредитную политику, грабили советские организации. Цебельдинские кулаки предприняли попытку разогнать заседание партийной ячейки, тяжело ранили ее секретаря. Кулаки-террористы понесли достойное наказание. Главари кулацкой банды были приговорены к расстрелу. Их осуждение с удовлетворением было встречено трудящимися крестьянами. В ноябре 1929 года собрание Сухумской партийной организации и актива комсомола обсудило доклад “Политические уроки цебельдинского дела” и наметило мероприятия по пресечению причин, породивших контрреволюционные деяния цебельдинских кулаков. Президиум ЦК КП(б) Грузии в своем постановлении от 21 декабря 1929 года отметил, что цебельдинское дело имеет большое политиче-

¹ Приговор по делу цебельдинских кулаков, вынесенный специальным присутствием высшего суда ССР Абхазии 15 ноября 1929 г. – Сухум: «Советская Абхазия», 1929. – 16 с.

ское значение и предложил Абхазскому обкому партии сделать из цебельдинского процесса необходимые выводы, мобилизовав внимание парторганизации на задачи наступления на кулацкие и дворянско-княжеские элементы. Решение ЦК КП(б) Грузии возымело большое значение в деле мобилизации внимания Абхазской парторганизации на практические задачи партийной работы в деревне».¹

Однако, «дело цебельдинских кулаков» не так просто, как может показаться на первый взгляд. История эта тоже изучена явно недостаточно и также требует дальнейших разысканий.

Третья книга сборника – «Страна Псху» Ивана Половнева увидела свет в 1931 г. в Сухуме. Биографические данные об авторе отсутствуют; известно только, что он родом из кубанской казачьей станицы Расшеватской, являлся членом Ассоциации пролетарских писателей Абхазии (АБАПП) и работал корреспондентом газеты «Советская Абхазия».

Книге И. Половнева предшествовала анонимная статья «Во власти попов», опубликованная в «Советской Абхазии», в № 82 от 12 апреля 1930 г.; привожу этот текст полностью:

**«Селение Псху является прибежищем темных сил,
беглого кулачья и “бывших людей”».**

**Сухумский Исполком должен уделить больше внимания
этому забытому уголку Абхазии.**

Селение Псху продолжает быть заброшенным районом.

Здесь до сих пор почти полновластно хозяйничают церковники и сектанты, образовавшие две группы, враждующие между собой (“староцерковники” и “имяславцы”), а во главе их стоит зажиточная часть и кулаки (мельники), которые очень ловко приспособляются к новым условиям жизни.

Например, крупные местные пчеловоды, имевшие по 150–200 ульев, боясь налогов и других “ущемлений”, поспешили распродать большую часть своих пчел, но на полученные деньги они очень успешно спекулируют, превратившись в “капиталистов” и ростовщиков.

¹ Цит. по изданию: Куправа А.Э. Труды. Т. II. – Сухум, 2014. – С. 639.

Зная, что советская власть опирается в деревне на бедноту, они привлекают в свои церковные советы местных бедняков и за их спинами вершат свои делишки.

Недавно церковный совет постановил собрать с каждого двора по 2 рубля “на квартиру” попу-тихоновцу Волкову. И деньги эти собрали насильственным порядком, и даже председатель сельсовета Холщевников одобрил эту меру, считая законными такие поборы без постановления общего собрания прихожан.

В с. Псху около ста дворов. И на эти сто дворов имеется целых восемь церквей и около двенадцати попов.

Попы эти, в союзе с кулаками и зажиточными, делают на селе все, что им заблагорассудится.

О влиянии этой клики мракобесов и эксплуататоров можно судить по тому, что в Псху, на 600 жителей, имеется всего один партиец (приезжий) и ни одного комсомольца.

Рассказывают, что из местной молодежи кое-кто заявлял о своем желании вступить в комсомол, но... “так, чтобы об этом никто в селе не узнал”.

Недоставало, чтобы в Псху образовалась подпольная комсомольская ячейка.

Впрочем, ничего в этом удивительного не было, так как существующий здесь крестком устраивает свои собрания почти тайно от зажиточных, назначая заседания правления каждый раз в новом месте и так, чтобы об этом никто не проведал.

Попы и кулаки очень недовольны тем, что в селе имеется изба-читальня. Они считают, что от нее все зло и благодаря ей возник крестком.

Избач уже получает подметные письма, в которых ему прямо угрожают смертью, если он не бросит своей работы.

Раньше кулаки были довольны избой-читальней, потому что ею заведывал Иванов, он же руководитель церковного совета и бывший сотрудник царской охраны.

Иванова убрали и изба-читальня теперь для кулаков уже не “свое” учреждение.

В феврале у крестьянина-кулака “обновилась” икона.

В его хату началось целое паломничество. Темные крестьяне, одурачиваемые попами, несли кулаку яйца, кур, сыры, масло, поросят, – желая удостоиться лицезрения иконы.

Никто в это безобразие не вмешался, да и кому было вмешаться, когда каждое слово поперек встречается кулаками совершенно недвусмысленными угрозами.

В селении Псху предсельсовета, на основании одних заявлений подкупленных баб, регистрирует 13-тилетнюю девочку Ефросинью Жилинскую, как вступившую в брак с 35-летним крестьянином Банюкевичем, купившим ребенка у родителей за 30 рублей.

Тот же сельсовет выдает крестьянке Марфе Корсуновой удостоверение в том, что она не больна сифилисом, для того, чтобы родные последней могли ее выдать замуж. Больная Марфа вышла замуж, заразила своего мужа, а сельсовет прославил себя “медицинскими познаниями”.

Все в селе знают об этом и все молчат, потому что одним это выгодно, а другие – боятся.

До Сухума далеко, и от Сухума до Псху – не ближе.

И, наконец, совершенно исключительный по своей дикости случай.

Объездчик Калашников, когда он еще был одновременно предсельсовета, явился к вдове Забугиной и объявил ее:

– “Именем советской социалистической Абхазии объявляю тебе, что мне, Семену Кондратьевичу Калашникову, пришел приказ, циркуляр из Сухума, осмотреть тебя и донести по начальству: чем ты больна!”.

В результате “осмотра” Забугина забеременела и родила.

Дело пошло в суд.

Суд, за неявкой свидетелей, предложил, в качестве мирной, уплатить Забугиной 25 рублей деньгами и пять пудов кукурузы.

Ни того, ни другого Забугина не получила, а Калашников продолжает быть объездчиком и почетным лицом в селении.

Мрачную, почти фантастическую повесть можно было бы написать по поводу того, что происходило и происходит в этом забытом углу Сухумского уезда.

Бандитизм, суеверие, засилье кулаков, ростовщичество, нищета полноправно господствует в этом «тихом пристанище», где раньше блаженствовали монахи, а теперь находят себе приют все отщепенцы советского общества, скрывающиеся от революционного суда, “отсиживающиеся от революции”».

Понятно, что после выхода этой разгромной статьи, нет смысла удивляться событиям, произошедшим вскоре в Псху. «Мракобесы», засевшие в этом затерянном в горах селе, были предсказуемо разогнаны и разгромлены.

«Мрачная, почти фантастическая повесть» И. Половнева рассказывает о жизни «отщепенцев советского общества» из «страны Псху», которые были обречены.

А.Я. Дбар

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СПРАВОЧНИК-УКАЗАТЕЛЬ АБХАЗИИ
НА 1924–1925 ГОД

Издание Абхазского отделения ЗАКРОСТА
Сухум, 1925

W 138
642

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

СПРАВОЧНИК-УКАЗАТЕЛЬ АБХАЗИИ НА 1925 ГОД.

*не
хотят
к
расшир
сравнени*

СУХУМ — 1925

фа

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Апролетарца алаҭҭуа зегь рѣх іҭоу цееідҭшкыл!

5 W 198
642

СПРАВОЧНИК-УКАЗАТЕЛЬ

АБХАЗИИ

на 1924-25 год.

~~XXXX-721~~

КХVII-33985

Издание
Абхазского отделения
ЗАКРОСТА.

ССР Абхазия

Акционерное общество «АБТАБАК»

по восстановлению табаководства и табачной промышленности Абхазии.

Реализация табаков на внутренних и зарубежных рынках.

Покупает: шпагат, проволочные гвозди разных размеров и мышьяк.

С предложением обращаться: г. Сухум – «АБТАБАК».

Кооперативное Т-во Садоводов Абхазии «АБСАД».

Действует на всей территории Абхазии и объединяет плодородов, огородников, виноделов и цветоводов.

Предлагает для экспорта во все города СССР.

Зимний сезон (декабрь-февраль).

Плоды: мандарины, апельсины, лимоны, цитроны и др. померанцевые.

Овощи: капуста цветная, всевозможная зелень грунтовой культуры (редьки, редис, петрушка, морковь, салат разный и проч.).

Цветы резанные: мимоза, фиалка, нарциссы, тацеты и пр.

Зелень рез.: лавровая и друг., вечно-зеленая лиственная и хвойная.

Весенний сезон (март-май).

Плоды : клубника, мушмула и черешня.

Овощи: капуста цвет. и кочанная, картофель молодой, фасоль зеленая, горох в стручках, помидоры, зелень разная.

Летний сезон (июнь-август).

Плоды: персик – ран., груши и яблоки ран. Орех свежий в обертках; для консерв. фабр. алыча-мирабель, консервные персики, груши и друг.

Осенний сезон (сентябрь-ноябрь).

Фрукты: виноград, поздние персики, зимние яблоки и груши, мандарины.

Овощи: поздн. помидоры, фасоль зеленая в стручках, разн. зелень.

Живые растения, захороненные в кадках: пальмы, финиковые, кокосовые, саговые, хамеропс, латания и друг.

По предварительным заказам отпускается:

Сушеный лавровый и эвкалиптовый лист, корни белладон. и валерьяны, орех мелк. сухой (фундук). Семена разн. субтропических растений: алыча, персики, яблоки и груши.

Бамбуковые удилища и трости, разных видов и толщины бамбуки для изделий.

На все запросы, немедленный бесплатный ответ, телеграфный и почтовой.

Адрес:
Сухум, Абсад.

АБХАЗСКОЕ АГЕНТСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ.

Угол ул. Троцкого и III Интернационала.

Заведующий П.С. Исаков.

Старший контролер Д.А. Давитая.

СТРАХОВАНИЕ ОТ ОГНЯ всякого рода движимого и недвижимого имущества.

СТРАХОВАНИЕ ГРУЗОВ от всех путевых опасностей.

Страхование корпусов пароходов и судов (КАСКО).

СССР

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ФЛОТ.

Сухумское Агентство.

Г. Сухум, улица Ленина, № 18.

Центральное Правление в Москве – Ильинка, Большой Черкасский пер., 2.

Собственные Агентства во всех узловых железнодорожных станциях, портовых пунктах Союза Советских Республик и представительства за границей, принимают на себя для быстрого и аккуратного выполнения следующие поручения:

Фрахтование пароходов. Выгрузочно-погрузочные работы.

Ответственное транспортирование грузов, морем, железной дорогой и гужем в любом направлении и количестве.

Совершение таможенных обрядностей и др. формальностей.

Хранение грузов на собственных складах.

Страхование грузов от огня, путевых несчастий, аварий и минного риска. Комиссионные поручения, связанные с экспедицией и сопровождение грузов в пути следования.

Заведующий агентством И. Шашик-оглы.

НАРКОМЗЕМ АБХАЗИИ.

1) Имеет в лесных дачах в большом количестве экспортные товары – самшит, красное дерево, орех, каштан и др.

2) Ткварчельские каменноугольные копи с запасом 12 миллиардов пудов лучшего каменного угля, свинцово-серебряные руды и много минеральных и лечебных вод.

3) В садах и плантациях Наркомзема имеется в большом количестве южные фрукты (мандарины, хурма, персики, сливы, орех, фундук и др.).

4) Наркомзем отпускает в большом количестве живые субтропические растения (пальмы, лавр, хвойные и другие вечнозеленые растения)? резанную зелень и цветы (розы, хризантемы, камелии, мимозы и т.д.).

5) Химико-фармацевтическая фабрика отпускает тинкту-

ры, экстракты масла, сушеные продукты из субтропических и других растений.

6) Уголь. 12 миллиардов пудов Ткварчельского угля, качества равного Кардифскому и богатейшие месторождения сербросвинцовых руд ждут могучих рук русского пролетариата для своей разработки.

7) Вино. Абхазские вина получили на Всесоюзной Выставке лестные отзывы и могут служить для широкого сбыта в СССР.

8) Редкие и весьма ценные лекарственные травы, произрастающие в Абхазии, могут вполне обеспечить Закавказье и Черноморское побережье необходимыми фармацевтическими препаратами.

9) Химико-фармацевтическая фабрика в Сухуме вырабатывает настойки, экстракты, эфирные масла из произрастающих в Абхазии лекарственных трав.

10) Из технических растений в Абхазии растет столь необходимая в Текстильном производстве ворсовальная шишка (для ворсования сукна и пробковый дуб.

11) Центральная химическая лаборатория Опытной Станции производит исследования фармацевтических препаратов, почв, судебно-медицинские анализы и др., а также занимается выгонкой эфирных масел.

Наркомзем БЕНИЯ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Доводится до сведения госучреждений, торговых предприятий, что в городе Сухуме имеется универсальный государственный магазин Управления Народного Хозяйства Абхазии.

Производится оптово-розничная торговля железоскобяными, москательными, писчебум. тов.

Посуда: алюминиевая, фарфоровая, фаянсовая, стеклянная и медная. Мануфактура. Электрическая арматура. Авточасти и др. товары.

Производится прием товаров на комиссию от учреждений.

Товары получают из первоисточников, почему цены значительно ниже рыночных.

Адрес: Сухум, уг. III Интернационала и Троцкого. Телефон № 65. Для телеграмм: Торготдел.
Отделение: Сухум, Новый базар.

Книжный канцелярско-писчебумажный, художественно-кустарный и игрушечный склад Наркомпроса ССР Абхазии.

Сухум, ул. 3-го Интернационала, «Дворец Труда».

Обширнейший на всем Черноморском побережье, принимает заказы и поставки для школ, госучреждений, проф. организаций и кооперативов.

Цены вне конкуренции – быстрое и тщательное исполнение заказов.

Отделение склада по Еркоопам в Гудаутах, Гаграх, Очамчирах, Цебельде, Драндах.

Адрес Радиотелеграфа: СУХУМ-КНИГА.

Союз кооперативов Абхазии «Абсоюз».

Фруктово-консервная фабрика, пекарня, колбасно-кишечный завод в гор. Сухуме. Отделение в Гали.

Текущие счета: В Госбанке № 28. В Сельхозбанке № 22.

Предлагает: табак, пушнину, коконы, орех, яблоки, мандарины, воск, мед, мясо и свинину (в битом виде), окорока, щетину, колбасы, кукурузу, вино (Гудаутское), спирт, фруктовые консервы, повидло, сушеные фрукты, фруктовое пюре, цукаты, помидоровый томат.

Покупает: муку, сахар, мануфактуру (всевозможную), стекло и изделия, посуду (эмалированную и др.), кожу, обувь, галантерею, железоскобяной товар, бакалею, бумагу и канцелярские принадлежности, сельскохозяйственные орудия, грону, огородные семена.

Производит: Всевозможные товарообменные операции, принимает на комиссию товары. Принимает представительства на Абхазию правительственных учреждений и гострестов.

Срочное и аккуратное выполнение специальных заданий.

Адрес: Сухум, Абсоюз.

Сельскохозяйственный банк ССР ГРУЗИИ.

Сухумское отделение производит разрешенные уставом банковские операции:

1. Выдачу ссуд под товары.
2. Выдачу под товарные документы.
3. Учет векселей.
4. Прием вкладов и ценностей на хранение.
5. Платит по текущим счетам и вкладам Госорганам, кооперативам и частным лицам от 6 до 8 % годовых.
6. Производит инкассовые операции и исполняет всевозможные банковские поручения (причем постоянные клиенты пользуются скидкой).
7. Принимает денежные переводы в пределах С.С.Р. Грузии на льготных условиях.

Производит кредитование для поощрения и интенсификации следующих видов сельскохозяйственных культур, включая и целевые кредиты:

1. Табаководство.
2. Для приобретения сельхоз. машин и орудий.
3. Рабочего скота.
4. Молочного скота.
5. Лечебного материала для виноградарства.
6. Поощрения виноградарства и виноделия.
7. Хлопководства.
8. Огородничества и фруктов. культуры.
9. Шелководства.
10. Производства чая.
11. Скотоводства (крупный и мелкий скот, пчеловодство и птицеводство).

12. Строительства (орошение, мельницы, перерабатывающие заводы).

Отделение помещается по ул. Троцкого, № 45, против пл. «Свободы».

Союз Кооперативных Товариществ Табаководов ССР Абхазии

(Гор. Сухум, улица К. Либкнехта, № 26)

Объединяет районные кооперативы:

1. Гагринский,
2. Гудаутский,
3. Ново-Афонский,
4. Эшери-Гумистинский,
5. Михайловский,
6. Мерхеуло-Екатерининский,
7. Драндский,
8. Цебельдинский,
9. Кодорский,
10. Самурзаканский.

Производит продажу листовых плантаторских табаков.

Первоклассная гостиница «Сан-Ремо» в г. Сухуме.

Помещается в самом центре города на главной улице близ театров, банков, торговых контор, паромной пристани и главных магазинов, с красивым видом как на окрестности города, так и на море.

Во всех номерах электрическое освещение и паровое отопление.

Цены от 1-го рубля и дороже, ежемесячно большая скидка.

Ул. Ленина, № 5.

Содержатель гостиницы Д.Г. ИГНАТИАДИ.

**Заново капитально отремонтирована и обставлена
первоклассная гостиница «Ориенталь» в Сухуме.**

Помещается в самом центре города и выходит на три ул. Свободы, Ленина и Рыбный переулок. Близ торговых контор, пароход. прист. и главных магазинов.

С красивым видом, как на окрестности города, так и на море.

Во всех номерах электрическое освещение. Цены умеренные.

Содержат гост. «Ориенталь» Д.И. Чавчанидзе, В.Б. Гвалия.

Кооператив Водников.

Сухумское Отделение Батумск. Участк. Транспорт. Потреб. О-ва.

О.Т.П.О.

Бакалейные, мануфактурные и прочие товары. Оптовая и розничная продажа.

Связь со всеми портами Черного и Азовского морей.

Снабжение иностранных пароходов.

Объединенное кооперирование Водников и Транспортников.

Долгосрочное кредитование работников транспорта.

Мыло Одесского завода собственного производства.

Черноморрайтпо-Одесса.

Окружное правление.

Участковое Правление, БАТУМ.

Сухумское Отделение, ул. Зиновьева, 25.

УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ССР АБХАЗИИ

(Исполняет функции ВСНХ и Коммуноотдела).

Челночная фабрика УНХ принимает заказы на массовое

производство ткацких челноков из Абхазского самшита, получивших лучшие отзывы на Всесоюзной Выставке.

Производство вальков и погонялок из бука и граба для ткацких станков, изготовление метров и полуметров.

Табачная фабрика УНХ принимает заказы на крошеный табак и папиросы лучших сортов из Сухумского табака.

Типография УНХ принимает всевозможные типографские работы.

Авто механическая мастерская УНХ производит перевозки на грузовых автомобилях и принимает заказы на ремонт автомобилей, моторов и пр.

Буковые дрова и древесный уголь подвозятся из лесной дачи по узкоколейной железной дороге и заказы принимаются в неограниченном количестве.

Гидроэлектрическая станция УНХ проводит электрическое освещение и производит установки моторов.

Имеются запасы выдержанного ореха, готового к экспорту.

Проектируется переустановка водоснабжения.

Производятся изыскания по электрофикации ССР Абхазии.

Табачная фабрика Бр. Чубар и Бр. Топуридзе в г. Сухуме.

Вырабатывает свои изделия из выдержанных, качественных Сухумских Табаков.

Рекомендуются папиросы «Заказные А».

Оптово-розничная

Бакалейно-мучная торговля

Бр. К. и Н. ШЕЙТАНИДИ.

Ул. Троцкого, № 166.

Сухумское Отделение Табтреста ВСНХ Грузии

(ул. Октябрьской Революции).

Имеется громадный выбор Тифлисских и Батумских папирос, мыло простое, туалетное, спички и кож. изделия.

Гос. предприятиям, кооп. организациям и оптовым покупателям отпускается товар со скидкой и в краткосрочный кредит. Советским служащим продажа в розницу по оптовым ценам.

Зав. Отделением В. Беридзе.

Электромоторная мельница.

Упр. Нар. Хозяйства Ар. И. Гр. Чхеидзе.

Ул. Троцкого, быв. д. Макалатия, № 56.

Принимает размол кукурузы, соли, пшеницы и др. Имеет вертикальный постав для размола волоней и скумпии.

Заказы выполняются тщательно, быстро и аккуратно.

Первоклассная театральная парикмахерская 1-й трудовой артели.

Ул. Октябрьской Революции, под гост. «Ориенталь».

Отдельные – Дамское и Мужское зало.

Безукоризненная чистота. Дезинфекция инструментов.

Прием заказов на всевозможные волосяные изделия.

Прокат париков и грима..

Прическа дам по последним моделям Парижа и Вены.

Окраска волос, бровей и ресниц. Маникюр.

Работа выполняется лучшими мастерами Москвы и Ленинграда.

Высшая парфюмерия.

1-я Трудовая артель.

Фотография «ПРОГРЕСС» А.Н. Козлова.

Прием и исполнение фото-художественных работ.

**Контора Народного Нотариуса г. Сухума Михаила
Николаевича Делюсто.**

Ул. Троцкого, дом быв. Люсикова.

Писчебумажный магазин «Луч» ЕГИСЕРЯН.

Большой выбор канцелярских принадлежностей.

Ул. III Интернационала, № 53-329

Механическая мастерская Н.Ф. Голубева.

Сухум, ул. III Интернационала (быв. Георгиевская).

Ремонт и чистка

пишущих машин всех систем, оружия разного рода, швейных машин, граммофонов и велосипедов.

Центральная мастерская обуви.

Наркомтруд.

Прием всевозможных заказов дамской, мужской и детской обуви, а также принимается починка.

Адрес: ул. Троцкого, № 167, под гостиницей «Империял».

Механическая мастерская «АЛЬДОРГ».

Сухум, ул. III Интернац. (бывш. Георгиевская), № 363, против Старого базара.

Ремонт и чистка пишущих машин всех систем, также оружия разного рода, швейных машин, граммофонов и велосипедов.

Продажа всех частей для швейных машин и велосипедов.

Варшавская обувная мастерская П.А. Самитовского.

Сухум, ул. Троцкого, № 47 (д. бывш. Абакшина).

Принимаются заказы всякого рода мужской, дамской и детской обуви, прием всякого рода починки и перекраски обуви. При мастерской имеется всегда готовая обувь собственного производства.

Цены самые умеренные.

Тщательное и скорое выполнение заказов.

В Сухуме, на углу улиц: III Интернационала и Зиновьева, в помещении быв. городской аптеки, открыта аптека Абхазского О-ва Красного Креста, под управлением провизора Френкеля, обслуживаемая квалифицированными фармацевтами.

Баня «Стамбул».

Номера с ванной. При бане имеются опытные терщики.

Баня открыта с 8 ч. утра до 11 час вечера.

Ул. Троцкого.

Кожевенная торговля Н.А. Ксандопуло.

Сухум, ул. III Интернационала (бывш. Георгиевская, № 361).

Фабрика папиросной бумаги в книжках Народн. Комиссар. Социального Обеспечения.

Г. Сухум, ул. Зиновьева, дом КАРАНАДЗЕ.

Производство папиросной бумаги в книжках из самых доброкачественных заграничных бумаг «Филигран», «Филигран-верже», «Континенталь» и из лучших сортов папиросной бумаги русских фабрик.

Контрагент: Братья Ф. и Л. Геличали.

Кожевенная торговля «Эпоян».

Ул. Троцкого, № 154.

Слесарно-механическая мастерская.

Принимаются всевозможные починки пишущих машин, швейных машин и оружия всех систем. Исполнение быстрое и аккуратное.

А.А. Маринченко. Сухум, улица Троцкого, дом Абакшина.

Мелочная кожевенная торговля Иванова.

Ул. III Интернационала (быв. Георгиевская).

«Анкара».

Лучшая горная ключевая вода из источн. «Анкара». Требуйте во всех ресторанах и кофейнях.

М. Мгалоблишвили.

Завод: Сухум, по Венецианскому шоссе. Контора: ул. Троцкого.

Писчебумажный магазин «Прометей» М. Котбашиян.

Большой выбор всевозможн. канцелярских принадлежностей.

Кожевенная торговля Чульфа.

Сухум, ул. Троцкого, № 36.

Фотография «Свет» Курцмана. Г. Сухум.

Прием и исполнение фото-художественных работ.

Ул. III Интернационала, № 53.

Оптовый склад спирта, водки, коньяка и виноградных вин разных фирм А.Ф. Галдавадзе и Ко.

Ул. Зиновьева, № 30 (бывш. Воронцовская).

КИНО ЦРК Клуба (быв. «Олимпия»).

Набережная.

Администрацией кино заключены договоры на лучшие германские, американские и русские боевики с участием лучших мировых артистов экрана. В кино будут демонстрироваться исключительно салонно-трюковые картины, как «Женщина с миллиардами» (Владычица мира), «Индийская гробница» с уч. знаменитой Миа Май, «Человек без имени» в 6 сериях с уч. Гарри Лидтке, и все последние издания Госкинопрома Грузии и масса других боевых новинок.

Администрация КИНО ЦРКК.

Мастер изящной обуви «Ахалая».

Принимаются заказы на всевозможную обувь.

Как-то: мужскую, дамскую и детскую, а также и починку. Работа выполняется добросовестно, срочно, по последнему фасону.

Цены умеренные.

Город Сухум, ул. III Интернационала, Рабочий Дворец.

С почтением: М. Ахалая.

Оптовый склад вина

братьев К. и Т. ШЕНГЕЛАЯ.

При складе имеется вина всех сортов: десертные, кахетинские, кипиановское, имеретинское и абхазское вино.

Продажа оптом и в розницу по умеренным ценам.

Представительство ВСНХ Грузии.

Отделение Зугдидск. исполкома для реализации хлебного спирта и коньячное производство.

Т-во «Конкордия». Продажа оптом и в розницу по умеренным ценам.

Розлив Шенгелая.
Г. Сухум, ул. Зиновьева (быв. Воронцовская).
К. и Т. Шенгелая.

Завод искусственных минеральных вод.

Воды приготавливаются на кипяченой воде.

При заводе склад лучших вин. Братья МГЕЛАДЗЕ. Р. КИХА-
БИДЗЕ.

Сухум, ул. Зиновьева, № 23 (быв. Воронцовская).

Писчебумажный и игрушечный магазин Мазлумян.

Большой выбор канцелярских принадлежностей.

Ул. Свободы, № 72.

Хромолитография (при типографии)

принимает печатание афиш, плакатов, объявлений на всех языках, чертежей, нот, бланков, чеков, конторских книг, визитных карточек, винных, табачных и других ярлыков и этикеток. Печатание на жести, дереве, материи и т.д.

Быстрое, аккуратное и художественное исполнение. Цены умеренные.

КРАТКИЙ ОЧЕРК АБХАЗИИ.

Границы. Территория ССР Абхазии образовалась из бывшего Сухумского округа и Гагринского района Черноморского округа.

На севере река Махадыр отделяет Абхазию от Черноморского округа РСФСР; на востоке Главный Кавказский хребет отделяет ее от Кубанской и Карачаево-Черкесской автономной области; на юге река Ингур – от ССР Грузии; на западе ее границей является Черное море.

Устройство поверхности. Абхазия представляет узкую прибрежную низменность, переходящую в плоскость, пересеченную рядом продольных и поперечных хребтов, заканчивающихся Абхазо-Кубанской частью Главного Кавказского хребта, или Абхазскими Альпами.

Абхазские Альпы состоят из хребтов с твердыми вулканическими породами, главным образом, гнейсов, гранитов, метаморфических сланцев. Эта часть Главного Кавказского хребта достигает значительной высоты – до 3.000 метров (около 3 в.). Перевалы через него лежат очень высоко, так Марухский – на высоте 2725, Клухорский – 2882 метров над уровнем моря.

Главнейшие вершины Абхазских Альп достигают 3.800 м., Домбай-Улькен – 4 041, Белалакая – 3.922, Эрцог – 3 868 метров.

Большие и мощные ледники, скалистые фирновые поля, глубокие и узкие ущелья, многочисленные водопады и т.п. придают местности вполне горный, альпийский характер.

От Главного хребта отходит целый ряд продольных и поперечных высоких хребтов. Эти отроги идут сначала почти параллельно Главному хребту, в общем, с запада на восток, а затем примыкают к нему под углом.

Самым северным отрогом является Гагринский хребет, служащий водоразделом рек Бзыби и Псоу. Отроги этого хребта доходят до самого моря, кончаясь приморскими утесами. Главные вершины хребта достигают 2500–3000 метров, пик Ацетуко – 3410.

Состоящий преимущественно из известняков, Гагринский хребет во многих своих частях представляет интересные примеры карстовых явлений (исчезание рек, образование пещер

и обширных воронкообразных впадин на поверхности известняков).

Чадымский, или Бзыбский хребет служит водоразделом рек Бзыби и Кодора. Главной вершиной его является гора Чадым 2795 метров высоты. Все склоны этого хребта покрыты густым девственным лесом, который доходит до альпийских лугов. Чадымский хребет вместе с Гагринским и Главным Кавказским образует труднодоступную лесистую теснину реки Бзыби, так называемое урочище Псху.

Панавский, или Кодорский хребет, служит водоразделом для рек Кодора и Ингура. Ряд вершин его покрыт вечным снегом и превышают 2 500 метров. Склоны Панавского хребта также лесисты.

Отроги двух последних хребтов образуют более доступное Кодорское ущелье, обычно носящее название Цебельдинского или Дал.

Горы Абхазии довольно резко переходят в прибрежную низменность, которая не всюду одинакова. Севернее Гагр горы подходят к самому морю. Южнее, в Гудаутском уезде они отступают и между реками Бзыбью и Псыртсхой отстоят на 18–20 верст от моря. В этом районе прибрежная часть страны изредка пересекается то возвышенными равнинами, то невысокими холмами, идущими почти перпендикулярно к морю. В следующей части побережья, от реки Псыртсхи до реки Кодора, горы подходят к морю значительно ближе и ширина прибрежной низменности местами отходит от моря и уже в Самурзаканском уезде прибрежная полоса доходит до пятидесятиверстной ширины, нося характер степной низменности.

Обычно прибрежная низменность Абхазии делится на части:

Пиленковскую – от границы до Гагринсой теснины;

Калдахварскую – по обоим берегам Бзыби;

Лыхненскую – на юг от Калдахварской до р. Псыртсхи;

Сухумскую – от Псыртсхи до р. Маджарки;

Кодорскую – от р. Маджарки до Гализги;

и Самурзаканскую – от Гализги до Ингура.

Горы Абхазии содержат в себе несколько месторождений каменного угля. Наиболее мощным месторождением первоклассного коксующегося угля является Ткварчельская дача.

Ткварчельская дача находится в 30-ти верстах к северо-востоку от Очемчир. Эта дача делится на две почти равные части верхним течением реки Гализги, которая дает огромный запас белого угля. Дача покрыта густым лесом, главным образом, граб, дуб, липа.

Ткварчельские залежи были исследованы целым рядом специалистов-ученых, которые признали, что они по качеству не уступают лучшим сортам угля на мировом рынке. Достоверный, доказанный запас угля в Ткварчельской даче равен 13 ½ миллиардам пудов, но предполагается, что он достигает 27 миллиардов (приблизительно равен половине Донецкого бассейна).

Ткварчельскую дачу пытались разработать, но вследствие отсутствия дорог к морю и портовых сооружений в Очемчирах, накладные расходы по доставке настолько велики, что не дают возможности ткварчельскому углю выступить на рынке.

В таком же положении находится и уголь Бзыбского месторождения.

Кроме того, в Гудаутском и Гумистинском уездах, в районе горы Дзышра и долины Гумисты, известны месторождения серебра и свинца. Последние эксплуатировались еще шесть-сот-пятьсот лет тому назад. В начале настоящего столетия пытались эксплуатировать свинцово-серебряное нахождение в районе горы Дзышра, но из-за высоких расходов по транспорту эксплуатация их была заброшена.

Кроме того, в горах Абхазии встречаются залежи асфальта, литографского камня, мрамора, серного колчедана, барита, цинка, аспидного сланца, ряда минеральных красок, цементных известняков и т.д. Многие из месторождений обследованы московским геологическим комитетом, по заключению которого намечаются реальные перспективы к их промышленной разработке.

В Абхазии имеется довольно значительное число горячих и холодных минеральных источников, причем многие из них пользуются большой славой, как целебные. К сожалению, большинство из них не исследованы и неизвестен с точностью их дебет. Среди источников преобладают соленые.

Наибольшей славой пользуются горячие, серные «Ткварчельские», или «Абаранские», источники на правом берегу

реки Гализги, в 30-ти верстах от г. Очемчир. Температура воды этих источников от 28 до 30,5°. Заслуженной же славой пользуется источник в урочище реки Бзыби «Абхазский нарзан» – холодный углекислый. На каждом из этих источников ежегодно пользуются лечением по 600–1000 больных.

Использование гор Абхазии в курортном и экскурсионном направлениях началось. Так, в селении Цебельда, Гумистинского уезда, устроен дом отдыха, пока местного значения. Летом 1924 года целым рядом ленинградских и московских курсантов, во главе с учеными и профессорами, были совершены экскурсии по Абхазии, в том числе и горные.

Гидрография.

Черное море. Абхазское побережье имеет общее направление с северо-запада на юго-восток. Оно относительно сильно изрезано. Пользуются известностью мысы: Пицундский, Бомборский, Соуксу, Сухумский, Кодорский, Искурия или Исгаур. Эти мысы образуют ряд открытых бухт: Гагринскую, Пицундскую, Гудаутскую, Сухумскую и Очемчирскую (Скурча).

Сухумская бухта, вернее Сухумский залив, расположен к югу от низменного Сухумского мыса. Обширный – до 5 вер. в окружности, – полукруглый, открытый к югу, но довольно спокойный во все времена года. Сухумский рейд считается единственным на восточном побережье Черного моря по совокупности своих достоинств. Главный его недостаток – быстрое котловидное понижение берега.

С экономической стороны население Абхазии мало использует приморское положение своей родины.

С точки зрения рыбных промыслов, абхазское побережье распадается на два района. В северной части Абхазии рыба обычно ловилась в Гагринской и Пицундской бухтах. Устья здешних рек изобилуют рыбой всяких пород. В реках Мычише (Черной) и Бзыби часто встречается форель и благородный лосось.

В южной части Абхазии лов красной рыбы сосредотачивался в Сухуме. В этом районе рыбным промыслом занимались круглый год, за исключением летних месяцев, приезжавшие из Анатолии (Малой Азии) турки. Добыча шла не только на удовлетворение потребностей местного населения, но и до

самой империалистической войны вывозилась в Европейскую Россию.

Производилась большая охота на сезонную рыбу: сельдь, анчоус («хамса»), кефаль, бычки и др. В особенности большую добычу давал анчоус.

Помимо рыбных промыслов, широко можно было поставить также и устричный промысел. Центром устричного промысла явилась Гудаутская бухта, где этот промысел возник еще в 80-х годах прошлого столетия. Местом лова устриц близ Гудаут служит небольшая песчаная площадка морского дна, с выступами каменных гряд, имеющая удлиненную форму, – шириной в 50 саж. и длиной до 4-х верст, и расположенная в двух верстах от берега на глубине от 7 до 12 саженей. Лов устриц производился с сентября по апрель включительно и давал обильный сбор.

Устричный промысел существовал также и в Сухуме, но, вследствие хищничества и ловли в период размножения (август-сентябрь), сухумские месторождения устриц все истреблены.

До империалистической войны у берегов Абхазии был развит дельфиний промысел, которым занимались, главным образом, турки Трапезундского вилайета. Они прибывали в Абхазию в начале осени и, проработав на рыбной ловле до весны, переходили на бой дельфинов.

Дельфины у наших берегов встречаются обыкновенно трех видов: обыкновенный черноморский дельфин, черный дельфин, или морская свинья, и реже азовский, или малый дельфин.

Ловля дельфинов происходит, главным образом, из-за жира, хотя из них можно еще добывать клей, спермацет, кожу и мясо, идущее, главным образом, на тук для удобрения.

Самый бой дельфинов у нас происходит обычно следующим образом. Завидя стадо дельфинов, бойцы на нескольких лодках (фелюгах) окружают его большим – до 40 саженей ширины и 400 саженей длины – неводом. Затем круг начинает сокращаться и тогда бойцы бьют их выстрелами из ружей. Убитых дельфинов баграми вытаскивают в лодки, где и снимают с них весь жир.

Дельфиний промысел сосредотачивался у Кодорского

мыса, вблизи Сухумского маяка и, главным образом, в Пицундской бухте.

Морских купальных районов в Абхазии мало. В довоенное время с этой целью использовались лишь Гагры, Гудауты, Мюссера и отчасти Сухум и м. Псыртсха (быв. Новый Афон), хотя лучшим по песчаному пляжу является гор. Очемчиры.

Реки, озера, болота. Устройство поверхности Абхазии дает большое количество рек. Реки Абхазии, в большинстве случаев, берут свое начало на высоких гребнях гор из снегов и ледяных полей. Течение их весьма быстрое и размывающая (эрозионная) деятельность их очень велика. Реки Абхазии текут по глубоким, узким, прорезанным ими ущельям (урочищам), с крутыми, часто отвесными склонами. Эти ущелья являются их долинами. Дно ущелий обычно загромождается многочисленными, разной величины, обломками скал, приносимых половодьями, после сильных ливней и т.д. В среднем течении реки текут относительно спокойно и несут более мелкий материал в виде булыжника. В нижнем течении реки Абхазии обычно выходят на прибрежную низменность и течение их значительно замедляется. Принесенные из верхнего и среднего течения, уже в виде гальки, каменные обломки и песок осаждаются и образуют в нижнем течении мели, перекаты и острова. Вследствие этого русло рек разветвляются на несколько рукавов (притоков), образующих речную дельту. Благодаря этому, реки Абхазии в среднем и, главным образом, нижнем течении меняют свои русла. Места впадения небольших рек часто морскими приboями заносятся и речные воды просачиваются через гальку пляжа.

Мелководье у рек, стекающих с Главного Кавказского и больших местных хребтов, бывает в самое холодное время года (декабрь-февраль), а половодье наступает в летние месяцы (июнь-июль), когда в горах начинается таяние снегов. Разливы рек бывают, главным образом, при сильных ливнях, что объясняется быстрым стоком с гор выпавшей массы воды.

Из рек Абхазии наиболее значительными являются: Ингур, Кодор, Бзыбь, Гумиста, Келассури, Мычиш, Хипста, Мокви и Гализга.

Наиболее значительной рекой является Ингур, пограничная река между Абхазией и Мингрелией (Зугдидским уездом), составной частью ССР Грузии.

Кодор образуется от слияния рек Чхалты (Адзгара) и Сакена, берущих начало из ледников Главного Кавказского хребта. В верхних частях Кодор стесняется лесистыми, скалистыми горами. В особенности возвышена левая его сторона. В низовьях же Кодор протекает по довольно обширной, лесистой долине. Ниже урочища Наа Кодор разбивается на рукава и так течет около трех верст. В 15-ти верстах от моря, Кодор снова делится на рукава. У селений Владимирское и Эстонское Кодор, пробивая себе новое русло, причиняет много бед населению, размывая культурные участки. Протяжение Кодора 170 верст и впадает он в Черное море у Кодорского мыса. Быстрота течения Кодора настолько велика, что в его устье с моря не могут заходить даже простые, мелкие гребные судна.

Река Бзыбь тоже одна из больших рек Абхазии. Она берет начало в ледниках Главного хребта. Большая часть Бзыби лежит в урочищах Псху и на высоте свыше 1000 футов. Затем Бзыбь выходит на низменную, у устья заболоченную, долину. За несколько верст до впадения Бзыбь разбивается на два рукава. В устье главного рукава, впадающего в Черное море в верстах пяти севернее Пицундского мыса, образуются дельты. Бзыбь многоводна и бурлива. Ее течение многими определяется как «бешеное».

Реки Абхазии, если не считать кустарных мельниц, да небольших оросительных каналов, пока почти совершенно не используются.

Горный характер абхазских рек, вызывающий иногда бедствия, в виде наводнений, составляет в то же время и их главную государственно-хозяйственную ценность, являясь источником громадных запасов даровой энергии, так называемого белого угля.

Гидравлическая энергия рек зависит от двух элементов: количества воды, протекающей в реке (дебет), и уклона реки (сила падения). Первый элемент не дает постоянной величины и подвержен периодическим колебаниям в зависимости от времени года. Что же касается уклона, то всякая река, имеющая падение не менее 6 1/2 метров на километр длины (около 3-х сажень на версту), является уже энергией, могущей быть превращенной в работу. Вообще же гидравлическая энергия тем ценнее, чем больше уклон, так как при большом уклоне требуется соответственно меньше количества воды.

Точного учета количества, находящейся в Абхазии гидрав-

лической энергии еще не производилось. Но, на основании ряда случайных исследований, мощность главных рек Абхазии исчисляется в громадную цифру миллионов лош. сил. Участки рек Абхазии, обладающие минимальной (низкой, промышленной) мощностью (свыше 10.000 лошадиных сил), приведены в следующей таблице, причем мощность подсчитана для трех характерных дебетов воды:

- 1) низкого, важного для промышленности, т.е. такого, меньше которого в реке бывает не более десяти дней в году;
- 2) девятимесячного, т.е. такого, который держится не менее 9 месяцев в году;
- 3) полугодового, т.е. такого, который держит не менее 180 дней в году.

Реки и их участники	Мощность в	лошади- ных	силах
	Низкая	Месячная	Полуго- довая
Кодор от верховья до р. Гвандры	33.400	53.200	80.200
Кодор от Гвандры до устья	122.200	196.000	294.000
Гвандра на всем протяжении	20.90	33.300	49.500
Бзыбь от Кош до р. Геги	172.100	205.000	229.500
Бзыбь от истока до р. Юпшары	42.000	49.500	55.500
Гега от истока до р. Юпшары	17.000	19.700	22.400
Гега от Юпшары до устья	10.000	11.800	13.300
Лашипсе на всем протяжении	20.000	23.300	25.900
Гумиста на всем протяжении	64.000	77.750	88.200
Келассур на всем протяжении	40.000	47.200	52.800
Гализга от р. Музоры до устья	34.700	55.800	83.500
Ингур от Иеискрира до 17 вер. от устья	177.600	284.000	425.800

Последние исследования доказали, что эти реки дают представить большую (иногда в 5 раз) мощность. Но, чтобы представить и эту величину, нужно помнить, что одна лошадиная сила энергии соответствует труду 10-ти рабочих, т.е. 30 рабочим дням, причем этот источник энергии является вечным, неиссякаемым, как другие виды топлива, дешевым; особенно при крупных установках и непрерывного производства, и, наконец, более гигиеничное, чем коптящее минеральное топливо.

Хотя у нас в Абхазии более 10 % электрифицировано и число станций, относительно больше, чем в любой другой части Советского Союза (Сухум, Гагры, Новый Афон, Гульрипш, совхоз III «Интернационал» и строящаяся Самурзаканская), все же мы используем крайне ничтожную – одну миллионную часть имеющихся у нас запасов белого угля.

Электростанция.

Озера. Абхазия бедна озерами, правда, они встречаются, но крайне небольшие и в незначительном количестве. Прежде в Абхазии существовали большие озера, доказательством чего служат котловины с озерными отложениями, к числу которых нужно отнести ущелья реки Кодора и Бзыби. Эти пространства ранее были озерами, которые исчезли вследствие того, что были спущены протекавшими через них реками, которые размыли один из краев озерной котловины.

Из существующих ныне остановимся на находящемся в бассейне реки Лашипсе, правого притока Бзыби, на высоте 970 метров (около версты), над уровнем моря озеро Рица. Озеро Рица – плотинное – заполняет вытянутую с востока па запад котловину длиной до 3 ½ верст и до версты шириною. Образовалось оно вследствие запруды долины реки Лашипсе огромным обвалом, свалившимся некогда с окружающих озеро горных отрогов. Впоследствии река промыла себе через эту запруду выход в озеро и озеро стало проточным. Помимо Рицы в крае имеются озера Мзы, Инкит и др.

Болота. Заболоченность в Абхазии встречается в прибрежной низменности, главным образом у устьев рек, но все они не велики, за исключением Самурзаканско- Ингурского болота, которое весьма значительно и достигает несколько десятков квадратных верст.

Климат. Благодаря Главному Кавказскому и ряду продольных хребтов, прикрывающих ее от холодных северо-восточных ветров, а также обнаженности ее для теплых и влажных юго-восточных, климат Абхазии в прибрежных частях отличается своей мягкостью и влажностью. В прибрежной полосе снегопад бывает не ежегодно и в очень незначительных количествах. Зима начинается в конце декабря – начале января и бывает, что продолжается всего 3–4 недели. Но и зимою тем-

пература редко опускается ниже нуля. Даже в очень холодные зимы, какими являлись зимы 1910–1911 и 1924–1925 гг. температура не падала ниже 7 градусов.

Средней температурой для нижних частей Абхазии нужно считать: для зимы около 6, весны 12.5, лета 22.5, осени 15.5 и годовую 14 градусов.

На плоскогорье же в Абхазии климат уже другой и близко подходит к климату южной и средней полосы Советского Союза. Еще выше мы находим полосу снегов и ледников.

Помимо большого количества тепла, климат Абхазии отличается большой влажностью. Дожди выпадают сильными ливнями. Кроме того, в Абхазии, как в субтропическом крае, зима выражается не снегопадом, а главным образом, дождливым временем. Среднее годовое количество осадков в Сухуме достигает 1300 миллиметров.

Абхазия славится своими климатическими, богатыми солнечными днями и озонированным воздухом станциями – лечебными районами. Сухум и его окрестности, по совокупности данных, специалисты приравнивают к Ницце и Ривьере, а многие ставят даже Сухум выше Ниццы. Кроме Сухума, заслуженной славой пользуются Гагры, с. Гульрипш (в 10–12 верстах на юг от Сухума). Начинали также приобретать известность, как климатические станции, г. Гудауты, с. Мюссера, с. Цебель-др, ур. Латы и др.

Почвенная область прибрежной низменности Абхазии с прилегающими горными склонами характеризуется влажным субтропическим и отчасти средиземноморским субтропическим климатом и богатой лесной растительностью, которая на самой низменности состоит из перевитых лианами, плющом и другими ползучими растениями лесов; в средней по высоте полосе имеются примеси вечно-зеленых кустарников, а в верхней полосе состоит преимущественно из хвойных пород.

В зависимости от этого и почвы расположены в виде вертикальных зон. Наиболее низменную часть республики занимают болотные и подзолистые почвы. Несколько выше они сменяются горными лесными почвами. За горными почвами занимает почвенная область высокогорий, верхняя граница которой является нижней границей вечных снегов.

Наиболее характерными почвами Абхазии являются крас-

ноземы, представляющие собой типичные почвы влажных субтропических стран, подобные красноземам Цейлона, Южного Китая и Японии. Мощность их в разных местах республики различная, колеблясь от полдюйма (полтора сантиметра) иногда до нескольких сажен. Наибольшее количество перегноя, содержащегося в них, доходит до 7–8 %, но обычно его содержится значительно меньше. Обыкновенно красноземы бывают покрыты густой растительностью, защищающих их от размывания, и служат почвами для культуры чая.

Из высокогорных почв отметим горно-луговые светло-бурые почвы альпийских лугов.

Растительность. Растительность Абхазии также разнообразна, как и ее рельеф местности, почва и климатические условия. Изменение растительности по мере поднятия над уровнем моря и образования, таким образом, вертикальных растительных поясов сказывается очень наглядно.

Таких вертикальных растительных зон или поясов можно для Абхазии установить пять.

Зона лиановых лесов занимает нижнюю полосу лесов на низменностях и горных склонах до 400–500 сажен (900–1000 метров) над уровнем моря. Растительность этой зоны чрезвычайно разнообразна и содержит много видов вечнозеленых растений, при чем леса перевиты множеством лиан. Травяной покров в лесах этой зоны заменен густыми зарослями папоротника. Эти черты сближают растительность на приморской низменности Абхазии с растительностью влажных и теплых субтропических стран. При таких благоприятных климатических и почвенных условиях не только немислимо истребление растительности и, главным образом, лесоистребление, но, напротив, населению приходится бороться и зачастую бесплодно, с лесом, и, главным образом, с травяными покровом – папоротником и «колючками» – лианами, ежевикой, «держи-дерево».

Вторая зона – это лиственная зона, с вечнозеленым подлеском. Этот пояс занимает полосу горных склонов от границы первой зоны до 600–700 сажен (1500–1650 метров) над уровнем моря. Растительность этого пояса своим разнообразием далеко отстает от первого. Лианы в ней вовсе отсутствуют, а преобладают обычные лиственные породы, главным образом, бук. Зато пышно развит подлесок из вечно зеленых пород, как-

то лавр, лавровишня, падуба, понтийский рододендрон, самшит, маслина.

За этой зоной до 2-х верст (2100 метров) над уровнем моря тянется третьехвойная зона, главные, подавляющие числом, представители которой являются пихта и ель.

Затем на уровне 950–1100 сажен над уровнем моря – узкая зона высокогорных лесов, в которой преобладают береза, черный клен, рябина.

И, наконец, последняя зона – зона альпийских лугов, которая соприкасается с вечными снегами.

Леса. Следствием важного субтропического климата в Абхазии является повсеместное преобладание лесов. Можно, не преувеличивая, сказать, что вся Абхазия представляет лес, лишь местами разряженный и расчищенный руками человека. Одни только осыпи в горах, болота в устьях рек (Ингур и др.) да приморский пляж являются от природы безлесными местами, хотя и на болотах и верхней части пляжа встречаются поросли.

Влажный, теплый климат Абхазии способствует произрастанию у нас массам таких растений, как самшит, лавровишня, армянский и понтийский дуб, благородный лавр, филлирея, понтийский рододендрон, клекачка, ломонос, хурма, резонансовое дерево и др. Кроме того, больших размеров достигают тут европейские породы: ясень, липа, клен, падуб, каштан, дуб, граб, сосна, бук, грецкий орех, шелковица и др.

Кроме того, на Пицундском мысу имеется небольшой лес растительности оригинальной формы. Это, так называемая, пицундская сосна, являющаяся остатком третичной растительности.

Точного подсчета лесов Абхазии до сих пор не было. Мнения специалистов по этому поводу так различны, что можно вывести только среднюю цифру, по которой количество лесов определяется в 470–480 тысяч десятин, или 60 % всей территории страны. Некоторые эту цифру повышают до 680 000.

Кроме того, имеются большие и ценные дачи: Ткварчельская, Окумская, Кодорская и др. Из общинных лесов по своей ценности выделяется лес сел. Дурипш, Гудаутского уезда.

Пастбища. Зона альпийских лугов представляет первоклассные летние пастбища, на которые выгоняют свой скот не только население Абхазии, но и отчасти население Сванетии и

Мингрелии. Количество летних в высокогорных пастбищах в Абхазии определяется в 120.000 десятин, но и эта цифра спорная.

Сады и виноградники. Благодаря влажному и теплomu климату в садах Абхазии можно разводить многие растения субтропических и даже тропических стран. Здесь в большом количестве встречаются магнолии, агавы, криптомерии, кактусы, пальмы сотен пород, бамбук, банан, чайный куст, оливки, апельсины, лимоны, мандарины.

Кроме того, в большом количестве тут имеются общеевропейские декоративные и плодовые породы растений.

Сад «Синоп».

Промышленное значение в Абхазии имеют мандарины, экспорт которых в довоенное время достигал больших размеров и теперь кооперативными организациями восстановлен, приближаясь к прежним размерам.

Большой в довоенное время существовал вывоз персиков (Гудауты), сушеного чернослива (Гагринский район), разных сортов пальм (Сухум и Новый Афон), цветов (Сухум) и маслин, теперь еще не восстановленный.

Кроме того, существовал и существует экспорт лаврового листа, «абхазских» яблок, мелкого ореха (фундука), каштанов.

Переработка продуктов садоводства находится в Абхазии в зачаточном состоянии.

Наиболее ценные и имеющие большие перспективы Сухумская фармацевтическая фабрика и Псыртхинская (быв. Ново-Афонская) фабрика эфирных масел, вырабатывающие ряд эфирных масел и др. препаратов.

Заготовка и сушка лаврового листа, приготовление чернослива, сушеных фруктов и т.п. производится вполне примитивными способами отдельными гражданами.

Виноградоводство сильно развито в Абхазии. Оно занимает видное и почетное место в сельском хозяйстве страны, в особенности в Гудаутском и Кодорском уездах республики. Несмотря на это, оно стоит на весьма низком уровне развития. Виноградная лоза, за исключением восточных селений Гумистинского уезда, произрастает повсеместно в республике, но в подавляющем большинстве, не культурно. Лоза в Абхазии,

обычно, запускается виться по стволам и ветвям деревьев, отчего, понятно, уход за ней затруднителен, она быстро дичает, что отражается на урожае, как в количественном, так и в качественном отношении. Туземных и отуземившихся (акклиматизировавшихся) сортов виноградных лоз достигает до 100 сортов. Все они, так называемые, «винные сорта», и наиболее распространенными являются изабелла, качич и т.д. Под этими виноградниками в Абхазии занято до 4.000 десятин.

Культурные виноградники в Абхазии имеются в небольшом количестве, главным образом, в совхозах («Гульрипш», «Виноградники» и др.) и в дачных районах Сухума, Гудаут и Гагр, а также м. Псыртси (быв. Новый Афон). Но и в культурных виноградниках, почти исключительно винные сорта, при чем преобладают французские лозы: сотерн и др.

Лозы десертного (столового) винограда в Абхазии, как редкость.

Абхазские вина по своим качествам и достоинствам не уступают крымским и другим Кавказским винам. В особенности отличаются своим достоинством и букетом вина, выделяемые в центральном и южном районах Гудаутского уезда, где часто встречаются в небольших количествах чисто абхазские старинные лозы. К сожалению, выделка вина производится теми же способами и приемами, какие существовали и сотни лет тому назад. Вследствие того, что при выделке не соблюдается примитивной предосторожности, туземные вина, приготовленные осенью, уже весной начинают закисать и в конце лета некоторые не отличаются от уксуса. Всего в республике получается от 1 ½ до 3-х миллионов ведер вина.

Экспорт абхазских вин в дореволюционное время почти не существовал. В последнее время из Гудаутского уезда в СССР начали вывозиться вина, но не в больших количествах (20.000 ведер). Кроме того, на имеющихся в Гудаутах заводах выкуривается из вин спирт, который еще прочно не завоевал рынка.

В последние 20–25 лет появилось несколько образцово поставленных виноделий, и из них в совхозах «Гульрипш» и «Виноградник», Гумистинского уезда, и Новый Афон, Гудаутского уезда. Выделяемые вина носят громкие имена тех «французских» лоз, виноград с которых пошел на изготовление вина: сотерн, малага, рислинг и т. д. Они не уступают аналогичным

винам Крымского, Анапского, Новороссийского и др. районов, а часто даже превосходят их.

Огородничество. Климат Абхазии позволяет получать продукты огородничества с мая по ноябрь и снимать с одного поля по 2–3 и даже 4 урожая. Несмотря на это, огородничество, за исключением пригородных районов, совсем не развито.

В последнее время ряд организовавшихся сельскохозяйственных кооперативов, «Абсад», «Красный Крестьянин» и др. обратили внимание на эту отрасль сельского хозяйства и уже в 1924 году наладили в Новороссийск, Ростов. Харьков. Москву и др. города экспорт овощей, главным образом, ранних. Пока можно говорить только о планах на будущее.

Животный мир. Животный мир Абхазии, в сравнении с растительным миром, очень беден. Леса, в особенности в приморской части Абхазии, – мертвы и безмолвны. Встречаются и местности, поражающие почти полным отсутствием мелких певчих птиц.

Поражает слишком малое разнообразие животного мира. В горах уже большое разнообразие и здесь мы встречаем много зверей: кабанов, оленей, коз, медведей. Из мелких животных – землемеров, лесных мышей, кротов, ежей, из которых особенный интерес представляет абхазский, или понтийский еж. Грызунов почти нет, и только заяц попадает повсеместно. Из хищных: ласки, куницы, волки, шакалы, лисы, рыси и др.

И птицы характерны для Абхазии: колхидский фазан, колхидский дятел, кавказская сойка, кавказский снегирь. Кроме того, встречаются орлы, сокола, дрозды, дикие голуби, пеликаны и др. Но вообще птиц мало. Только осенью и весной – во время перелетов – много разной дичи: утки, гуси, вальдшнепы, перепелки и др., которые держатся здесь некоторое время.

Гадами Абхазия тоже не богата, но все же здесь встречаются две свойственные приморской части Закавказья формы: ядовитая красная гадюка и кавказская жаба.

Из членистоногих в Абхазии в большом количестве встречается не крупный, мало ядовитый коричневый абхазский скорпион и различные сколопендры. Много в Абхазии различных моллюсков.

На приморье много чаек.

Охота, как промысел, ведется, главным образом, в горных селениях. К сожалению, охота ведется без соблюдения необхо-

димых правил, отчего зверь в количестве в последнее время сильно сократился, а водившийся на наших склонах главного хребта зубр, совершенно исчез. Из-за мяса охота ведется почти исключительно на кабанов.

Скотоводство в Абхазии ведется в довольно значительных размерах, но население преимущественно держит рабочий домашний скот и молочный.

Нужно заметить, что скотоводство в Абхазии, за исключением свиноводства в южных уездах, не имеет промышленного значения и служит лишь подспорьем в хозяйстве, а лошади являются, в большинстве случаев, даже убыточной его статьей.

Из пород рабочего скота разводится преимущественно местный горный тип, отличающийся малым ростом, костистостью, низкой молочностью и относительно достаточной способностью к откорму. Лишь у немецких и эстонских колоний, да в пригородных районах водится крупный скот.

Местное овцеводство грубошерстное и местная овца дает в среднем около 5-ти фунтов шерсти в год и обильный приплод.

Местные свиньи не отличаются большой способностью к ожирению, но дают довольно большой приплод.

По данным переписи 1917 года в республике числилось:

Лошадей	около	15.000
Крупного рогатого скота	свыше	100. 000
Буйволов		22.500
Овец		25.500
Коз		30.000
Свиней		37.000
Ослов		400
Мулов	около	100

Население. Точных данных о количестве, в настоящее время, населения Абхазии не имеется – судя по разным данным, оно немного превышает 190.000.

Главное коренное население республики – абхазцы, общее количество которых в настоящее время до 110.000 человек.¹

¹Абхазцев, кроме Абхазии, начитывается: на Северном Кавказе (абхазинцы и др.) до 50.000, на побережье Черного моря (чануши в Черноморской губернии, а также в Аджаристане) до 5.000 чел. и в Турции (в Малой Азии) до 300.000 чел.

На землях, освободившихся после выселения абхазцев после 1830 года, Крымской кампании и русско-турецкой войны поселились колонисты: русские, грузины, немцы, эстонцы и др., которых в общей сложности до 35-ти тысяч.

Кроме того, главным образом, во время империалистической войны беженцев-армян, греков и из Привислянского и Прибалтийского края вселилось до 45 тысяч, состоящих и до ныне в подданстве других государств, главным образом Греции, Польши и др.

Язык абхазцев принадлежит к яфетическому семейству.

Главное занятие сельского населения Абхазии – земледелие. Сеют почти исключительно кукурузу, причем поля обрабатываются деревянной сохой, деревянной бороной и т.п. орудиями.

Из промышленных культур сильно процветало табаководство, под которым была занята площадь в 8 ½ тысяч десятин. Во время империалистической войны и, в особенности, по введению меньшевистским правительством Грузии табачной монополии, табаководство начало падать и дошло до 100 десятин в 1922 году. Целым рядом мероприятий советскому правительству Абхазии удалось добиться больших результатов и в 1924 году под табаком было 2.500 десятин, т.е. около 30 % максимальных достижений в этой области. Табаководство, главным образом, развито в центральной и северной Абхазии, т.е. в Гумистинском, Гудаутском уездах и Гагринском районе.

Широко развито повсеместно в Абхазии садоводство, причем преобладает абхазское яблоко, не требующее большого ухода и дающее благодаря этому урожай не ежегодно, а только через год. Сильно развито виноградоводство, в особенности в Гудаутском и Кодорском уездах.

Скотоводство, главным образом, коневодство и свиноводство, ведется в довольно значительных размерах, но доходной статьей является лишь свиноводство. Коневодство же составляет в сельском хозяйстве абхазца убыточную статью и является лишь традиционным, спортивным. Свиноводство развито, главным образом, в южной части Абхазии – в Кодорском и Самурзаканском уездах.

Пчеловодство издавна являлось любимым занятием абхазцев, но ведется дедовским методом и в народном хозяйстве является незначительной статьей.

Шелководство, вызывающее по народным поверьям засуху, не развито, но имеется в южной части республики.

Кустарные промыслы не развиты.

Торговля, считающаяся у абхазцев постыдным занятием, всегда находилась в руках пришлого элемента.

Жилища и селения. Жилище абхазца не носит характера фундаментальной постройки. Постоянные набеги и нашествия соседей, уничтожавших все на своем пути, а также теплый и мягкий климат, не требующий возведения солидных домов, приучили абхазцев к постройке своих жилищ весьма легкого типа. Типичный абхазский дом – пацха – сооружение из тонких досок в один ряд, а то и просто из тонких прутьев ивы или рододендрона, покрытого папоротником.

При доме обычно находится и весь участок: пашня, виноградник, сад. Таким образом, владения абхазца носят усадебный характер. Вследствие этого, отдельные дома в абхазских селениях разбросаны далеко друг от друга, а сами селения бывают раскинуты на несколько десятков квадратных верст, не смотря на свою малочисленность.

Благодаря этому, часто нельзя сказать, где кончается одно селение и начинается другое. Очень часто в Абхазии части одного селения носят разные наименования и считаются как бы самостоятельными.

Около дома абхазца типичное для Абхазии прибавление: кукурузник – род стога, в котором хранятся кукурузные початки.

Обстановка пацхи бедна. Посредине пацхи очаг, у которого деревянная скамья, у стен тахта с постельными принадлежностями. Кроме того, имеются сундуки для вещей и корзины для продуктов. Теперь в пацхах уже завелись столы, табуретки, стулья и т.п.

Одежда и пища. Одежда абхазца проста и скромна. Она, в большинстве случаев, из грубой шерстяной материи домашнего приготовления. Одежда мужчины состоит из бешмета, получеркески, довольно узких штанов. Национальный головной убор – папаха своеобразного покроя, теперь начала уступать место башлыку, повязанного вроде чалмы, или просто наброшенного на плечи. Широко распространена легкая войлочная или из материи шляпа с большими полями.

Национальный женский костюм, еще 30–40 лет тому назад господствовавший в Абхазии и ныне вытесняемый общеевропейским, состоял из длинного бешмета-каба, поверх которого надевалась безрукавка. На ногах узкие, турецкого типа, шальвары. Головной убор – платок, обувь – чупяки. Девушки носят с детства род корсета-лифчика, который сильно влияет на нормальное развитие.

Пища абхаза безыскусна и состоит, обычно, из кукурузного хлеба, вареного кукурузного хлеба (абыста), сыра, мацони и вареного мяса.

Благодаря своей грубости, пища абхаза требует для своего размягчения напитков. В виду того, что обычные напитки – чай, кофе, пиво, квас – не распространены, абхазец много употребляет вина, а осенью, когда происходит давка винограда, то употребляется молодое вино – амаджар.

Быт. Несмотря на то, что культурные навыки быстро внедряются в жизнь населения Абхазии, родовой строй еще до сих пор сохраняет большую силу в общественном и семейном быте абхазцев.

Патриархальность до наших дней удержалась в семейном, да отчасти и в общественном быте. Так, старшие в доме и обществе чтутся: пока они не сядут, младшие стоят.

В сохранившейся фактически женской половине дома и семьи всем ведает старшая из женщин; молодые невестки (атаца) находятся на положении рабыни и т.д.

Из наиболее вредных пережитков старины, сохранившихся в общественном быте Абхазии, является родовая месть.

Кровомщение является большим национальным бедствием. Бывает, что кровомщение разделяет целые общины на две, три враждующих партий. Энергичными мероприятиями советская власть старается вывести этот пережиток и в последнее время число убийств из мести сильно сократилось.

Не менее вредным является скотокрадство и, главным образом, конокрадство, которое служит в Абхазии проявлением молодчества и воинского духа и сильно подрывает народное благосостояние.

Таким же разорительным является целый ряд пережитков и традиций прошлых веков, назовем для примера обычай гостеприимства, взаимопомощи при бедствиях, при похоронах, которое иногда совершенно разоряет хозяйства и рода.

Переселенцы в Абхазии – русские, немцы, армяне, греки, мингрельцы – не передали своих навыков и привычек абхазцу. Вследствие трудности абхазского языка, они не могли сами ассимилироваться с абхазцами. Но некоторые, в большинстве случаев, только наиболее отрицательные традиции – кровомщение, скотокрадство и т.д., переселенцы все же заимствовали.

**ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ ЦЕБЕЛЬДИНСКИХ КУЛАКОВ,
ВЫНЕСЕННЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫМ ПРИСУТСТВИЕМ
ВЫСШЕГО СУДА ССР АБХАЗИИ 15 НОЯБРЯ 1929 Г.¹**

¹*Первое издание:* Приговор по делу цебельдинских кулаков, вынесенный специальным присутствием Высшего суда ССР Абхазии 15 ноября 1929 г. Сухум: «Советская Абхазия», 1929. 16 с.

Кулаки, обвиненные в проведении террора по отношению к работникам кооперации. Абхазская ССР, с. Цебельда, 1929 г. Мультимедиа Арт музей, Москва / Музей «Московский дом фотографии». (Источник: <https://russiainphoto.ru/photos/116155/>) (Дата обращения: 26.10.2019)

Обложка оригинального издания 1929 г.

Именем Советской социалистической республики Абхазии, специальное присутствие Высшего суда ССР Абхазии, в составе председательствующего Талахадзе И.И. и членов: Кукбая А.У. и Чолокьяна, при секретаре Церетели и пом. секретаря Азаречич, с участием государственных обвинителей Лагвилава Т. и Тарба А., общественных обвинителей т.т. Миносьяна, Меликсетова и Богдаяна и членов коллегии защитников: т.т. Лукьянова, Ундольского, Цецхладзе, Полякова, Липшица, Хожомия и Млаховского, рассмотрев в судебном заседании от 20 октября по 15 ноября 1929 года, в городе Сухуме, дело о кулацко-вредительской организации по обвинению:

1. Топчиана Маркоза Акоповича – 41 года, с низшим образованием, бывш. члена КП(б)Г с 1918 года, бывш. члена АбЦИК и бывш. зав. табачным отделом Абтабсоюза, в прошлом торговца и кулака, по ст. ст. 587, 588, 5813, 135 и 192 УК ССР Г.

2. Топчиана Месропа Акоповича – 46 лет, кулака и торговца, со средним образованием, судившегося, по ст. ст. 587, 588 и 17, 122 УК ССР Г.

3. Топчиана Погоса Акоповича – 55 лет, малограмотного, кулака-торговца, бывш. члена правления цебельд. райтабкоопы и сортировщика Абгосторга, судившегося, по ст. ст. 587, 589, 122 ч. 2 и 123 УК ССР Г.

4. Топчиана Арзумана Погосовича – 33 лет, образования низшего, кулака, бывш. председателя цебельдинского сельсовета и райтабкоопы по ст. ст. 587, 588 и 122 ч. 2 УК ССР Г.

5. Топчиана Карапета Саркисовича – 27 лет, малограмотного, кулака, бывш. милиционера, по ст. ст. 587 и 58 УК ССР Г.

6. Топчиана Карапета Арутюновича – 39 лет, малограмотного, кулака, бывш. члена КП(б)Г и бывшего председельсовета, по ст. ст. 587 и 588 УК ССР Г.

7. Караханьяна Сетрака Мкртычевича – 36 лет, малограмотного, бывш. главаря банды дашнаков-маузеристов, оперировавших на границе Турции, по ст. ст. 587 и 588 УК ССР Г.

8. Топчиана Левона Месроповича – 28 лет, с низшим образованием, кулака-торговца, по ст. ст. 587 и 588 УК ССР Г.

9. Сафьянова Ивана Константиновича – 48 лет, грамотного, кулака, бывш. зам. пред. цебельд. сельсовета и уполномоченного цебельдинского отделения Абгосторга, судившегося, по ст. ст. 587, 588 и 122 ч. 2 УК ССР Г.

10. Топчиана Амбарцума (Ампика) Погосовича, 33 лет, кулака-торговца, малограмотного, по ст. ст. 587 и 82 УК ССР Г.

11. Топчиана Акопа Месроповича – 20 лет, кулака, со средним образованием, по ст. ст. 587 и 588 УК ССР Г.

12. Белукбашьяна Ованеса Акоповича – 40 лет, неграмотного, кулака, по ст. ст. 587 УК ССР Г.

13. Атакиана Галуста Акоповича – 29 лет, малограмотного, середняка, по ст. ст. 587 и 95 УК ССР Г.

14. Топчиана Тиграна Погосовича – 22 лет, с низшим образованием, кулака, по ст. 587, УК ССР Г.

15. Чакирьяна Акопа Аветисовича – 32 лет, малограмотного, кулака, по ст. 587 УК ССР Г.

16. Нексарьяна Погоса Карапетовича – 30 лет, неграмотного, бывш. бандита-дашнака, маузериста на территории Турции, по ст. 588 УК ССР Г.

17. Домбольяна Карапета Аветисовича – 46 лет, малограмотного, бывш. кулака, бывш. председателя латского сельсовета, по ст. ст. 587 и 126 УК ССР Г.

18. Топольяна Грача Мкртычевича – 31 года, малограмотного, кулака, судившегося, по ст. ст. 587 и 124 УК ССР Г.

19. Топольяна Нерсеса Мкртычевича – 29 лет, кулака, малограмотного, по ст. 587 УК ССР Г.

20. Мелконьяна Александра Мисаковича – 29 лет, с низшим образованием, кулака, судившегося, бывш. председателя цебельдинского райтабкоопа, по ст. ст. 587 и 122 ч. 2 УК ССР Г.

21. Мавопуло Кузьмы Ильича – 35 лет, с низшим образованием, судившегося, кулака-торговца, по ст. 587 УК ССР Г.

22. Минасьяна Минаса Саркисовича – 36 лет, малограмотного, кулака, по ст. 587 УК ССР Г.

23. Чакирьяна Карапета Аветисовича – 36 лет, малограмотного, кулака, по ст. 587 УК ССР Г.

24. Чакирьяна Маркоза Аветисовича – 41 года, малограмотного, кулака, по ст. ст. 587 и 80 УК ССР Г.

25. Аветисьяна Аветиса Карапетовича – 25 лет, малограмотного, середняка, по ст. 587 УК ССР Г.

26. Топчиана Миграна Арутюновича – 35 лет, малограмотного, кулака-торговца, по ст. ст. 587 и 588 УК ССР Г.

27. Чаклова Константина Александровича – 35 лет, грамотного, кулака, бывш. кассира цебельдинского райтабкоопа, по ст. 122 УК ССР Г.

28. Миносьяна Ваграма Григорьевича – 26 лет, грамотного, бывш. члена КП(б)Г и бывшего председателя цебельдинского ЕПО¹, по ст. 122 2 ч. УК ССР Г.

29. Аракельяна Григорика Геворковича – 35 лет, кулака, с низшим образованием, бывш. члена КП(б)Г и бывшего сортировщика ольгинского райтабкоопа, по ст. ст. 186, 80, 120 и 75 ч. 2 УК ССР Г.

30. Геличали Стелиана Харлампиевича – 35 лет, с низшим образованием, кулака, судившегося, бывш. кандидата КП(б)Г и бывшего члена правления цебельдинского райтабкоопа, по ст. ст. 114, 183, ч. 2 и 75 ч. 2 УК ССР Г.

31. Ламбрианиди Панаиота Ивановича – 23 лет, малограмотного, середняка, по ст. ст. 17, 183, ч. 2 УК ССР Г.

32. Зейтуньяна Эрванда Нерсесовича – 32 лет, грамотного, кулака, бывш. сотрудника цебельдинского сельхозкредитного товарищества, по ст. 122 ч. 1 УК ССР Г.

33. Зейтуньяна Акопа Григорьевича – 42 лет, со средним образованием, судившегося, кулака, по ст. 80 УК ССР Г.

34. Миносьяна Аршака Саркисовича – 30 лет, грамотного, кулака, по ст. 114 УК ССР Г.

35. Карабулата Феодора Михайловича – 43 лет, со средним образованием, торговца, по ст. ст. 80 и 186 УК ССР Г.

36. Топчиана Мисака Саркисовича – 32 лет, малограмотного, кулака-торговца, по ст. 80 УК ССР Г.

37. Тозлияна Акопа Арутюновича – 55 лет, малограмотного, бедняка, по ст. ст. 95 и 96 УК ССР Г.

38. Чолокьяна Вартана Сааковича – 45 лет, малограмотного, кулака-торговца, по ст. ст. 95 и 96 УК ССР Г.

39. Текнеджьяна Ованеса Мартиросовича – 29 лет, малограмотного, середняка, по ст. ст. 95 и 96 УК ССР Г.

40. Мелконьяна Левона Мисаковича – 28 лет, с низшим образованием, судившегося, кулака, по ст. ст. 95, 96 и 183 УК ССР Г.

41. Топчиана Карапета Калустовича – 38 лет, грамотного, кулака, по ст. 183 УК ССР Г.

42. Терзияна Арута Карапетовича – 31 года, грамотного, середняка, бывш. члена АбЦИК'а и предправления цебельдинской сельхозкредитной кооперации, по ст. 115 УК ССР Г.

¹ ЕПО – Единое потребительское общество.

43. Миносяна Хорена Григорьевича – 29 лет, малограмотного, середняка, по ст. 183 УК ССР Г.

44. Топчиана Атыка Калустовича – 36 лет, малограмотного, кулака, по ст. 177, п. «ж» УК ССР Г.

НАШЛО:

Несколько десятков лет тому назад в одном из богатейших табаководческих районов Абхазии, в Цебельде, поселилась немногочисленная фамилия Топчиан. Состоя в большинстве из кулаков и зажиточных элементов и проводя беспощадную эксплуатацию и террор над всем окружающим населением в районе, фамилия эта быстро захватила в свои руки все экономические высоты района. Кулаки Топчианы отличались тем, что, ведя эксплуатацию и учиняя террор над бедняками своей и чужой фамилии, жили между собой внутри в полном согласии, представляя как бы одну акционерную кампанию. В борьбе с беднотой, а также с кулаками других фамилий, Топчианы часто прибегали к террору, для чего у них содержались банды дашнаков-маузеристов, специально выписанных из Турции. Кулаки Топчианы сохранили все организации эксплуатации и насилия и после советизации Абхазии.

С целью обхода закона о национализации земли, кулаки Топчианы населили свои обширные плантации прибывшими из Турции бандитами, выполнявшими их террористические задания. Всего таких людей было расселено на землях кулаков до 20 семейств. Таким образом, у кулаков: Маркоза, Месропа, Погоса и других, привлеченных по сему делу Топчианов, не только не осталось земли сверх нормы, но даже пришлось еще получить из госфонда. Так, например, Месроп Топчиан захватил фондовые земли в селе Амзара, после выселения оттуда греков и, огородив их, поселил часть своих бандитов. Все эти поселенцы-бандиты числились по поселковым спискам, как самостоятельные хозяйства, и уплачивали налоги и все прочие сельхозсборы как будто независимо, а большинство из них было освобождено от налогов, как маломощное. В действительности, все означенные поселенцы, вплоть до момента ареста кулаков Топчианов, являлись батраками-половинщиками последних, получали зарплату, одежду, керосин, мыло и все прочие продукты хозяйства, как лица наемного труда,

и всю продукцию труда сдавали кулакам Месропу и Маркозу Топчианам. Хотя земли и прочее имущество были записаны на имена поселенцев, но сами документы об этих имуществах, а также плантаторские листы, провозные ярлыки и прочее, находились у Месропа, который сам подтвердил это перед судом. По словам самих поселенцев: Петриди, Капитоньяна, Кетьяна, Белухбашьяна и др., указанные поселенцы являлись не только обыкновенными батраками, но настоящими рабами, наряду с батрацкими трудовыми обязанностями на них возлагалась еще обязанность наемных убийц топчиановских противников.

Таким путем достигалось не только сокрытие земель, но и объектов обложения. Числящиеся самостоятельными хозяйствами поселенцы в большинстве совершенно освобождались от налогов, а другая часть платила незначительные суммы. Хозяйство Маркоза Топчиана, номинальными хозяевами которого являлись – отец Маркоза – Акоп Топчиан и батрак-поселенец Атакиан Галуст, – платило в 1927 году сельхозналога 3 р. 17 коп., а сдало это хозяйство в том же году одних только табаков на шесть тысяч рублей – на имя Атакиана. Месроп, хозяйство которого делилось на 10–15 мелких хозяйств поселенцев, уплатил в 1927 г. налог 43 руб. 60 коп., а сдал табаков около двух тысяч пудов. Погос Акопович Топчиан сдал, по собственному признанию перед судом, до 100 пудов табаков за 1927 год со всего хозяйства, одновременно все его сыновья занимались скупкой табаков в крупных размерах; налогу же он уплатил за тот же год 14 руб. 70 коп.

С целью срыва советской кредитной политики на селе, кулаки-вредители, – под руководством Маркоза, Месропа и Погоса Топчианов, – создали целую сеть вредительских организаций, благодаря которой до 90 процентов отпущенных кредитов –ссуд под табаки – попало в руки кулаков и лишь незначительная доля, и то для отвода глаз от преступлений вредительской организации, досталась бедноте. Происходило это вредительство в такой форме: кулаки составляли длинные списки бедняков с просьбой от имени последних об отпуске ссуд, к списку прилагались все необходимые документы, фабрикуемые в сельсовете Арзуманом, Карапетом Арутюновичем Топчианом, Сафьяновым Иваном, Аракельяном Крикором и друг., к списку прилагались также заверенные сельсоветом доверен-

ности для получения денег на имена кулаков: Месропа, Погоса, Маркоза и других. На основании всех означенных документов, кулаки получали деньги без всякого ведома мнимых доверителей. Практиковался и другой порядок, когда кулаки получали деньги через подставных лиц, выставя таковых вместо лиц, фигурировавших в списках; так, в виде подставных лиц использовались: Атакиан, Кармириан, Геличали, Карабулат и другие. Кредиты эти отпускались крестьянству без процента и подлежали возврату при сдаче табаков; каково бывало поражение крестьян-бедняков, когда с них при сдаче табаков удерживались якобы ими полученные ссуды. На этой почве возникали сотни жалоб, но они никогда не находили справедливого разрешения; платить приходилось в конце концов беднякам.

Кулаки часто составляли и списки фиктивных лиц, каковые заверялись в сельсовете и райтабкоопе, как настоящие – вышеуказанными должностными лицами, и по каковым кулаки получали ссуду. Один такой список находится в настоящем деле на 150 человек, несуществующих нигде в Абхазии. Кулаки Погос и Месроп Топчианы признали себя виновными в получении ссуд на имена подставных и вымышленных лиц и обязались покрыть некоторые суммы, частично даже покрыли, но остаются еще непокрытыми обязательства на несколько десятков тысяч рублей.

Кулаки не довольствовались и этими путями. Возглавляя все советские, государственные и кооперативные организации цебельдинского района, они брали из касс райтабкоопа и райгосторга всю кассовую наличность, употребляя на личные нужды, главным образом, для срыва табачной монополии и для спекуляции. О предстоящих ревизиях они всегда осведомлялись заблаговременно и потому их изловить долго не удавалось.

Добытые такими преступными путями деньги шли на спекуляцию табаками. Но табачная спекуляция после запрещения частных заготовок ЦИК Абхазии, а именно с 22 июля 1924 года, была весьма рискованна. Однако, кулаки Топчианы и здесь не растерялись. Перед началом приема табаков, они собирались и, с помощью Маркоза Топчиана, заведывавшего тогда табачным отделом Абтабсоюза, выходили победителями советского закона и табачной монополии. На одном из таких совещаний,

весной 1928 года, присутствовало около 15 виднейших спекулянтов цебельдинского района, а именно: Месроп, Левон Месропович, Погос, Амрик, Арзуман, Акоп Месропович, Карапет Арутюнович, Карапет Саркисович и Тигран Погосович Топчианы, Атакиан Галуст, Чакириан Карапет, Балукбашьян, Капитонян, Кешиан, Кармириан, он же Петриди, и другие. На собрании председательствовал Маркоз Топчиан. Обсуждались вопросы организации вредительства, подрыва табачной монополии и дискредитирования государственных и кооперативных табакозаготовительных организаций. Между участниками строго были распределены роли: один должен был вести агитацию против сдачи табаков крестьянами в кооперативные организации – мотивом здесь использовалась невозможность для этих организаций расплаты с плантаторами при сдаче табаков за неимением денег, а также неудовлетворительная сортировка при приеме табаков. Сортировщики должны были обманывать крестьян в сортах, весовщики должны были обвешивать и т.п. Многие из участников совещания чистосердечно сознались во всем перед судом.

Таким образом, кулацко-вредительская машина была пущена в ход. Спекуляция табаками происходила не под полом, совершенно открыто, даже в самых стенах госкооперативных складов. Делалось это так: крестьяне привозили табак в склады райтабкоопа и Абгосторга. Здесь сортировщиками и приемщиками табаков были: Арзуман, Погос (отец Арзумана), Геличали, Аракелян и другие. Они осматривали табак и заявляли крестьянину, что его табак плохого сорта и могут быть приняты лишь очень дешево. Крестьянин-плантатор, сам зная, что его табак, скажем, 1-го сорта, не соглашался сдавать их за 2-й сорт, т.е. ниже действительного качества, но в районе других кооперативных и госзаготовительных организаций не было, а вывозить их на десятки и сотни верст за пределы района мелкий плантатор не мог, да и не было таких разрешений; из затруднительного положения плантатора-крестьянина «выручал» спекулянт, который тут же стоял около сортировщика в складе; он предлагал крестьянину более выгодные условия и покупал, расплачиваясь наличными деньгами, и затем эти же табак сдавал тут же в госкооперативный склад. От спекулянта сортировщика принимали табак уже по действительным

сортам и даже выше. Целый ряд крестьян-свидетелей показал суду, как их табаки Погос Топчиан браковал, а после того, как эти табаки попадали в руки его сына – Ампики Погосовича Топчиана – Погос их принимал с большим повышением. Сортировщики, не соглашавшиеся на такие комбинации, немедленно увольнялись. Сортировщик Абгосторга Погос Топчиан имел весы со специальным секретным приспособлением, посредством которого обвешивал крестьян-плантаторов. На кипу (полтора пуда) табак от 1 до 15 фунтов. Весы эти, ныне опечатанные, хранятся при цебельдинском сельсовете.

Таким образом, кулацко-вредительская организация грабила бедноту и середнячество.

Много убытков причинили казне кулаки растратами и поджогами застрахованных помещений и табаков, а также от мнимого градобития. Сафьянов, Иван Константинович, будучи уполномоченным Абгосторга в Цебельдинском районе по заготовке табаков, растратил, обратив в свою пользу 3.038 рублей, на каковую сумму приобрел дом. В растрате сознался.

Арзуман Погосович Топчиан, в бытность председателем Цебрайтабкоопа в 1928 году, растратил с учинением подлога 2.009 рублей, с помощью и участием Аракеल्याна Григора. Из этой суммы тысяча рублей были выданы Левону Месроповичу Топчиану для скупки табаков.

Погос Акопович Топчиан, вместе с Александром Мелконьяном, в бытность их членами правления райтабкоопа, учинили растрату на сумму свыше 20.000 рублей. Из этой суммы Погос признал на свою долю 18.697 руб. 89 коп., а Мелконян – 1.920 рублей, каковые частично ими покрываются.

Зейтуньян Эрванд Нерсесович, состоя на должности сотрудника в сел.-хоз. кредитной кооперации, не успев прослужить и двух месяцев, растратил 301 руб., каковую растрату он признал.

Минасьян Ваграм, будучи председателем ЕПО, растратил 1.600 руб. 68 коп. и для сокрытия следов преступления заручился фиктивным векселем от председателя мцарского ЕПО – Аршака Саркисовича Минасьяна, но во всем был уличен и частично сознался.

Аракелян Григорик, будучи сортировщиком райтабкоопа, с целью сокрытия растраты, учинил подлог, составил фиктив-

ные акты о формате, чем причинил ущерб кооперации, присвоив не менее 3.000 рублей.

Чаклов Константин Александрович в должности кассира цеб. райтабкоопа растратил 2.214 рублей, в чем частично сознался.

Растраты в Цебельдинском районе в продолжение долгого периода не могли быть обнаружены, благодаря тесной групповой поруче кулаков-вредителей. Будучи каждый раз заранее осведомлены о предполагавшейся ревизии и имея в руках все хозяйственные органы цебельдинского района, растратчики-кулаки к моменту ревизии брали деньги из касс других неревизуемых учреждений, пополняя растрату в ревизуемом.

Так, например, при ревизии в райтабкоопе деньги брались из кассы Абгосторга, а при ревизии Абгосторга недостача пополнялась из кассы райтабкоопа; в этом признались сами обвиняемые. Растраты удалось обнаружить только в начале следствия по настоящему делу, когда провалилась вообще вся кулацкая организация и когда все учреждения цебельдинского района были обревизованы одновременно.

С 1925 года в цебельдинском районе сильно участились пожары застрахованных строений, что обратило на себя внимание власти. В процессе предварительного и судебного следствия выяснилось, что большинство этих пожаров было организовано путем поджогов упомянутой кулацко-вредительской организации.

Месроп Топчиан застраховал табачный сарай одного из своих людей – Кармириана – в 1926 году. В ноябре того же года Месроп сделал предложение Кармириану (он же Петриди) поджечь сарай, заранее очистив его от табаков. Кармириан-Петриди, боясь уголовного преследования, на предложение не согласился, но через 15 дней после этого предложения сарай сгорел, а табачи оказались спасены еще до пожара. Встретив после пожара Месропа, Петриди спросил, кто именно поджог сарай, на что Месроп ответил, что это не его дело. Страховознаграждение было получено без всяких задержек в сумме 1.200 рублей.

В 1925 году сгорел дом Погоса Топчиана, за каковой он получил вознаграждение 4.671 руб. Ныне рядом свидетельских показаний установлено, что дом был подожжен самим Погосом

Топчианом, который заранее подготовил не только спасение всего имущества, но и всех ценных частей дома: стеклянной галереи (в 70 окон), крыши, пола, перегородок, дверей, окон и друг., использовав таковые целиком при постройке нового дома, переделав и перекрасив их.

Мигран Арутюнович Топчиан застраховал свои табаки в сарае от пожара на сумму 4.747 руб. в 1927–1928 годах. Через несколько времени табаки вывез на вьючных лошадях, а сарай поджег. В этом поджоге активное участие принимал его брат Карапет Арутюнович, бывший в то время председателем цебельдинского сельсовета и кандидатом КП(б)Г. Факт поджога установлен свидетельскими показаниями.

В 1927 году поджег свой табачный сарай Чакирьян Карапет, предварительно перевезший табаки в сарай Кочконьяна Александра и своего шурина Мелитлиана, в чем чистосердечно сознался сам Кочконьян и что было удостоверено рядом свидетельских показаний.

В том же году поджег свой табачный сарай Минас Минасян, очистив его предварительно от табаков и получив вознаграждение от Госстраха 1.000 рублей. Это доказано рядом свидетельских показаний и сознанием тех, кто тогда подписывал акт о пожаре. Последние заявили суду, что подписали акт, заранее зная хорошо, что сарай был подожжен самим хозяином, потому что Миносян угрожал им расправой в случае отказа от подписи.

Чакирьян Карапет также мошенническим путем получил вознаграждение от Госстраха за мнимое градобитие, побив свои табаки колючими ветвями акации.

Но всех указанных поджигателей перещеголял Стелиан Геличали, который за одни и те же табаки получил деньги от государства три раза: один раз за мнимое градобитие, другой раз за мнимый пожар, а третий раз за эти же самые табаки, сданные им в райтабкооп, в чем он был разоблачен целым рядом свидетельских показаний.

Не менее значительные убытки причинены кулаками и в деле страхования животных, но данное судебное присутствие еще не располагает законченным по сему делу следствием.

Все эти преступления причинили государству и крестьянству неисчислимый вред. В момент, когда все мобилизуется

на социалистическое строительство в городе и на селе, когда советская власть напрягает силы для поднятия сельского хозяйства, для помощи трудовому крестьянству, чтобы вывести эти массы из вековой кабалы и темноты, в этот момент кулацко-вредительская организация грабила бедноту и середнячество, дискредитируя госкооперативные организации и подрывая основы табачного хозяйства в цебельдинском районе. Десятки свидетелей заявили суду, что, несмотря на полную видимость для всех – и для населения, и для власти, – все вредительские махинации кулаков оставались безнаказанными. Жаловаться было не перед кем, везде сидели кулаки. В сельсовете сидели разновременно: Арзуман Топчиан и Сафьянов, в райтабкоопе – сначала Погос, после Арзуман Топчианы, в райгосторге разновременно – Погос Топчиан, Сафьянов и другие кулаки, а во главе табачного отдела в центре – Сухуме – был Маркоз Топчиан. Редко кто осмеливался подать жалобу в центр, но если кто решался на такой риск, он скоро убеждался, что его жалоба попадала не в руки беспристрастного следователя, а в руки того самого кулака, на которого она подавалась.

Центральная власть уделяла Цебельде мало внимания, несмотря на то, что этот район является крупнейшим табаководческим районом в Абхазии. Бедняцко-середняцкая масса цебельдинского района была оторвана от партии и центральной власти. Между нею и руководством центра стояла топчиановская кулацкая стена, подпираемая Маркозом и его друзьями: Начкебия, Дамения, Ханджария и другими, доверявшими Маркозу, Арзуману и прочим замаскированным агентам цебельдинского кулачества. Из всех сил, прикрывающих безобразие цебельдинских кулаков, самой надежной для вредителей силой был Маркоз Топчиан – член компартии с 1918 года, член Обкома и ЦИК Абхазии. Следствием установлено, что Маркоз Топчиан до революции был одним из крупнейших табачных плантаторов и скупщиков табаков. Его основной капитал превышал 100.000 рублей. В 1918 году, как заявляет сам Маркоз, он ликвидировал свои плантации и другие предприятия и все деньги передал своим братьям и другим родственникам-кулакам. В 1918 году Маркоз Топчиан принимал участие вместе с другими крестьянами цебельдинского района в наступлении на меньшевистский Сухум за советизацию Абхазии, а в 1919

году, во главе одного из меньшевистских карательных отрядов, обезоружил всех участников указанного наступления. Он разъезжал с начальником меньшевистского карательного отряда и, зная, у кого из сочувствующих большевикам имеется оружие, вызывал их и обезоруживал. Отказавшихся сдать оружие избивали. В 1920 году Маркоз Топчиан появился в Краснодаре и втерся в доверие тов. Атарбекову, от которого получил большую сумму денег и много ценностей для приобретения истребителя в Константинополе, но все это он присвоил и собирался бежать в Румынию; однако, он был задержан, как сам показал суду, перед самым выездом меньшевистским комиссаром в Батуме Бениа Чхиквишвили, который аннулировал его заграничный паспорт. Впоследствии Маркоз был вызван в Цебельду своими братьями-кулаками, потребовавшими от него дележа присвоенных ценностей. Маркоз признал перед судом, что вынужден был согласиться на предложение своих братьев. Однако, большую долю этих ценностей он передал своему шуруину – Месропиану, который в одно время спекулировал мануфактурой, а впоследствии бежал в Румынию. После советизации Абхазии Маркоз Топчиан занимал ряд ответственных административных и хозяйственных должностей, одновременно негласно состоя компаньоном в мануфактурной торговле с Леоном Ампикивичем и Карапетом Калустовичем Топчианами вплоть до ликвидации этой торговли в 1924 году. Никогда не порывал связи с родственниками-кулаками, снабжая их из государственных предприятий мануфактурой, деньгами и проч., помогал им на воле и после ареста, используя для этого доверие и расположение к нему ответственных товарищей.

Партийная и комсомольская организации цебельдинского района с начала советизации Абхазии в большинстве своем состояла из кулаков и разложившихся элементов-подкулачников. Лишь незначительные единицы: Папазян, Кардава, Джанашия, Двали, Акопьян и друг. сохранили большевистское лицо. С этой частью организации кулаки расправлялись способами лжесвидетельства и террора. Кардава был исключен из партии, а Джанашия Обкомом был выслан из цебельдинского района. Многие хорошие работники сами убежали, других кулаки старались дискредитировать, либо физически уничтожать.

Следствием установлено, что с целью дискредитирования ячеек компартии и комсомола, а равно и для подрыва мощи кооперации, председателем сельсовета Арзуманом Топчианом было организовано ограбление цебельдинского кооператива в 1925 году. Арзуман втянул в это дело милиционера Квирквашвили и уголовные элементы, весьма близкие к Арзуману: Кириллова и Каландаришвили; помощь им оказал и сотрудник кооперативной пекарни Атык Топчиан. Из кооператива были взяты все деньги и товары. На второй же день Арзуман отдал распоряжение об аресте бедняцкой части ячеек компартии и комсомола; арестованные посидели больше трех месяцев в тюрьме, пока совершенно случайно не были обнаружены настоящие грабители: Кириллов, а затем Квирквашвили и Каландарашвили, которые при аресте сознались во всем и рассказали, что их организатором был Арзуман Топчиан и сообщником Атык Топчиан, но впоследствии, получив большие деньги от кулаков, Каландарашвили и Кириллов отказались от данных ими при первом допросе показаний, а Квирквашвили продолжал свое первое показание. Арзуман и Атык Топчианы вышли сухими из воды на тот раз.

Будучи допрошены по настоящему делу, Квирквашвили, Кириллов и Каландарашвили вновь подтвердили, что Арзуман и Атык Топчианы были организаторами ограбления, а изменение своих показаний Кириллов и Каландарашвили при судебном следствии в 1925 году объяснили угрозами Арзумана, который им сказал, что подкупил людей и в случае показания на него, Арзумана, все разоблачители в тюрьме же будут убиты. Хотя через 3 и 4 месяца члены комячейки и комсомола были выпущены из исправдома, но дело кулацкое все же было сделано: бедняцкая часть ячеек была терроризована и в глазах беспартийных дискредитирована. Смелых голосов стало еще меньше, но кулакам хотелось от них избавиться совершенно.

Самым верным средством для избавления от всех врагов кулаки Топчианы считали террор. Они в терроре имели большую практику еще с 900-х годов, когда они начали истреблять всех своих конкурентов и врагов, главным образом, руками бандитов, выписанных из Турции.

Первой жертвой кулацкого террора из совработников пал секретарь ячейки комсомола и начальник цебельдинского ми-

лицейского поста Левон Акопян. В борьбе с кулачеством он возглавлял в комсомоле все способное бороться. В первых числах июня 1924 года он был назначен секретарем цебельдинского сельсовета вместо подлежащего снятию кулака Сафьянова Ивана, что означало раскрытие всех темных дел Арзумана Топчиана и самого Сафьянова.

За 15 дней до убийства Акопяна, Месроп Топчиан говорил Белукбашьяну, что Акопяна надо уничтожить. Показанием свидетелей установлено, что перед убийством Акопяна было совещание у Месропа Топчиана с участием Арзумана и Атыка Топчианов, Сафьянова Ивана и Нексариана Погоса, где, по предложению Месропа, обсуждался вопрос об убийстве Акопяна. 5 июня 1924 года Акопян, по распоряжению Арзумана Топчиана и Сафьянова, был послан в сел. Аamtкел и Б. Краевичи для доставки в Цебельду конфискованных вещей. По возвращении оттуда, Акопян был убит на дороге из засады. Мнение жителей Цебельды утверждает, что Акопян убит кулаками Топчианами через Нексариана Погоса, одного из бандитов – топчиановских поселенцев.

Второй жертвой кулацкого террора был начальник цебельдинского же поста милиции – Пичхая Фома, который исчез без вести с 28 июля 1924 г. Незадолго до исчезновения, Пичхая говорил милиционеру Квирквашвили, что ему, Пичхая, Арзуман Топчиан предлагает убить Кардава Самсона, одного из активных разоблачителей кулацкого дела, за это, как добавил Пичхая, ему Арзуман дал 500 руб. Перед исчезновением, Пичхая об этом же предупредил и самого Кардава, являющегося родственником Пичхая, не решившегося на это убийство. Пичхая от Арзумана скрыл свои родственные отношения к Кардава, с убийством которого он все медлил. Однако, Арзуману стало известно, что Пичхая родственник Кардава и что секрет его поручения выдан. После этого, 28 июля 1924 года Фома Пичхая исчез. Исчезновению предшествовали следующие обстоятельства: Пичхая, боясь мести со стороны Арзумана, бросил службу и собирался выехать из Цебельды, но 28 июля 1924 года был приглашен Арзуманом на вечер, где Пичхая порядочно выпил. Пичхая был в блузке и на нем был револьвер, серебряный пояс и серебряный белый кинжал. Поздно ночью все гости разошлись, ушел и сам Арзуман Топчиан, который в эту

ночь домой не возвращался. После этой ночи, Пичхая никто не видел, но по Цебельде прошли слухи, что Пичхая бежал не то в Сванетию, не то в Сочи. Все эти слухи распускались самим Арзуманом Топчианом, который для подкрепления этих слухов послал в Сочи своего брата Ампики и шурина Папаскири. Но Пичхая до сего времени не найден.

Принадлежащие же Пичхая пояс и кинжал были обнаружены у Арзумана Топчиана. Больше десятка свидетелей подтверждали перед судом, что они видели Пичхая на вечере 28 июля 1924 года именно при этом кинжале и поясе, что другого пояса он не имел. Сам же Арзуман утверждает, что кинжал был ему подарен самим Пичхой за 5 месяцев до исчезновения, для подтверждения чего просил вызвать свидетельницу Ольгу Месропьян. Свидетельница на предварительном следствии путалась, а на суде подтвердила заявление Арзумана. Но показание свидетельницы Месропьян не заслуживает доверия: во-первых, потому, что она весьма в близких родственных отношениях с Арзуманом, во-вторых, ее показание не может объяснить нахождение у Арзумана пояса Пичхая, в-третьих, это показание резко расходится с показаниями более 10 других, ни в чем не заинтересованных свидетелей.

Между 15–20 августа 1928 года исчез секретный сотрудник АБГПУ Арменак Кондакчиан, батрак, проживавший в с. Н.-Армянском. Исчезновению его предшествовали следующие обстоятельства. В июле месяце 1928 года Кондакчиан сообщил АБГПУ и Саркису Папазяну, что Маркоз Топчиан сделал ему предложение убить Саркиса Папазяна, за что предложил ему 500 рублей. Кондакчиан говорил, что он предложение принял, но запросил 1.000 рублей, на что Маркоз ответил, что подумает. Кондакчиан открылся также судье цебельдинского района тов. Сейсяну Павлу. Маркоз Топчиан скоро узнал, что Кондакчиан выдал его секретное поручение. После этого, Маркоз, встретившись с Кармирьяном-Петриди, был очень взволнован и говорил, что с Кондакчианом расправится. Желая отвести от себя подозрение в разоблачениях Кондакчиана, Маркоз в конце июля 1928 года подал заявление прокурору республики Абхазии, называя разоблачения Кондакчиана провокацией из личных интересов и просил привлечь последнего к ответственности.

Около середины августа, в дом Кондакчиана, в сел. Наа-Армянское, пришел Левон Месропович Топчиан и, застав жену Кондакчиана Арменака во дворе, попросил вызвать к нему мужа ее. Жена заявила, что мужа дома нет. Левон Топчиан не поверил и сам вошел в дом, но, убедившись, что Арменака действительно нет дома, вышел во двор, вырвал из блокнота лист бумаги, написал письмо и передал жене Арменака – Майрам Кондакчиан – для передачи мужу по его возвращению домой. Майрам, будучи неграмотна, после ухода Левона, письмо показала дочери хозяина дома Сирануш Асланьян, которая прочитала письмо; было написано, что Левон Топчиан просит Арменака принести ему взятый Арменаком револьвер немедленно, и была подпись «Левон Топчиан». По возвращении домой Арменаку передали письмо, после чего он вышел из дому, предупредив жену, что идет в село Топчиановку, и с тех пор исчез. По истечении двух дней после пропажи мужа, Майрам Кондакчиан пошла в сельсовет, желая заявить о пропаже Арменака, но с ней по дороге встретился кто-то из Топчианов и сказал, что Кондакчиана видели в Сухуме, почему она и не заявила. Потом Топчианы пустили слух, что Кондакчиана видели в Майкопе, по другим версиям в Батуме, и так далее.

Маркоз Топчиан при допросе показал, что Кондакчиана Арменака впервые он видел после того, как на Кондакчиана подал заявление прокурору республики, что раньше он Кондакчиана не знал и что последнего к нему привел и познакомил Этумян Арут. Свидетель Этумян Арут, вызванный по просьбе Маркоза, показал суду, что Кондакчиана он с Маркозом никогда не знакомил и их вместе никогда не видел. Целый ряд свидетелей показал суду, что у Кондакчиана не было никаких врагов, и что подозревать в его исчезновении никого нельзя, кроме Топчианов.

Вскоре после исчезновения Кондакчиана, было совершено покушение на убийство секретаря цебельдинской комячейки и председателя цебельдинского сельсовета Саркиса Папазяна. Задолго до покушения в Цебельде из рук в руки ходило стихотворение о Папазяне, где восхвалялась сила Топчианов, описывалось, как Папазян преследует «кулаков» Топчианов, а в конце приводилась угроза, «что скоро царству Папазяна наступит конец». Стихотворение это написано на армянском

языке и, безусловно, принадлежит Месропу Топчиану, ибо он единственный сочинял стихи в цебельдинском районе, и это стихотворение буквально похоже на целый ряд сочинений Месропа, каковые отобраны у него при аресте. За несколько месяцев до покушения, Маркоз встретил Папазяна в Сухуме и предложил похлопотать по делу арестованных кулаков за спекуляцию табаками, и чтобы он, Папазян, перестал беспокоить кулаков Топчианов, иначе Папазяну грозит опасность. Маркоз уверял Папазяна, что если бы он – Маркоз – не помешал бы, Папазян давно был бы убит. Папазян предложение Маркоза отклонил: 7 августа 1928 года Сетрак Караханиан пришел к Карапету Калустовичу Топчиану и попросил его передать Пзпазяну, что если последний не перестанет преследовать кулаков Топчианов, Караханиану тогда придется вспомнить старое ремесло, т.е. бандитизм, и придется запачкать руки армянской кровью – при этом он имел в виду убийство Папазяна. Обвиняемый Белукбашьян показал, что задолго до покушения на Папазяна, бывший председатель цебельдинского сельсовета Карапет Арутюнович Топчиан выдал своим братьям, Григорику и Миграну Арутюновичу два револьвера системы «Наган» и поручил убить Папазяна, но убийству помешал арест самого Карапета Арутюновича Топчиана. Как выше было упомянуто, Папазян имел предупреждение также и от товарища Кондакчиана.

За несколько дней до покушения на Папазяна, Капитонян Ованес был в доме Месропа Топчиана, который в то время скрывался от властей, и там слышал, как Месроп делал словесное поручение о чем-то важном Караханяну и Григорику Топчиану; при разговоре Капитонян слышал слово «Папазян». Накануне покушения, т.е. 22 августа, ряд лиц видели идущих вместе: Месропа, Григорика, Карапета Саркисовича, Акопа Месроповича Топчианов и Сетрака Караханяна; все они были вооружены. В этот же день Акоп Месропович передал Караханяну ружейное масло.

23 августа 1928 года, в 6 часов утра, из кустов на дороге, ведущей из Цебельды в Топчиановку, на участке против дома Папазяна раздались одновременно три выстрела из ружей. 2 пули попали в умывающегося в это время перед своим домом Саркиса Папазяна в шею и голову, причинив ему тяжелое ра-

нение. В момент выстрелов, недалеко от места покушения стоял Киносьян Апель, который, посмотрев на место, откуда раздались выстрелы, увидел выбежавших из засады Караханяна Сетрака и Топчиана Григорика. Со дня покушения на Папазяна скрылись Сетрак Караханян, Григорик и Карапет Саркисович (тогда милиционер) Топчианы. Будучи в бегах до покушения на Папазяна, Месроп Топчиан после совершившегося покушения пригласил к себе бедняка-старика Акопа Тозлиана и предложил ему подать в угрозыск донос с указанием, что покушение на Папазяна совершено Кесьянами и Минасьянами, и передал ему на дорогу в Сухум деньги, через своего человека, Чолокьяна. Прибыв в Сухум, Тозлиан переночевал у Маркоза Топчиана и, получив от него такое же наставление, исполнил его. Одновременно Месроп разыскал еще двух братьев Багдасарьян: Арменака и Микоеля, которым поручил, при вызове в угрозыск, дать показание, что Караханян в ночь с 22 на 23 августа ночевал у них в сел. Амзара и 15-ти верстах от сел. Цебельды базар¹. Вызванный в суд, в качестве свидетеля, Арменак Багдасарьян во всем этом чистосердечно сознался, Микоель же, который с самого начала не соглашался на предложение Месропа, к моменту рассмотрения сего дела оказался убитым одним из бывших топчиановских бандитов – Али Наим-оглы. Суду не представилось возможным приобщить к данному делу материалы следствия по делу Багдасарьяна, почему нет возможности сделать выводы о мотивах убийства.

Через несколько дней после совершения покушения на убийство Папазяна, Маркоз Топчиан послал Атыка Калустовича и Левона Ампикивича Топчианов к Карапету Калустовичу Топчиану с просьбой, ехать в Тифлис к предсовнаркома ССР Абхазии Лакоба и убедить его, что покушение на Папазяна совершено Минасьянами и Кесьянами, за что предлагал Карапету 8.000 рублей; это подтверждено несколькими свидетельскими показаниями. Карапет сначала обещал подумать, но потом отказался ехать.

Впоследствии были арестованы все кулаки цебельдинского района и, когда в числе арестованных вели Акопа Топчиана, около арестованных на базаре прошел Коджеманиян Акоп, которому Акоп Топчиан с осторожностью бросил фразу: «под за-

¹ Так в тексте. – Прим. ред.

бором Соготяна Амбарцума». В тот же день вечером Акоп Коджеманиян посмотрел под забором Соготяна и нашел винтовку, которая принадлежала Григорику Топчиану. Другая винтовка была обнаружена у Узуньяна Геворка и была предъявлена в сельсовет, опознана, как винтовка, находившаяся на руках у милиционера Карапета Саркисовича Топчиана, в дни покушения на Саркиса Папазяна. Первая из этих винтовок – русского образца, вторая – японского. Следствием установлено, что из двух пуль, ранивших Саркиса Папазяна, одна была от винтовки русского образца, а другая – японского.

На основании вышеизложенного и в соответствии со ст. ст. 319 и 320 УПК ССР Грузии специальное присутствие Высшего суда ССР Абхазии установило:

1. Топчиан Маркоз Акопович, бывший член ВКП(б), бывш. член ЦИК Абхазской ССР, бывш. член правления Абтабсоюза: а) в 1919 году во главе меньшевистского карательного отряда предавал и обезоруживал бывших участников борьбы за советизацию Абхазии крестьян, боровшихся против меньшевистского правительства Грузии; б) стал во главе кулацко-вредительской организации Цебельды и организовал сокрытие своих и других кулаков земель от национализации; в) укрыл свои и сообщников-кулаков объекты обложения; г) организовал расхищение кредитных сумм Абтабсоюза через своих сообщников кулаков, получавших кредиты на имена вымышленных и подставных лиц на предмет спекуляции табаками, чем срывалась кредитная политика; д) с целью срыва табачной монополии и подрыва экономической мощи кооперации и Госторга, организовал общество кулаков-вредителей, проводивших спекуляцию табаками путем преступного использования гос- и кооперативного аппаратов. Через специальное тайное совещание распределял роли между членами вредительской организации; е) используя свое служебное положение, оказывал помощь поджигателям застрахованных имуществ; ж) заключил невыгодный договор для кооперации с кулаком Папаскири; з) подкупил ряд свидетелей для лжепоказаний с целью выручки кулаков сообщников; и) руководил террористической кулацкой организацией, совершившей ряд убийств ответственных советских и партийных работников в цебельдинском районе, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 5813,

587, 588 и 135 УК ССР Г. Обвинение, предъявленное по ст. 192 УК ССР Г, считать не доказанным.

2. Топчиан Месроп Акопович, кулак и торговец: а) состоял одним из руководителей кулацко-вредительской организации, вместе с Маркозом и другими; б) организовал сокрытие кулацких земель от национализации; в) организовал сокрытие объектов обложения; г) расхищал кредитные суммы кооперации, получая таковые на имя подставных и вымышленных лиц; д) участвовал в преступном совещании и спекуляции табаками, срывая госмонополию и используя в преступных целях госкооперативный аппарат; е) организовал поджоги застрахованных имуществ; ж) организовал подкупы лжесвидетелей; з) был одним из руководителей кулацко-террористической организации, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 587, 588 УК ССР Г. Обвинение, предъявленное по ст. ст. 17, 122 УК ССР Г, считать не доказанными.

3. Топчиан Погос Акопович, бывш. член правления райтабкоопа, сортировщик Абгосторга: а) состоял одним из активных членов кулацко-вредительской организации, б) организовал сокрытие земель от национализации; в) скрыл объекты обложения; г) принимал активное участие в расхищении кредитных сумм кооперации; д) участвовал на тайном совещании, где ему досталась роль обманщика крестьян в сортах при приеме табаков; е) скупал табаки; ж) поджег застрахованный дом, заранее подготовив снятие всех ценных частей; з) обвешивал крестьян посредством специального приспособления в весах; и) учинил ряд растрат на сумму 18.697 руб. 89 коп.; к) состоял членом кулацко-террористической организации, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 587, 588 и 122 ч. II УК ССР Г. Обвинение, предъявленное по ст. 123 УК ССР Г, считать не доказанным.

4. Топчиан Арзуман Погосович, бывш. председатель цебельдинского сельсовета и райтабкоопа: а) был активным членом кулацко-вредительской организации; б) был участником организации сокрытия земель от национализации; в) был одним из организаторов сокрытия обложения; г) был участником расхищения кредитов кооперации; д) участвовал в преступном тайном совещании, взяв на себя роль обманщика крестьян при приеме табаков; е) организовал ограбление цебельдинского

кооператива в 1925 году; ж) учинил растрату в райтабкоопе в сумме 2.009 руб.; з) состоял одним из руководителей кулацко-террористической организации, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 587, 588 и 122 ч. II УК ССР Г.

5. Топчиан Карапет Саркисович, бывш. милиционер: а) состоял одним из активных членов кулацко-вредительской организации; б) участвовал на тайном совещании; в) помогал кулакам в сокрытии объектов обложения; г) состоял активным членом кулацко-террористической организации, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 587 и 588 УК ССР Г.

6. Топчиан Карапет Арутюнович, бывш. член КП(б) и бывш. председатель цебельдинского сельсовета: а) состоял одним из активных членов кулацко-вредительской организации; б) организовал сокрытие земель от национализации; в) организовал сокрытие объектов обложения; г) участвовал на тайном совещании кулаков-вредителей и взял на себя обязательство снабжать сообщников своих фиктивными документами, что и исполнил; д) участвовал в поджоге застрахованного сарая Миграна Топчиана; е) состоял членом кулацко-террористической организации и дал два револьвера Григорику и Миграну Топчианам для совершения террора, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 587 и 588 УК ССР Г.

7. Караханьян Сетрак Мкртычевич: а) состоял активным членом кулацко-вредительской организации; б) способствовал сокрытию земель от национализации; в) скрывал объекты обложения; г) принимал участие в расхищении кредитных сумм кооперации; д) принимал участие в тайном совещании и был осведомлен о всех преступлениях кулацко-вредительской организации; е) состоял активным членом кулацко-террористической организации и принимал участие в покушении на Папазяна, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 17, 587 и 588 УК ССР Г.

8. Топчиан Левон Месропович: а) состоял активным членом кулацко-вредительской организации; б) организовал сокрытие земель от национализации; в) скрывал объекты обложения; г) принимал активное участие в расхищении кредитных сумм кооперации; д) скупал табаки; е) участвовал в тайном совещании; ж) состоял активным членом кулацко-террористической организации, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 587 и 588 УК ССР Г.

9. Сафьянов Иван Константинович, б. зам. пред. цебельд. сельсовета и бывш. уполномоченный Абгосторга: а) состоял активным членом кулацко-вредительской организации; б) способствовал сокрытию кулацких земель от национализации; в) способствовал сокрытию объектов обложения; г) принимал активное участие в расхищении кредитных сумм кооперации; д) выдавал фиктивные документы спекулянтам табаков; е) растратил из сумм Абгосторга 3.035 руб. 89 коп.; ж) состоял одним из активных членов кулацко-террористической организации и принимал участие в убийстве Левона Акопьяна, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 587, 588 и 122 ч. II УК ССР Г.

10. Топчиан Акоп Месропович: а) состоял активным членом кулацко-вредительской организации; б) участвовал в организации сокрытия земель от национализации; в) участвовал в сокрытии объектов обложения; г) участвовал в тайном совещании кулацко-вредительской организации; д) скупал табаки; е) состоял членом кулацко-террористической организации и принимал участие в покушении на Саркиса Папазяна, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 587, 588 УК ССР Г.

11. Топчиан Мигран Арутюнович: а) активный член кулацко-вредительской организации; б) сжег табачный сарай, застрахованный в Госстрахе, получив страховое вознаграждение; в) состоял активным членом кулацко-террористической организации и принимал участие в покушении на убийство Папазяна, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 587 и 588 УК ССР Г.

11. Нексарьян Погос Карапетович: состоял членом кулацко-террористической организации, убил Левона Акопьяна, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. 589 УК ССР Г.

13. Топчиан Амбарцум (Ампики) Погосович: а) состоял чл. кулацко-вредительской организации; б) принимал активное участие в расхищении кредитных сумм кооперации; в) участвовал в тайном совещании и скупал табаки, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 587 УК ССР Г.

14. Белукбашьян Ованес Акопович: а) состоял членом кулацко-вредительской организации; б) способствовал сокрытию земель Месропа Топчиана от национализации; в) скупал

табаки для Месропа Топчиана; г) принимал участие в тайном совещании с Топчианами, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. 587 УК ССР Г.

15. Атакьян Галуст Акопович: а) состоял членом кулацко-вредительской организации; б) помогал Маркозу Топчиану в сокрытии земель от национализации; в) помогал ему же в сокрытии объектов обложения; г) участвовал в тайном совещании; д) помогал кулакам в расхищении кредитных сумм кооперации; е) скупал табачи для кулаков; ж) дал ложные показания, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 587 и 95 УК ССР Г.

16. Топчиан Тигран Погосович: а) состоял членом кулацко-вредительской организации; б) скрыл объекты обложения; в) скупал табачи; г) участвовал в тайном совещании, т.е. совершил преступление, предусмотренное ст. 587 УК ССР Г.

17. Чакирьян Акоп Аветисович: а) состоял членом кулацко-вредительской организации; б) участвовал в тайном совещании; в) скупал табачи; г) использовал кооперативный аппарат, сдавая табачи с повышением в сортах, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. 587 УК ССР Г.

18. Домбальян Карапет Аветисович, б. председатель латского сельсовета: а) состоял членом кулацко-вредительской организаций; б) скупал табачи; в) снабжал спекулянтов фальшивыми документами, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 587 и 126 УК ССР Г.

19. Топальян Грач Мкртычевич: а) состоял членом кулацко-вредительской организации; б) скупал табачи, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. 60 УК ССР Г.

20. Топальян Нерсес Мкртычевич: а) состоял членом кулацко-вредительской организации; б) скупал табачи, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. 687 УК ССР Г.

21. Мелконян Александр Мисакович, б. председатель райтабкоопа: был членом кулацко-вредительской организации; б) принимал участие в расхищении кредитных сумм; в) учинил растрату денег райтабкоопа в сумме 1.920 руб., т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 587 и 122 ч. II УК ССР Г.

22. Мавопуло Кузьма Ильич: а) состоял членом кулацко-вредительской организации; б) скупал табачи, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. 587 УК ССР Г.

23. Минасян Минас Аветисович: а) состоял членом кулацко-вредительской организации; б) поджег застрахованный сарай и получил страхвознаграждение, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. 587 УК ССР Г.

24. Чакирьян Карапет Аветисович: а) состоял членом кулацко-вредительской организации; б) поджег застрахованный сарай и получил страхвознаграждение, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. 537 УК ССР Г.

25. Чакирьян Маркоз Аветисович: укрыв беглецов от властей, т.е. совершил преступление, предусмотренное ст. 80 ст. УК ССР Г.

26. Аветисян Аветис Карапетович: а) член кулацко-вредительской организации; б) скупал табачи, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. 587 УК ССР Г.

27. Чаклов Константин Александрович, бывш. кассир цебельдинского райтабкоопа: учинил растрату в сумме 2.214 руб., т.е. совершил преступление, предусмотренное ст. 122 ч. II УК ССР Г.

28. Минасян Ваграм Григорьевич, б. член КП(б), б. председатель цебельдинского райЕПО: учинил растрату в 1.660 руб. 68 коп., т.е. совершил преступление, предусмотренное ст. 122, ч. 2 УК ССР Г.

29. Аракельян Крикор Геворкович, б. член КП(б), бывш. зам. пред. ольгинского сельсовета: а) выдал фальшивый документ кулаку Мавопуло Петру на предмет исключения из черного списка; б) составил подложный акт на форматтуру и присвоил более 3.000 рублей и совершил хулиганство; в) участвовал в вынесении неправоудного приговора с корыстной целью; г) помог сокрыть преступления Арзуману Топчиану в растрате, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 186, 120, 80 и 75 ч. 2 УК ССР Г.

30. Геличали Стилиан Харлампиевич, б. член КП(б), бывш. сортировщик цебельдинского райтабкоопа: а) производил не правильные сортировки табачи; б) мошенническим путем получил страхвознаграждение за мнимое градобитие и подожженный им же сарай табачи; в) часто пьянствовал и совершал хулиганства, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 114, 183 ч. 2 и 75 ч. 2 УК ССР Г.

31. Ламбрианиди Панайот Иванович: помог Геличали в

поджоге застрахованного сарая, т.е. совершил преступление, предусмотренное ст. ст. 17 и 183 ч. 2 УК ССР Г.

32. Зейтуньян Эрванд Нерсесович, б. сотрудник кредитного товарищества: растратил 301 руб., т.е. совершил преступление, предусмотренное ст. 122 ч. 1 УК ССР Г.

33. Зейтуньян Акоп Григорьевич: помог скрыть растрату Ваграму Минасяну, т.е. совершил преступление, предусмотренное ст. 80 УК ССР Г.

34. Минасян Аршак Саркисович, бывш. член правления мцарского ЕПО: выдал дружеский вексель растратчику Минасяну Ваграму, т.е. совершил преступление, предусмотренное ст. 114 УК ССР Г.

35. Карабулат Феодор Михайлович: а) помогал кулакам в расхищении кредитных сумм кооперации; б) укрывал беглецов от власти – Месропа Топчиана и других, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 186 и 80 УК ССР Г.

36. Топчиан Мисак Саркисович: укрывал беглецов от власти, т.е. совершил преступление, предусмотренное ст. 80 УК ССР Г.

37. Тозлиан Акоп Арутюнович: совершил лжедоносительство и лжесвидетельство, т.е. преступление, предусмотренное ст. ст. 35 и 96 УК ССР Г.

38. Чолокьян Вартан Саакович: совершил лжедоносительство и лжесвидетельство, т.е. преступления, предусмотренные ст. ст. 95 и 96 УК ССР Г.

39. Текнеджян Ованес Мартиросович: совершил лжедоносительство и лжесвидетельство, т.е. преступления, предусмотренные ст. ст. 95 и 96 УК ССР Г.

40. Мелконян Левон Мисакович: а) способствовал расхищению кредитных сумм кооперации; б) совершил лжедоносительство, т.е. преступления, предусмотренные ст. ст. 183 и 96 УК ССР Г.

41. Топчиан Атык Калустович: будучи сотрудником ЕПО, принимал участие в ограблении цебельд. ЕПО в 1925 году, т.е. совершил преступление, предусмотренное ст. 177, п. «ж» УК ССР Г.

42. Минасян Хорен Григорьевич: получил неправильную справку для уклонения от уплаты кооперативного долга, т.е. совершил преступление, предусмотренное ст. 133 ч. II УК ССР Г;

43. Терзиан Арут Карапетович, б. председатель цебельдинского кредитного товарищества: использовал служебное положение для взыскания личных долгов в бесспорном порядке, т.е. совершил преступление, предусмотренное ст. 115 УК ССР Г.

44. Обвинение, предъявленное Карапету Галустовичу Топчиану, считать не доказанным.

На основании ст. 326 УПК ССР Грузии специальное присутствие Высшего суда республики Абхазии приговорило:

1. Топчиана Карапета Галустовича считать по суду оправданным, но, принимая во внимание, что он кулак-эксплуататор, что он приговорен по другому делу за причиненный кооперации вред и, что он в прошлом подлежал выселению, но с преступной помощью НКВД Начкебия был оставлен, на основании ст. 35 УК ССР Г, – выслать его из пределов ССР Абхазии сроком на 5 лет.

2. Терзиана Арута Карапетовича на основании ст. 115 ч. I УК ССР – к 6 месяцам лишения свободы со строгой изоляцией.

3. Тозлиана Акопа Арутюновича, 4. Чолокьяна Вартана Сааковича, 5. Текнеджяна Ованеса Мартиросовича – на основании ст. ст. 95 и 96 УК ССР Г – первого к 6 месяцам, а последних двух – по 1 году лишения свободы каждого.

6. Мелконьяна Левона Мисаковича – на основании ст. ст. 95. 96 и 183 ч. II УК ССР Г – к 5 годам лишения свободы с поражением в правах на 3 года.

7. Минасьяна Хорена Григорьевича и 8. Ламбрианиди Панаиота Ивановича – на основании 183 ст. ч. II УК ССР Г – к 6 месяцам лишения свободы каждого.

9. Минасьяна Аршака Саркисовича – на основании ст. 114 УК ССР Г – к 2 годам лишения свободы со строгой изоляцией и поражением в правах на 1 год.

10. Минасьяна Ваграма Григорьевича и 11. Эрванда Нерсесовича Зейтуняна – на основании ст. 212 ч. II и I УК ССР Г – первого к 5 годам, а второго – к 1 году лишения свободы со строгой изоляцией и поражением в правах первого на 2 года; кроме того, Зейтуняна Эрванда Нерсесовича, как злостного эксплуататора и разжигателя национальной борьбы, к высылке из пределов ССР Абхазии сроком на 5 лет.

12. Зейтуняна Акопа Григорьевича и 13. Карабулата Фео-

дора Михайловича – на основании ст. 80, а Карабулата дополнительно – 186 ст. УК ССР Г – первого к 8 месяцам, а второго – к 5 годам лишения свободы с поражением в правах на 2 года, кроме того, Зейтуняна Акопа Григорьевича, как злостного эксплуататора и разжигателя национальной борьбы, к высылке из пределов ССР Абхазии сроком на 5 лет.

14. Геличали Стилиана Харлампиевича – на основании ст.ст. 183 ч. II, 75 ч. II и 114 УК ССР Г – к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией с поражением в правах на 3 года.

15. Чаклова Константина Александровича – на основании ст. 122 ч. II УК ССР Г – к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией и с поражением в правах на 2 года.

16. Аракеляна Григора Геворковича – на основании ст. ст. 186, 80 и 75 ч. II и 120 УК ССР Г – к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией и поражением в правах на 3 года.

17. Топчиана Атыка Галустовича – на основании ст. 177, п. «ж» УК ССР Г – к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией и, с применением амнистии 1925 и 1927 годов, срок лишения свободы сократить до 3 лет и 2-х месяцев с поражением в правах на тот же срок.

18. Топчиана Мисака Саркисовича – на основании ст. 80 УК ССР Г – к 3 годам лишения свободы с поражением в правах на 1 год.

19. Топчиана Амбарцума (Ампика) Погосовича, 20. Топчиана Тиграна Погосовича, 21. Белукбашьяна Ованеса Акоповича, 22. Атакьяна Галуста Акоповича, 23. Чакирьяна Карапета Аветисовича. 24. Чакирьяна Акопа Аветисовича, 25. Домбольяна Карапета Аветисовича, 26. Топольяна Грача Мкртычевича, 27. Топольяна Нерсеса Мкртычевича, 28. Мелконяна Александра Мисаковича, 29. Мавопуло Кузьму Ильича, 30. Минасьяна Минаса Саркисовича, 31. Чакирьяна Маркоза Аветисовича, 32. Аветисьяна Аветиса Карапетовича – на основании ст. ст. 17 и 587, а также Топчиана Амбарцума еще по ст. 82, Топольяна Грача еще по ст. 124, Мелконяна Александра еще по ст. 122 ч. II, Чакирьяна Маркоза Аветисовича еще по ст. 80, Атакьяна Галуста еще по ст. 95, Домбольяна Карапета еще по ст. 126 УК ССР Г – всех 14 человек – к 10 годам лишения свободы каждого, со строгой изоляцией с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией одной трети имущества каждого.

33. Топчиана Миграна Арутюновича – на основании ст. ст. 17, 587 и 588 УК ССР Г – к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией одной трети имущества.

34. Нексерьяна Погоса Карапетовича (Инчо Погос) – на основании ст. 588 – к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией и с поражением в правах на 5 лет.

35. Топчиана Маркоза Акоповича, 36. Топчиана Месропа Акоповича, 37. Топчиана Погоса Акоповича, 38. Топчиана Арзумана Погосовича, 39. Топчиана Карапета Арутюновича, 40. Топчиана Карапета Саркисовича, 41. Караханьяна Сетрака Мкртычевича, 42. Топчиана Левона Месроповича, 43. Сафьянова Ивана Константиновича и 44. Топчиана Акопа Месроповича – на основании ст. ст. 587 и 588, а также Маркоза Топчиана еще по ст. ст. 5811 и 135, Арзумана Топчиана еще по ст. 122 ч. 2 и 123 и Сафьянова Ивана еще по ст. 122 ч. 2 УК ССР – всех десять человек – к высшей мере социальной защиты, расстрелу, с конфискацией всего имущества каждого.

Всем приговоренным к срочному лишению свободы зачесть сроки их предварительного заключения. Гражданские иски по настоящему делу, на основании 329 ст. УПК ССР Г, передать в гражданский суд.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председательствующий Талахадзе И.И.

Члены: Кукбая А.У., Чолокьян.

И. Половнев
СТРАНА ПСХУ¹
Очерки

¹ *Первое издание:* Страна Псху: Очерки / Половнев И. Сухум: Абгосиздат; Типо-литография Наркомпромторга Абхазии, 1931. 102 с. Тираж 4000.

И. ПОЛОВНЕВ.

СТРАНА ПСХУ

ОЧЕРКИ.

■ ■ ■ ■

АБГОСИЗДАТ СУХУМ,
1931 года.

Предисловие

12-го апреля 1930 года в газете «Советская Абхазия» появилась заметка под заголовком «Во власти попов». В заметке рассказывалось о черных делах, творящихся в одном из отдаленнейших горных районов Абхазии – в урочище Псху. Кончалась она такими словами: «Мрачную, почти фантастическую повесть можно было бы написать по поводу того, что происходило и происходит в этом забытом углу Сухумского уезда». Областной комитет коммунистической партии в Абхазии и ЦИК ССРА направил в Псху комиссию. В результате работы этой комиссии родились очерки «Страна Псху».

Автор

I. Дорога.

20-ое апреля. Утро. Сухум.

Сухумское утро.

Море, словно огромная синяя безголовая рыба, изумительно спокойно, безмятежно спит. С востока, из-за холмов, вырывается сноп солнечных лучей. Горят стройные полки кипарисов. Словно на рентгене прозрачно-кремовая белая акация. Крупные кисти лиловой глицинии многоцветно ломают солнце.

Спит море и отблески солнца в его мягкой рубашке вьются шелковистыми лентами. Спит и город в душистом, одуряющем запахе весны. Покой нарушают, изредка стуча о двери домов или цокая подковами конских копыт по улице, парные, как и развозимое ими молоко, припухше-сонные эстонки.

Наш взор вскинут на высокую цепь снежных гор. Вот там, куда нельзя взглянуть не закинув головы до отказа, там, между двух загадочно-неприступных хребтов, покрытых глубокими неизведанным снегами, между ними, словно зеленая лужайка, цветет Псху. Туда наш путь. Ворота – перевал Доу.

Нас семеро. Трое, командированные Партийным Комитетом и ЦИКом для обследования района Псху. Двое – любители горных путешествий. Проводник и я, полуофициальный корреспондент «Советской Абхазии». Компанию нашу дополняют две лошади и два осла. Предстояло измерить 80 километров, а с обратным путем 160 – непокорных, извилистых и капризных горных троп. Я первый раз шел в горы. Поэтому, два-три часа пути по выходе из города, мои европейские туфли, ровные обычные брюки со случайно сохранившимися складками от утюга и галстук, являли собой заглавную тему дорожного юмора.

– Эх, товарищи, жалко мне его.

Это уже не впервой заводит свою музыку носатый, ширококостный и крепкий парень Норин. В горной ходьбе он артист. Словно не он идет, а дорога, зачувяв его охотничий шаг, трусливо беспрепятственно убегает обратно. Норин в ловких кавказских чустах, с дьявольской усмешкой косит глаза на мои, почему-то ставшие неуклюжими, туфли:

– Да, обидно.

– Ты чего стонешь?
– Проглотят тебя горы, как удав кролика.
– Шутишь, дружище. На Иверскую взбирался в таких же са-
мых туфлях, да еще с затылка.

– Иверская? Да это же цика по сравнению с тем, что уви-
дишь. Вот разве что галстук спасет. Повиснешь, хоть кости
останутся полусохранны.

– С женой попрощался? Нет? Совсем плохо, – язвит другой
охотник.

Действительно, туфли мои скоро заставили почувствовать
всю их непригодность к местной дороге. В восьми вер-
стах от Сухума, в селе Михайловском, пришлось перестроиться
на ходу. Михайловский кооператив, за восемь рублей, отдал
меня чудесными кавказскими чухами. Запасливый Норин
снабдил длинным ремнем и мой портфель тут же был превра-
щен в охотничью сумку. Носки наверх, на брюки, наверх и под-
вязки. Небольшое, но сходство с туристом определенное.

Перешагнули Гумисту. Какой-то грек, бесштаный, нагнув-
шись, возится в реке, выпячивая свои крупные ягодички. Речка
проглотила его вьюк с табаками и, словно ничего не случилось,
посмеиваясь, поплескивая зеркальной водой на камешки бе-
рега, мчит в море. Моросит дождик. Прохладно. Но грек пот-
ный.

Скоро вспотели и мы. От Гумисты, на гору, в направлении
Андреевского, дорога исчезла. На три-четыре километра ее
заменили настоящие горные камни. Человек прыгает по ма-
кушкам тупого и острого, крепкого и больного, вырастающе-
го из земли, каменного частокола. Лошадь умными глазами
выискивает выбоины и осторожно, по-детски, ступает. Люди
и лошади непрерывно глядят под ноги, сопят, вздыхают, по-
теют. Камни, равнодушные к животным, дико издеваются над
беспомощностью «царя природы».

Мне чего-то казалось, что камни издеваются не только над
беспомощностью человека, но и над его ленью, но и над не-
организованностью, и над проклятой вековой привычкой соб-
ственника отгораживаться от всего мира, залезать в скорлупу
своего двора, своей десятины; над привычкой не видеть, не
понимать, что от состояния общего зависит его частное благо-
получие. Ведь это еще не горы, а только горные камни. Три-че-

тыре километра. Но жестокие и мучительные.

В Андреевском, в 16 верстах от Сухума, мы разговаривали с крестьянами об их нуждах. Они жаловались чуть ли не на самое большое место – дорогу. Дорога – связь с Сухумом, связь с рынком, уездом и центром. Мне думалось: трудность большая, но вполне преодолимая своими же домашними средствами. 263 двора, 600 взрослых душ населения, по метру в день на человека расколоть, выкорчевать, засыпать, в неделю это составило бы 4 километра 200 метров. Но кто возьмется? Ведь это же не его собственный участок. Да и, наконец, «жили же наши прадеды при этих дорогах. Вот, если бы государство!»

И еще думалось. Скорее бы организовать здесь колхоз, с ним бы родилась новая дорога и люди тоже поновели б. О коллективе Андреевцы слушали внимательно и серьезно...

В Андреевке нас застиг сильный и крупный дождь. Властно и безапелляционно он приказал нам не двигаться дальше, заночевать.

За Андреевкой дорога – аллея. Но не обольщайтесь, она также мудра, причудлива и капризна, как кавказские горы и погода. Нас проглотили Волчьи Ворота. И тут, впервые, я увидел, как растут настоящие, грандиозно-величественные кавказские горы. Раньше только читал. Волчьи Ворота с таким же успехом можно было бы назвать и Пастью Тигра. Два огромных синих каменных клыка пропускают в пасть. С правой стороны – стена неопишуемой архитектуры, высясь, врезывается в небесную синь. С левой – зеленая бездна. Она неотвратимо тянет к себе человеческий взор, зазывно ласкает его изысканностью нерукотворного узора, веет чудодейственной, пьянящей прохладой. И там, в глубине, лентой серебряной тесьмы, извивается Восточная Гума. Подойти к краю – мороз дерет кожу. Страх перед несвоевременным прахом толкает обратно, ближе к высокой стене. Может и стена обрушиться, но это менее вероятно.

Норин – парень с военными наклонностями. Задрав голову вверх рассуждает:

– Эх, сколько таких Волчьих Ворот на Кавказе и как скоро и трусливо побросали их меньшевики. Ведь посади туда, наверх, одного ловкого пулеметчика и полка не станет. Куда побежишь, где спрячешься?

– Ох, какой ты вумный, – возражает Громов, – а крестьяне-то-партизаны, да пастухи где были? А ну сядька с пулеметом и погляди как он тебя в затылок хлопнет сзади. Это к примеру, если ты будешь меньшевик или за меньшевиков.

– Прэвильна сказал товаришш, – подтверждает проводник. – Большевик – трус. Он свой народ боялся. Народ его не любил.

Овеянные прохладой зеленой чащи улетают километры. Крутой каменистый обрыв, местами густо обросший зеленым мохом, подводит к урочищу Двуречье.

– Проводник, сколько верст?

– От Андреевка двадцать два.

Здорово! Солнце не прошло и полуденного пути.

Отдых полтора часа...

От Двуречья крутой подъем. Здесь и тропы растерялись. Прямо на горы царапаемся по кошачьи. Путь долгий, но не скучный. Картина сменяет картину. А впрочем, в горах вообще нет скуки. В горах есть безмерная усталость пешехода, чрезмерная, но не нудная, не утомительная. Малейший отдых и неожиданно, каким то чудом, приходит необычайная бодрость и живость. Хочется идти дальше. Плохо если только дождь и мокрота. Но на этот раз погода улыбнулась. С утра попугав темными хмарами, днем весело смеялось апрельское солнце. Забрались на высоты. Вверху прозрачная синь. Ниже нас седые клочья неба, как большие кольца папиросного дыма, плавают в зеленых облаках необъятного леса. Хор невидимых пернатых высвистывает каждый по своему и в тоже время в общей слаженности, какие-то загадочные и простые, мудрые и понятные, песни. С чертовой высоты, куда выше нас, неожиданно срывается водопад, горный ручей. Тут же, недавно просверливший камни и землю, родничок. Пьем воду. Воду пьем из водопадов, из ручьев и родников, она одинаково вкусна и без привычки не напьешься. Подъем тяжел. Водопадики, ручьи, роднички непрерывно пересекают горную тропу. Природа умна и мудра, без них горы были бы непроходимы.

Спустились в Доуляки. Темнеет. Ночлег. Крепко, крепко приустиали. Сорок два километра отмахнули в день.

Кем-то, неведомо по какому случаю, в Доуляках (пустынное урочище) у притока Гумы, отстроен довольно просторный

деревянный сарай. Собственно, не плохо бы было в этом месте выстроить нечто вроде Дома Туриста или Дома Крестьянина и, можно полагать, что летом он бы купал себя с лихвой, давал бы нужный и хороший приют прохожим, туристам, экскурсантам. Но пока это фантазия. Мы были предовольны и тем, что нашли. Посреди сарая развели костер и повесили чайники. Через четверть часа мы жадно выскабливали банки мясных консервов и хлестали с невиданным аппетитом самый обычный чай.

При свете костра кто-то из товарищей заметил на стене фашистский знак.

Хорошо обведенный черный круг и в кругу внимательно выведен настоящий фашистский «герб». Рядом надпись:

«Здесь ночевали кубанские казаки станицы Расшеватской».

Диковинная неожиданность. Сам я кубанец и из этой же станицы. Где-то в углушке нутра, кто-то царапнул мягкими, но слышными коготками. Запахло равнинной степью, буйной колосистой пшеницей... Вспомнился великий восемнадцатый и кровь, сочившаяся и плескавшая из под плетей, дубья и сабель – расшеватских казаков...

Спали крепко...

С Доуляк самый трудный путь. Четыре-пять километров на перевал. Как не извиваются зигзаги – тропки, как ни стараются они облегчить крутизну подъема, все же путь тяжел. Охотники советуют не курить и меньше говорить. Отдых частый.

В горной ходьбе, кроме артиста ходьбы Норина, я завидовал ослам. Они везли наши продукты, пальто, бурки и другую кой-какую поклажу. С мудрым спокойствием, с необычайной деловитостью они отстукивают копытцами. Перед особой крутизной они останавливаются, наскоро высматривают поудобнее тропку и царапаются с собачьей, или, вернее, с ишачьей цепкостью. Кой-где пошатнется, а иногда заедет неосторожно задними ножками в обрыв, кажется, полетит в пропасть, но он хладнокровно, без какой бы то ни было паники, свойственной в таких случаях человеку, зацепившись передними ножками, преспокойненько выбирается. Оглядывает каверзный путь разумными глазами и двигает дальше.

Ох, как глупы и не реальны все те анекдоты, которые идиотов всех видов приравнивают к ослу. Осел – умнейшее животное!

Взобрались на перевал. Видно таков уж закон и обычай гор. За великие труды они щедро дарят своих путников прохладой, невиданной красотой горных картин и неожиданной равниной. Здесь опять не тропа, а аллея. Тянется она четыре-пять километров по перевалу. Часто, очень часто пересекается горными ручьями и водопадами. В одном только месте опасно. Довольно мощный водопад обгрыз берег обрыва, оставив неимоверно узенький проход. Люди прыгают по искусственно набросанным камням в воду. Вода хлещет в чусты. Лошадей притягивают за хвост к стене. И только ослы с обычным спокойствием минуют опасность.

Дальше по пути начинают попадаться тощие сугробики снега. Слева, через огромную зеленую низину высится гора Сафар-бей. Укрытая полотнищем снега, она бела и сурова. Гора эта не только похожа, она копия буденновского красноармейского шлема, но шлем неимоверных размеров. Еще не достает пятиконечной звезды. И странно, что она до сих пор продолжает носить позорное имя того, кто грабил и угнетал абхазский народ. Кто торговал его женами и детьми. Кто бесстыдно продал Абхазию в «рабство вечное Российского престола». Имя это – владетельного князя Абхазии Сафар-бея Шервашидзе, он же Чачба.

Наконец и мы попали в большие снега. От радости проваливаюсь выше колен. А радость хлестнула огромная, ведь в Сухуме не бывает снегов.

Странно. Юг, 22-ое апреля и снег... Сочетание невероятное. Здесь мы фотоаппаратом на плотных сугробах снега увековечили свои собственные персоны. А тут же, сбоку, как в сказке, сухая зеленая лысина. Дальше опять снега.

Привал.

Но мой привальный покой нарушили, столь «желанные» еще из Доуляк, мои расшеватские земляки. Их было двое, встретил я их по одному.

На сером отвалыне-камне, строгая перочинным ножом хворостину, сидит человек. Ничто в нем не выдавало кубанского казака. Обут в ременные лапти или поршни. По колено ноги обернуты в онучи и уплетены веревками. Дряхленькая тужурченка, иризаплатанные штаны. Старообрядчески заросший рыжей бородой.

– День добрый, путник.

– Здравствуйте.

– Откуда?

– С Псху.

Но человек щупает меня глазами до физической осязательности. Клапан памяти отщелкнулся и выскочила надпись на стене сарая в Доуляках.

– Ты, случайно, не расшеватский?

– О, гля, Половнев!

Опознали друг друга скоро.

– Земляк, как фамилия?

– Дырочкин.

Много у памяти клапанов заржавелых, потрепанных, потертых. Стараюсь выдавить, вспомнить, не выходит.

– Дырочкин, Дырочкин... В каком квартале живешь ты?

– Да вы знаете. На Бурьяновке. Ну, отца то моего прозвали князь бурьяновский.

– Ах, князь, князек, как же, знаю. Вспомнил и тебя. Ты что же, бандит?

– Ну, што ты, Иван!

Действительно, на бандита мало похож. И в худшем случае бандит в долгой отставке. Кстати, замечу – Расшеватская в свое время была богата и щедра на развод бандитов.

– Что же, давно на Псху?

– Нет, с осени.

– С семьей?

– С семьей.

– Сколько душ у тебя?

– Четыре.

– Гм... Четыре души. Значит, десять десятин кубанского жирного чернозема ты забросал. Так?

Молчит.

– За каким же ты дьяволом от кубанской пшеницы и свиного сала бежал сюда, в камни?

Смутился:

– Так.

– Так, ничего, милый, не бывает. Если не бандит, значит кулак. А кулаки сейчас поплыли против течения по Кубани в горы. Верно?

– Ну, што ты, товарищ Половнев. Я середняк самый настоящий.

Ну если не бандит и не кулак, в таком случае сектант.

Волосики рыженькой бороденки зашевелились. В ее поросли покраснела кожа, выделяя мелкие крупницы пота.

– Нет, нет. Ты думаешь, как дядя мой сектант, выехал в Америку, так и я тоже.

– Ах, да, дядя... Ну понятно...

Мне стало понятно – мой земляк является ни кем иным, как членом той богатой агентуры черносотенной воинствующей секты имяславцев (о них мы скажем ниже), которая рассеяна по всему югу и руководится отсюда со штаба Псху.

– Что же вы здесь, на выучке у монахов?

– Они сами по себе, мы сами по себе.

– Врешь, земляк, врешь.

Но фашистский знак не дает покоя, сверлит мозг. Говорить о нем здесь, на перевале – пустое, расшифровать не удастся. Мы грустно расстаемся с ним. Мы чужие и далекие. Катимся под перевал.

Другого встретил ниже. Молодой сбитый крепыш. Сахарные белые зубы и почти как у негра, загоревшее, темное до блеска лицо.

– Расшеватский?

Он чуть, чуть удивился.

– Как фамилия?

– Воронин.

– На каком краю жил?

Отмахнулся:

– Да там, в станице.

– Да станица велика. Где – на Лопатчине, на Вербовке или по Курячей?

Уши приподнялись и рот широко расползся до самых ушей. Казалось – вот, вот бросится целовать. Пропотел даже.

– А ты рази знаешь нашу станицу?

– Эх, молодой человек. Как ты соскучился за нею и видно рад земляку больше, чем отцу родному.

– Гы, гы!

– Какое лихо тебя загнало сюда?

– А может быть не совсем так?

Улыбка исчезла и радость сгинула. Лицо каменеет и чувствуется, что кроме «так» у него ничего не вырвешь. Он молод и лгать еще не научился! А «так» является тайной кубанского казака-кулака в период уничтожения его как класса. В тайну эту посвящены лишь бандиты и попы, обитающие в горах и долине Псху.

Снега перешли благополучно. Дальше желтая скользкая листва. Чусты – лыжи. Хотелось бы иметь на них какие нибудь цепкие подковки. Временами катишься почти с полной уверенностью, что сейчас разобьешь себе голову о камень или дерево. В коленях от напряжения судорога. Единственная опора палка, но руки тоже расхлябались и дрожат.

Скатились.

Бзыбь. У подножья перевала, встречаясь со своим, одним из многочисленных притоков, она жирно бесится. Мечется, словно вызревшая горянка в долгих поисках своего любимого. Она хищно озирает нас, людей прибывших из-за гор. Она выбирала себо жениха. И выбрала. Сбила лошадь его и с жадностью захватила его в свои сильные полноводные объятия. Жених этот был Зам. Пред. ЦИКа Абхазии тов. Малания. Мы немедленно ввязались в войну со страстной горной рекой и мы его отвоевали.

А потом, когда мы жили в Псху, я часто в тихие горные ночи слушал, как Бзыбь то плача, то смеясь рассказывала свою быль. Течет она тысячелетия. Много она поглотала женихов. Особенно много с 1800 по 1864 год в период покорения Кавказа. Глотала живыми и мертвыми. Черкесов, абхазцев, русских, казаков и солдат, солдат и офицеров. Но не насытила своего нутра Бзыбь. Не утолила своей тоскующей плоти. Разгоняя вековую тоску безделья, она бурно буянит, прорывая рвы, обгрызая горы, смывая чудовищные скалы. Века она стремилась помочь людям, хотела отдать им свою силу. Людям было не до реки; они били друг друга, они утопали в крови, а река обмывала и глотала их. И вот, только теперь, через долгие седые столетия, пришли новые, невиданные в истории люди и река Бзыбь забеременела Бзыбьстроем. Завтра, послезавтра, река Бзыбь родит многосильного богатыря.

II. В Псху.

В угольно-темный вечер мы ввалились в село Псху. Алиханов, Бобовников и я каким-то чудом нащупали квартиру местного учителя. Ничего диковинного не увидели. Русский учитель, молоденькая полудевочка, полуженщина – жена учителя, шестимесячный золотушный малютка. Пятистенка мазаная и керосиновая лампа. Выпив наскоро по стакану чая, мы отдались власти сна.

Ночью, проснувшись первый раз, казалось, что я еду на каком то огромном пароходе. Не додумав отчего, почему и куда, заснул. В другой раз, я бросился к открытому окну увидеть вдруг так неожиданно разразившийся южный ливень. Высунув голову – застыл в недоумении. Мне в лицо, с чистого черного неба, лихо смеялись крупные, яркие, псхусские звезды. И только утром понял, что это не бред и не сон. Так постоянно, разгульно шумят реки Псху.

Этим же утром, первое что бросилось в глаза, отчего хмельно закружилась голова – это снег и цветы. Цветы в снегу и снег в цветах.

Серебряная гора, она же и гора Дзышра закрывает треть синего прозрачного неба. С высокой и крутой вершины до самого глубокого подножья, она тихо и грозно покоится под плотным снежным покрывалом. Расплескавший в Псху солнце апрель не посмел завернуть и даже уголка Серебряной горы. Она близка. Утрами она подходит почти вплотную к центру села. Хочется открыть окно квартиры учителя Контарева и взять комок, обжигающего холодом, мягкого хрустящего снега.

Из села, через реку Бзыбь, к горе, молочным озером плывут цветущие сады: черешни, вишни, груши, яблони, срастаясь у подножья Серебряной.

Не разглядеть где снег, где цветы.

Против Дзышра, на Главный Кавказский Хребет в поднебесье, миллионным стадом зеленой шленки, ползут могучие леса. Вершины покрыты белой шапкой. Солнце на снегу блестит как золотая россыпь.

Урочище – котел. Красивый, сказочный, волшебный. Впечатление такое. У природы остался солидный остаток красок от украшений вселенной. Не думая долго, она взяла и весь его бросила в долину Псху.

III. География.

Стою в котле. Площадь котла – дно – $2\frac{1}{2}$ – 3 тысячи гектаров. С юга – Чадышский хребет, высота до 9 тысяч футов. С севера – Главный Кавказский, высшая точка... ох и точка, огромный восклицательный знак впился в небо – десять тысяч 699 футов! На дне – реки. Их гибель. Пастбища и хутора. Само собою разумеется, что все это тонет в лесу, богатство и могущество которого знают пока лишь только звери.

Главные реки: первая Бзыбь, вдоль рассекает долину надвое. Бурно и буйно она несет свои воды за горы, в море. С Чадышского в нее впадает Серебряная или Дзышра, Водопад и Решевей. Река Водопад не течет, а падает по порогам, по ступеням, по огромным отвалням-камням. И шипит, и пенится, и завывает, словно под каждым камнем сидит сам гоголевский дьявол. С Главного Кавказского Хребта в Бзыбь впадает бурный и изо всех рек самый шумный, красавец Баул. Он паша. Он монопольно захватил воды мелкодонных певучих речушек: Баций, Агурипста. Святой, Ахей и Ригзды. Самостоятельно долго по долине, извиваясь как змеюга, течет Битага, потом все же впадает в Бзыбь. С запада долины высится гигантская гора Анчха. За Анчха течет (тоже в Бзыбь) большая река Пшица. Там же цветет и волшебное горное озеро Рица.

У нашей квартиры, подходя к самой двери и затем пересекая несколько дворов, полян и огородов, ручной лопатой прорыт мелкий незначительный ровок. Вода, ускользя из Баула, несется по нем с такой силой, что прислушаешься – ровок звенит как натянутая струна.

Не раз вспоминал Андреевку – село, которое по пути мы проходили. Крестьянам там приходится добывать воду за километры от дома и огородов.

– Вода нас режет, – говорили они нам.

И, может быть, не одна уже гречанка превратилась в прах, зарезанная тяжелым кувшином. Воду в Андреевке из далеких ручьев на гору женщины носят кувшинами. А мы, вот здесь, через порог и моемся, и пьем, и коня поим. Хозяева варят борщ, суп из этого ровка, поливают огород. Никакого труда не стоит прорыть его в каждый двор, испетлить водою огороды.

Да, в Андреевке природа столь же безжалостна, сколько она здесь милостива, бесшабашна и щедра.

По рекам и за реками, над хребтами, в лесных провалах

долину окаймляют ковры равнинных и цветущих пастбищ. С востока – Цыбишхва, Чхо, Цыблүшхва. С запада, за горой Анчха – Рихва. Весной, когда солнце на перевалах поедает снег, с набережных абхазских и мингрельских поселений на пастбища пригоняют многодетные стада баранты и крупного рогатого скота. Прогнать стада на Псху сквозь частокол исполинских шпилей – мудрость большая, она доступна одним лишь горным пастухам.

Минеральных вод на Псху никто не посчитал. Спускаешься с Доу по тропе у Бзыби – серно-кислый. По тропе на Гудаты источник, напоминающий нарзан. Одна группа в тридцати пяти километрах от села, на север, на перевал Санчарский. Другая – к горе Анчха в восемнадцати километрах. И еще... а впрочем, еще неведомо сколько их па Псху.

Идем с учителем Контаревым на хутор Ригзду. Вернее, очертя голову несемся вниз под гору. Гора точь в точь необъезженная молодая лошадь: то и дело сбрасывает с одного места на другое.

Отдыхаем у Баула.

– Хочешь железистой прохладиться?

– Где?

– Да вот, перед тобой.

– Не вижу!

– Вот чудак!

Контарев у моих ног нагибается и пьет.

– Это источник?

– А вот попробуй.

Странно. По внешности родник, которых на горах встречаешь сотни. К тому же грязный. Кругом и в нем лиственная прель. Палки, хворост. Следую примеру, пью. Пью и только тут замечаю на палках и на камнях плотные пласты железистого наноса. Вода холодна – острейший нож. На деснах осадок, как от хорошего кахетинского вина.

– Да, внешность неприглядная. Но что же, крестьяне пользуются родником?

– Крестьяне? Они его замечают точно также, как и ты. А толковать начнешь, выдумка, говорят, одна.

Лес – мачтовые исполинские гиганты.

Ну что за красавцы, ну что за великаны! Семьдесят-восемь-

десять метров высоты! Кажется вот, вот проломают небо и оно хрястнет как лед.

Лес – парк. Парк, которому по убранству и богатству нет равного. Во всяком случае, я их не знаю. Породы: бук, граб, каштан, орех, липа, дуб, пихта, клен, горный ильм, восточная ель и ольха. Подлесок: понтийский родендронат, азалия, кавказская черника, лавровишня, альпийская крушина и остролиста. Местами, зелеными коврами прорываются полянки с субальпийским надземьем – колокольчики, телекии, акониты, папоротники, борщевник и многое другое, названия которых не перечислит и ботаник.

В шатании по горам мы с товарищем забрались на огромную поляну выгоревшего леса.

– Пиши. Не видишь, это же кладбище мертвых великанов. А когда-то они жили. Вот как и те – величественно и красиво.

Поляна зловеще чернела, покрытая гигантскими обуглившимися трупами деревьев. Мне вспомнилась жуткая картина Верещагина, где одни только человеческие черепа и черепа...

– Знаешь, сердце щиплет – сказал товарищ. – Я уже не считаю, сколько миллионов здесь погибло.

Больно было и тогда, когда я прочел записанное работавшей по обследованию этого района комиссией: «С лесом обращаются грубо-хищнически. Сваливают великаны, из коих обрезают только тонкие части ствола, а основной ствол остается гнить на участке. Как правило, сухостой не используется, он сгнивает на корню. Все мелкие речушки сплошь забиты гниющими деревьями».

Обидно! Раньше хищнически терзали чужое богатство потому, что оно было средством эксплуатации. А теперь? Теперь оно наше и только для нас буйно растет и цветет. И опять, как по дороге в Андреевку хочется выругать проклятую вековую привычку собственника. Она заставляет крестьянина «хапать, лапать, ломать, колоть» и из многоценной мачты вырубить два полешка и бросить в собственную печку. При колхозах этого не станет.

В лесах Псху водятся медведи, волки, кабаны, дикие козы, олени, туры и роскошная куница. Тура и куницы прямо-таки много. Еще в лесах много пчел.

– Пчела у нас исключительная, – рассказывает мне мест-

ный пчеловод. – Таких пчел как у нас нигде не найдете. Их вывозят за границу, в Европу. Они имеют особо долгий носик и достают мед из таких цветов, откуда простые смертные и не попытаются. Пчелы наши особенно трудолюбивы, легко переносят холода и другие климатические невзгоды. Крепко семейны.

Много богатств в псхусских горах.

У Чадышского хребета гора Дзышра, получившая название от местных обитателей – Серебряной, является действительно Серебряной горой. В июне-июле, когда она сбрасывает свою белую чадру, оставляя лишь снеговую корону на высоте 8.642 фута, по склонам ее блестят россыпи свинца. Это та самая гора, из которой давнишние владетели Абхазии князя Шервашидзе черпали свое серебро. Гора имеет несколько рудных жил. В рудах нет примеси ни меди, ни цинка. Руды горы Дзышра свинцовый блеск – сернистое соединение свинца с механической примесью серебра. Известно, что серебро-свинцовые руды с мелкими гранями значительно серебристее тех, у которых грани имеют большие плоскости. Руды горы Дзышра совершенно сталевидные, грани так мелки, что кристаллизация почти незаметна для невооруженного глаза. Еще при тех же князьях Шервашидзе, произведенные анализы в Тифлисской пробирной палате показали присутствие серебра в пуде руды 2,53 золотника. Запасы руды горы Дзышра, по всей вероятности, огромны. Впрочем, по сию пору вычислением их никто не занимался.

На противоположной стороне от Дзышра, у Главного Кавказского хребета, на горах Лысой и Святой также видны заброшенные разработки серебряной руды. Там же, на хребете, на высоте 900 футов, залегают гнезда магнитного железняка. Рассказывают, будто бы там есть и кварц с вкрапленным золотом.

И все это растет, звенит, поет, цветет, изолированное от мира величавым кордоном исполинских гор, окутанных вечными снегами.

Не об этой ли стране «волшебной» складывались старинные русские сказки: «по одной дороге пойдешь – смерть найдешь, по другой пойдешь – назад не вернешься»? Именно в эту страну есть всего-навсего пять дорог. Нет, не дорог, а пять извилистых, коварно-мудрых горных троп, нередко обрекающих на смерть невежественных путников.

Через Главный Кавказский идут на Северный Кавказ – Ца-черкер, Чамахари и Сангара-ахи (Санчарский). Через Чадыш-ский к морю – Гудаутская тропа и Доу. Зимой, 4–5 месяцев все они непроходимы. Летом труднопреодолимы. Красивые, но тяжелые дороги.

IV. В глубинах века.

Людей здесь бывало много и разные люди жили в Псху.

Теперь русские, крестьяне. Их 85 дворов, 95 семейств. Редкими тихими хуторками и отшельническими отрубам-дворами они прячутся в зарослевых ущельях, по рекам и ручьям. В центре урочища, между Баулом и Бзыбью, 18 дворов – это село Псху. А на горных высотах, куда с трудом может подняться лишь молодой быстроногий охотник, как гнезда хищников пятнят чернотой зеленые луга, монашеские кельи и скиты.

Русские начали заселять урочище с 1904 года. Раньше Псху колонизировали греки, стояло там село Мариинское. Не долго, 8–10 лет. В 1877 году, в связи с Русско-Турецкой войной, мариинцы все выехали в Турцию. Еще раньше, на местах, где теперь стоят хутора Ригзда и Агурипста, оседали абхазские аулы. О них не очень много известно. Но то, что есть, поистине заслуживает громкой и широкой славы. Было это буйное, неукротимое племя.

На левой стороне Бзыби, против горы Дзышра, каменными развальнями покоится старая крепость. Серые камни глядят пустыми, выеденными временем глазами. Потонувшие в на-кипи столетий, они пытаются стряхнуть ее и оскалами древних зияющих ран поведать миру захороненную в них тайну. Тайна эта великая кровавая драма. Действующие лица – войска русских вампиров-императоров и горсть народа, отчаянно борющегося за свою незыблемую свободу. Да, именно эта горсть – псхусцы сдалась русской армии самой последней из всего покоренного Кавказа.

Сначала их (псхусцев) было совсем мало. Два аула, 200–300 семей. Выхаживали они, на своих пастбищах, жирные отары баранты, тучные стада рогатого скота, небольшие косяки азиатских лошадей. Разводили сады многосортной черешни, вишни, яблок, груш и волосского ореха. Сады эти и сейчас цветут, превратившись в полудикие они дают обилие плодов. Теперь

крестьяне и монахи широко пользуются плодами, не приложив и капли труда для культивирования деревьев, считая, что все это дар божий.

Спрашиваю монаха.

– Хорошо, ты обитаешь в лесах, не работаешь, чем же живешь?

– А так, как бог даст. Груш насобираю, засушу, яблок, орехов, воск по дуплам вытащишь, крестьяне обменяют на муку. Так и живу.

– Ну откуда же столько яблок, груш? Ведь крестьяне тоже собирают.

– Ну и што ж! Здесь много. Здесь все так само растет, местность такая, бог сам без труда людского посылает.

А недавно прибывшие в Псху на жительство крестьяне пишут родным и знакомым письма: «Всего тут много, все само растет, не сеявши, не пахавши. Как в раю. Плодов божьих собираешь – не пособираешь».

Жили абхазцы мирно, трудолюбиво. Отрезанные от мира исполинской изгородью кавказских хребтов, они каменной киркой и деревянной сохой ковали быт свой. Как и теперь, в заброшенных уголках Абхазии, в дни праздного здорового безделья, аулом и аулами, справляли шумные свадьбы и поминки. Пели песни хоровые, звонкие, многоголосые. У абхазской народности нет письменности, нет литературы. Они (письменность и литература) сейчас рождаются трудно, мучительно. Есть устные предания, зачастую превратившиеся в легендарные сказы. Еще есть песни. Их много. Песни абхазские без слов или почти без слов. Но и без слов в них слышно тихое и звонкое журчание ручейка, задумчиво-таинственный шелест лиственного леса, диковинный посвист ночной птицы и раздирающий плач голодного шакала. В них слышны гик храбрецов, настагающих лютого врага, заунывные мотивы одиночки-пастуха, торжество охотника, счастливо разделавшегося с хищным зверем и стон раненого джигита, неразумно попавшегося на мушку русского старинного бердана. В них весь быт. В них красочная, суровая, веселая и многострадальная жизнь небольшого народа, родившегося, выросшего и наполовину погибшего в кавказских горных ущельях. В них история этого народа.

Жизнь псхусских аулов сурово изменилась с того времени,

как владетельный князь Сафар-бей Шервашидзе запродал Абхазию русскому царю Александру I. В запродажной (1810 год) князь отдавал весь абхазский народ, «и все находящееся в Абхазии, в наследственное подданство и рабство вечное престола Всероссийского». За все это, Сафар-бей просил русского царя: «Ознаменовать владетеля (т.е. его, Сафар-бея Шервашидзе) знаком, как и прочие князья подданные императорского престола, о пожаловании владетелю грамоты, утверждающей его наследство дабы он был начальником и управляющим владением своим и об ограждении владетеля Шервашидзе войсками императора».

Много десятков лет крепко и зло, со всей императорской кровожадностью русские цари «ограждали» своими войсками князей Шервашидзе. Много десятков лет русские цари казнили, вешали, стреляли упрямо-свободолюбивый горский народ, огненной пастью глотали целые поселения. «Для наказания изменивших русским – был послан полковник Шервашидзе, что и было сделано им, т.о. предал несколько селений огню и взял значительное число скота, но это не могло помочь общему ходу дела»... «Чтобы показать грозный пример, Муравьев решил очистить Дальское ущелье, 500 семей были выселены, а жилища преданы огню» (свящ. Мачавариани. Путеводитель по Абхазии).

Но когда не хватало людей, которые бы безропотно стреляли, когда не брал и не помогал язык огня, тогда выгоняли стаи злых собак и, как зверьков, трясущихся за жизнь, людей в ущельях вылавливали и травили. «Во время рукопашных схваток, – пишет тот же поп, – собаки принимали участие и погибали вместе с солдатами. Они же рыскали по кустам и открывали горцев. Раненых собак приносили на шинели в укрепления и лечили наравне с солдатами. Они также получали казенный провиант. Выпущенные из укреплений, они тотчас рассыпались среди стрелков и открывали неприятеля».

Какое благородство! Какое теплое внимание к собаке, которая, разъяренная как бестия, походя грызла человека горца. «Их лечили наравне с солдатами», поистине этика вампиров!

Вот тогда, когда Абхазия была раздавлена, повешена, задушена, сожжена и затравлена собаками, наиболее крепкие и смелые духом бежали в ущелье Псху. Их даже враги звали «хра-

брыми мужами». Это были абхазские казаки, похожие на русских казаков времен Степана Разина и Емельяна Пугачева. Из быта и из строя они изгнали князей. Они знали одних лишь выборных старшин, они любили подлинную народную свободу.

Долго, упорно и чутко псхусцы охраняли свои ущелья. С ястребиной зоркостью следили за своими зигзагами-тропами. Десятки лет они являлись тем угольком, от которого вспыхивал пожар и озарял всю Абхазию пламенем костра народного восстания. В 1859 году русским империализмом Кавказ был завоеван повсеместно. Был разбит и взят в плен громкий вождь горских демократических племен черкес-пастух Магомет Эмин. Ранее еще умер другой упорный противник русского империализма, князь Сафар-бей (не тот, что продал Абхазию, а другой – черкес). Сдался в плен и присягнул на верность русскому царю легендарный Шамиль-горец. И только маленький островок, в глубинах Кавказского хребта, среди гигантов поднебесья, оставался непокоренным. «Псхусцы, – жаловался в том же году командующий русскими войсками в Абхазии генерал Лорис-Меликов, – продолжали быть беспокойным элементом, увлекаая цебельдинцев и абхазцев в разных нападениях».

Сижу на камнях крепости. И хочется спуститься в глубины века, чтобы не только чувствовать, но и поглядеть то буйство, удаль и ненависть к тиранам. Ведь это та же ненависть, которая теперь сотни миллионов людей разных рас, наций, языков под знамя коммунизма объединила. Их была горсть и они боролись с одной из сильных армий мира. Их была горсть, но сила ненависти неизмерима. От нее и сейчас дрожит весь старый мир и завтра, послезавтра от здания палачей останутся одни развалины. От нее, от этой ненависти выросла огромная любовь к стране, где символами мирового освобождения горят растущие днепрострой и тракторострой.

В 1860 году на северном склоне Главного Кавказского хребта, где раньше гулял Шамиль и верный союзник псхусцев Магомет-Эмин, казаки белого царя охотились за псхусцами, как за дорогой дичью. Из Абхазии готовились обрушиться полки. Мертвая петля затягивалась на шее трехтысячного народа. Единственный союзник и опора – община ачипсхусцев в 3–4 тысячи человек, обитавшая в то время по соседству, в верховьях реки Сочи. В этот год впервые «русские» пустили кровь на Псху.

План палачей был хитер и достоин похвалы врага. Небольшими милицейскими частями они завязали бой с псхусцами на перевале Доу. Такую же штуку проделали казацкими частями на главном Кавказском хребте, на перевале Сангара-ахи. С берега моря завязали бой с псхусским союзником, с непокорной общиной ачипсхусцев. Цель – отвлечь внимание от прохода по ущелью реки Бзыби. Заодно открыли с моря бомбардировку мирных набережных поселений. Это был способ отвлечь вообще горцев от проведения войск вглубь Кавказского хребта для покорения псхусцев. Словом, отвлекали и «развлекали» мирных поселян довольно-таки кроваво. Главные силы были направлены сверху от Сванетии и снизу от Гагр по реке Бзыби. Пути оба неимоверно трудные. Тропа, например, по верховьям Бзыби даже прозывалась воровской. Ее знали хорошо только воры и лихие охотники. Займи во время там псхусцы позиции, десяток – полтора десятка хороших стрелков, могли бы справиться с полками. Но замыслы противника были коварны, псхусцы искусно были отвлечены на перевалы, тем самым дали свободный ход врагу на Псху. Первое сопротивление – бой дал аул Аграбзда (теперь русский хутор Агурипста). Наперво, пока прибыли силы с перевала, врага задерживали старики, женщины и подростки, превращая в оружие не только шашки, но топоры и мотыги. Прибыли силы с перевала. Бой завязался рукопашный, невиданный. Но поздно было. С двух сторон, никем не задерживаемые, в урочище вошло 15-ти тысячное войско. Бросив аулы, псхусцы разбитые бежали в ущелье Цыбишхва. Загнанные в мертвое кольцо, они сдались.

И все же не этот год и не этот день стал роковым концом отчаянно-удалых буянов.

В 1863 году, командование русской армией в Абхазии, не веря в то, что псхусцы действительно и навсегда примирились (да и поверить в это могли разве только идиоты, после подобной кровавой бойни), решило проложить Сухумское военное шоссе через перевал Доу, через урочище Псху на Санчарский перевал и на Северный Кавказ. Тем самым царское правительство предполагало окончательно закрепить за собой завоеванные позиции, уничтожив естественную крепость – урочище Псху. Начались работы. Стоило об этом только узнать псхусцам, как все поднялись от мала до велика. К ним присоединились сосе-

ди-ачипсхусцы, а для большей грозности пустили слухи, что к ним также идут на помощь большие племена с северного склона – убыхи и джигеты. Вышли за Двуречье к Волчьим Воротам километров за сорок от своей естественной границы. Начали давать русским бой за боем. Зашевелились набережные абхазские и мингрельские поселения. Вырастала реальная опасность восстания по всему Абхазскому побережью. Военно-Сухумское шоссе повернуло на Цебельду, на Нижнюю Сванетию (кстати, там уже было раньше выжжено Дальское ущелье) и на Мухорский перевал. Три года после этого метались псхусцы в своей зловещей горной клетке, не сдаваясь русским генералам, получая угрозу за угрозой и встречая попытку за попыткой русских раздавить и сжечь.

В 1864 году великий князь Михаил Романов перекрестил долину Псху тридцатитысячным войском. Псхусцев к этому времени осталось всего с детишками, женами и стариками 3 600 душ, да четыре тысячи соседей – ачипсхусцев. Князь кроваво-жестоко выкорчевывал упрямо-свободолюбивых горцев. Разграбил и пожар аулы. 21-го мая 1864 года князь Романов справлял парад тридцатитысячному войску в урочище Кабада и тогда же телеграфировал царю:

«Имею счастье поздравить Ваше Величество с окончанием славной Кавказской войны. Отныне не остается ни одного непокоренного племени. Вчера собрались здесь отряды князя Мирского, генерал-майора Шатилова, Геймана и Граббе. Сегодня отслужено благодарственное молебствие в присутствии всех отрядов. За все время последних движений потеря не превосходит ста человек».

Князь плохо знал даже свою потерю и понятно, что убитых псхусцев он не считал.

Царь Александр II, занимавшийся в это время ограблением и кровавым усмирением своих отечественных крестьян после «освободительного» манифеста 1861 года отвечал:

«Благодарю от души (охота знать, какая была душа у этого тирана. И. П.) всех начальников, офицеров и нижних чинов за их молодецкую службу, увенчанную успехом. Я горжусь ими более чем когда либо».

В те дни, псхусская земля глубоко пропиталась кровью.

Недострелянные остатки псхусцев уехали в Турцию. Часть

из них попала на Северный Кавказ и сейчас потомки их живут в Мало-Карачаевском округе (аул Шахгиреевский). В прошлом, т.е. 1929 году, приезжали представители из этого аула и просили правительство Абхазии разрешить им переселиться опять в Псху. Но беда в том, что возглавляют это переселенческое движение князья, по-видимому старающиеся скрыться в «необитаемую» страну Псху от лозунга ликвидация кулачества как класса. Правительство Абхазии отказало.

V. Люди.

Колумбом нынешней Псху является Антон Жилинский. Он первый своим переселением начертал печальную и жуткую страницу живущего здесь народа. Будучи еще молодым приемщиком груза Сухумского Порта, в нем проснулись звериные страсти, он затосковал, завыл и в мае 1904 года отправился в псхусское ущелье.

Он здесь. Ему за шестьдесят. Зубы черные ломанные огрызки. Ключковатая, грязного цвета борода. Масляные, бегающие глаза. В целом – физиономия ханжествующего во спасе прасола. У него крепкая хата и широкий с застройками двор. В хате много икон. Спросите его, кулак он? Нет. Об этом вас заверит сельсовет и даже налоговый отдел Наркомфина. Батраков у него нет ни одного. К тому же, он религиозный и «человеколюбивый» старик. У него всегда живут человека четыре-пять монахов и монашек. Верно, монахи и монашки эти бестолковы, глупы. Они недавно затянуты в это черное гнездо более умной старой братией. Они еще не научились быть паразитами (ведь для этого тоже нужна школа!) и они у него работают. А как же, разве можно жить в хорошем хозяйстве и не работать. Но он их за это бесплатно кормит. Бывает, конечно и так, когда монахи приносят свои мирские даяния и ссыпают в его, Жилинского, закрома. Но все это, ведь, делается по-братски.

О себе он говорит скупо и почти ничего не говорит.

– Что вас заставило бросить службу, город и забраться в такую недоступь, да еще тогда, когда здесь ни одной человеческой души не было?

– Так. Как-никак служба, всегда в подчинении. Захотелось самому пожить. Думал, место удобное, вольготное, займусь свиней разводить.

– Ну и что же? Как у вас со свиноводством?

– Не вышло.

Дальше слова не вырвешь. Молчит.

Простодушнее и словоохотливее его жена, пышная, совсем еще не старая бабеха:

– Да как приехали сюда, вы не поверите, мороз по коже лазит. Ну одни же, ну словно на всем свете одни. Приехали было Порожные и Топчие, поглядели, перезимовали и уехали. Да уж через год приехал Иван Вороной. Да и то, вон где поселился.

– А зачем же вы, тетушка, ехали сюда?

– А кто его знает. Ух, как моего уговаривали приятели и начальство! Не езд, говорит, пропадешь. Нет, стал в одну душу, табуны, говорит, свиней разведу.

– От людей убег.

Эта реплика так была неожиданна, что она заставила вздрогнуть хозяев. У русской широкой печки, заложив руки назад в цветисто-ситцевом наряде стояла лет тринадцати девочка. Каким-то странным огоньком горели ее голубые глазенки. То ли она выискивала доброго нужного человека, к которому хотела приласкаться, то ли она порывалась рассказать что-то, но боялась. Во всяком случае, в моей памяти незабынно она осталась чего то ищущей, чего то просящей.

Спустя несколько дней я встретил ее на улице с тремя такими же подростками-подружками. Было солнечно и зелено. Сады и речушки дышали здоровой ласкающей свежестью. Она была румяна и звонко смеялась. Мне показалось, что эта девочка пытается кокетничать как взрослая женщина. Шедший со мной псхусский рабкор спросил меня:

– Вы обратили внимание вон на ту, среднюю?

– Да, это, кажется, дочь Жилинских.

– Верно. Но как скажете, сколько ей лет?

– Тринадцать, четырнадцать.

– Тоже верно. Ей тринадцать лет. И она уже женщина.

– То есть как?

– А так. Отец продал ее.

И он мне рассказал. Зуб Жилинского вообще нечистый. Дом Жилинских – постоянный двор для монахов и бандитов, которые от времени до времени, после «работы» на Северном Кавказе приезжали, находя у него покои и отдохновение. Само

Псху в революционные и пореволюционные годы очень долго оставалось гнездом бандитов. Здесь скрывались белобандиты – казачий офицер Бондаренко, расстрелянный Соввластью в 23 году, войсковой старшина Опанасенко, сосланный в Соловки в 1927 году, белобандит Гарбузов, расстрелянный Соввластью, барон фон-Дринь – повесился за день до нашего приезда. Орудовал в Псху Хвостиков¹ и, почти до последних дней, где то в горах, в лесах обитал казачий атаман полковник Козлов. Со всеми ими Жилинский за панибрата. Бывали случаи, что бандиты грабили псхусское население, но не было случая, чтобы кто-либо и когда-либо причинил неприятность Жилинскому. Был он в свое время главою псхусского сельсовета, население к нему относилось с боязнью почтительностью. Сам он поляк и кроме поляков никого людьми не признает. Есть еще в Псху один поляк, его друг, лет сорока, безрукий, уродливый самец – Банюкевич. Вот этому Банюкевичу и приглянулась девочка Фрося, дочка Жилинского. У Банюкевича есть деньги, у Жилинского нечеловеческая жадность к деньгам. Фрося всей силой своего детского инстинкта самосохранения протестовала против подобной сделки. Ее истязали, избивали до синяков, до кровоподтеков. Запирали в отдельную комнату и морили голодом. Теперь ее мужа арестовали и она, словно вырвавшись из жесткой мучительной клетки, бегала радостная с подружками по улице, рассказывая всем о своем варварском браке.

– Только она очень боится, как бы его не отпустили и он опять вернется в Псху.

– Ну что же сельсовет глядит, регистрируя подобную сделку, ведь она же совсем ребенок.

– А кто его знает. Надо быть, боялся Жилинского. Потом они уничтожили метрики, а свидетели, надо быть, подкупленные, в один голос заявили, что ей не тринадцать, а восемнадцать лет.

– Неужели никто не нашелся у вас защитить ребенка. Вот ты, например, мог бы написать в газету.

– А я же написал. Разве не читали? Только после этого я получил записку: «Если хочешь носить голову, не пиши в газету».

– Ну и что ж, больше не пишешь?

– А как его писать?

¹ Правильно: Фостиков. – Ред.

Иван Вороной тоже псхусский сторожил. Приехал в 1905 году. Этот и человек и хозяин другого склада. Хозяйство у него не хуже, а лучше Жилинского.

– Услыхал от пастухов, што в Псху много диких пчел, сделал разведку, так и есть. Вот и живу.

У него много ульев, прекрасный липовый мед. Два дома, внутри оборудованы ловкими столярными работами. Работа лучших городских мастеров. И удивился, как могли эти огромные шкафы, комод, письменный стол перевалить через перевалы. Оказалось, все это сделано собственноручно. У него имеется барометр, часы, граммофон, что означает в этой местности несомненный признак большой культурности хозяйства. Да, хозяйство Вороного культурное и единственное на Псху. Самому ему лет 69. Живет он с тридцатилетним сыном. Когда я пришел к нему, он со старухой поливал и тохал в огороде. В этом году он сам через Санчарский с Кубани пригнал племенную корову.

– А что, старик, в бога то ты веришь?

Хитрые глазки щурятся, изучают с кем имеют дело, но осторожно, чтобы не обидеть, с легонькой ласковостью, с добрым старческим смешком. Нашупали.

– Эк, родной, моя главная религия Ленин.

– Ленин? Но неужели на Псху его так хорошо знают?

– Хе, кто же его не знает. Мужик был хитер. Дурак так бы не проехался, сразу видать, что ухо от старой лоханки.

Вот так штука! Определение на редкость оригинальное: «видать, что ухо от старой лоханки». Но, думаю, и ты ухо.

Вороной вводит меня в свою стариковскую комнату. Достает четверть медовой самогонки из меда и с медом. Сладкая.

– Вот, пожалуйста, выпейте. Наша, псхусская, не то что ваша городская.

– Спасибо, не хочу, жарко.

– Э, милок, она и от жары и от холода помогает.

Выпил. Действительно вкусна.

– Ну, скажите старик. О колхозах что нибудь слышали вы?

– О коллективах...

Озадаченно сощурил глаза. Лицо насыщено добродушным старческим юмором. Ох и хитряка же, думаю.

– Как же, слышал, слышал. Наши монахи говорят, что в Ро-

сеи все коровы, свиньи, куры пропечатаны. И хозяин не смеет ни резать их, ни печать сорвать.

– Монахи?

– Ага, монахи. На всем, говорят, лежит уже антихристова печать.

– А вы этому верите?

– Хе, хе, хе! – рассыпался смешком. – Нет, я-то, милоч, не верю, а люди то вот верят, да еще как верят! А коллективы штож... лентяев много. Ох, много!.. Всем, милоч, хороша советская власть, тока на што она так много помогает лентяям. Ведь не работают люди, ей-ей не работают.

– Это по вашему значит вся беднота лентяи?

– Да ведь они и беднота оттого. Ага, оттого, милоч.

– А может быть, старик, сытый голодного не разумеет, не так ли?

– Хе, хе, хе! Нет, не такой я.

Ленин, конечно, для Вороного не религия. Но то, что Вороной плохо верит в бога для монахов на Псху является прямо таки огромным прорывом.

Степана Гуляева я, пожалуй, прошел бы мимо, но меня остановил раздирающий крик лет шести-семи девочки.

У порога хаты сидит женщина лет 35 с изможденным и очень озабоченным табачного цвета лицом. В ее руках (ноги на коленях, а туловище и голова на земле) билась, словно пойманная рыба, и немилосердно вопила оборванная и грязная девочка. Что она с ней делает, сразу никак не мог я сообразить. Подошел ближе. Женщина, не обращая внимания ни на меня, ни на вопли жертвы деловито производила операцию над ногой девочки. У девчонки на подошве ноги огромная рана-гноевик. Прорвалась ли она сама или ее прорезала «оператор» – не знаю, но женщина усердно накладывала с двух сторон ногти рук, выгоняла гной. Давила до тех пор, пока брызнула кровь. Потом, недолго думая, взяла щепоть приготовленной заранее золы и сыпнула в рану, старательно придавив золу пальцем.

– Слушайте, что вы делаете? – не стерпел я.

Женщина поглядела на меня, словно в пустое пространство, и начала обматывать ножку прегрязным куском тряпки.

– Слушайте, гражданка, так нельзя, это же обязательное заражение крови, ведь ваш ребенок погибнет.

Но она, с равнодушием мудреца, завязала такой же грязной ленточной вокруг тряпки, приподняла девочку за голову, крепко толкнула ее в спину кулаком:

– Иди.

Девочка захлебнулась слезами, попрыгала на одной ножке в хату. Женщина поднялась. Страхнула с подола остатки золы и только тогда спросила меня.

– Что вы сказали?

– Я сказал, что обязательно будет заражение крови и ребенок умрет.

– Господь помилуй, добрый человек, ить у нас это не впервой, – при этом широко перекрестилась.

Гляжу на женщину, на хату. Двора нет, нет и кольев. Хатенка на курьих лапках. Три окошка, наполовину вместо стекол – синий поношенный картон, наполовину стекла порезанные и замазанные замазкой. От хаты, вглубь, бежит узенькая полоска только что вспаханной земли, по ней еще виднелись разбросанные зерна кукурузы.

– Хозяин дома?

– Дома, а то где. На што он вам?

– Так, поговорить хотел.

– Степан, а Степан, человек вон кличет.

Из избы вышел Степан. Высокий, худой, рыжий. В правой руке у него евангелие. Указательный палец заложил в книгу, по всему видно, его оторвали от чтения.

– Здравствуй, хозяин.

– Здравствуй, добрый человек.

Произнес он это каким-то деревянно-елейным голосом. И сам весь елейный. Серо-мутные глаза не поймешь куда и во что глядят. Кажется, что этот лоб и глаза никогда и ничем не проймешь.

– Я пришлый, интересуюсь, кто чем живет, если можно, хотел познакомиться с вашей житухой немножко.

– А чего с ней знакомиться. Как бог велит, так и живем.

– Но все же, бог-то бог, как говорят, а сам не будь плох.

– Может кто и так думает, а нас пока всевышний милует.

Я спохватился. С моей стороны была неосторожность. Он как будто меня начинает ненавидеть за мои слова и его тупые и печальные глаза медленно начинают обмеривать, выщупывать.

– Нет, я запросто. Глянул на хату, на двор, решил что вы бедняки, думаю, узнаю, помогает ли вам власть, в чем нуждаетесь, ведь Псху такой заброшенный уголок.

– Нет, спасибо. Помощь нам не нужна, проживем и так.

– Но как же так, сколько у вас посева?

– Вот полдесятины здесь, да вон там, за леском полдесятины или три четверти.

– И больше ничего?

– Ничего.

– А семьи сколько?

– Семеро.

– Ну и что? Хватает?

– Хватает. Пока хватало, а там, что бог даст.

– Но неужели вы не хотели бы улучшить свое хозяйство?

– А на што оно! Все равно скоро все будем там, и богатые и бедные – кивком головы указывает на небо.

Несомненно, передо мною был экземпляр на редкость хорошо обработанной монашеской продукции.

Подобный же тип и Тимофей Халява. Разбеднейший бедняк. С ним судьба сыграла жестокую шутку. Был он в свое время не плохой мужик и расторопный деляга. Жил в Ставропольской губернии, где то около Медвежьего, занимался кузнечным делом, имел свою кузницу. Вздумалось парню попытать счастья фальшивомонетчика. Начал карьеру с литья медных пятак. «Ничего», выходило. Но не управился сделать скольконибудь приличную сумму, как, хлоп, и попался. Отсидел два года в домзаке. Стыдно стало своих мужиков, сбежал на Псху. Теперь покорный и послушный раб монахов и кулаков. В хате его нищета и священные книги. Сколько с ним ни говорили о его же хозяйстве, ничего не выходит.

– Ведь нельзя же подышать на одной картошке и кукурузе, когда есть щедрые возможности обогатиться, самому прилично жить и другим пользу делать.

Один ответ:

– А на што оно.

Какое-то дикое смирение, необычайное равнодушие к делам мира сего и, что не похоже на крестьянина, совершенно безразличное отношение к своему же хозяйству.

На квартиру ко мне пришел Зиновий Турков. Бедняк. Ха-

тенка, жена, детишки и захудалая лошаденка. За день до нашего отъезда из Псху он стал первым председателем во впервые организованном поселковом товариществе.

Он осторожно вошел в комнату, как то воровски оглянулся кругом и спросил:

– Вы будете из газеты?

Я понял его. Со мной в комнате было два товарища – члены комиссии из Сухума: Бобовников и Алиханов.

– Ничего не бойся. Садись и рассказывай подробно.

– Я хотел сказать вам о монахах, оно, правда, как будто совсем и не о монахах и о монахах.

– Ну, ну, вы скажите, а я пойму все.

Турков вспотел. Откашлянулся. Вытер пот и начал:

– Поступил я в эту самую взаимопомощь (месяц назад до нашего приезда в Псху был организован крестком. И. П.). Поступил первым. Как же, чувствую, дело наше и, главное, нужное. Прихожу домой, а тут то и загорелся сыр-бор:

«Уходи, – говорит жена, – из этого проклятого ККОВа. Уходи оттуда, али с глаз моих долой».

– Я и так и этак. Думаю, как бы уломать бабу. Нет. «Развожусь» и никаких. Мать ее приехала к нам, говорит:

«Господь с тобой дочка. У нас в Расеи все мужики в этом ККОВе и ничего, – бог миловал».

«Вы мне – говорит, – не морочьте голову: в антихристы все поддались. Развожусь с треклятым».

Спрашиваю.

– Ну, а чего же, Турков, она взъерошилась?

– Да разве непонятно. Организуется дело советское, вот тут, так сказать, и начали со всех сторон шпынять ее.

– Кто?

Грустно смеется...

– Да как будто не знаете. Все они же, монахи, да и «мужики» навроде Жилинского.

Передохнул:

– Ну, сказал бабе, – уйду. Кое-как уломал, остепенилась. Ведь разводиться нам с детишками не шутка, да и привыкли. Сказал и соседям: ухожу, мол, из ККОВа. Какнибудь, думаю, обману, а потом привыкнет. А она, как узнала, что не ухожу, снова взъерошилась еще больше; идем разводиться и все. Так вот, если бы вы не приехали не знаю, что было бы.

– Развелся бы?

Смутился.

– Не знаю. Навряд. Может быть из ККОВа ушел бы.

Когда Турков вышел из комнаты, члены комиссии, разбивавшие дела сельсовета, показали мне несколько заявлений, они были примерно следующего содержания:

«Прошу исключить меня из кресткома, так как вступил я по неосознанности. Членский взнос оставляю. Леев».

Наиболее ярким собеседником в мои первые дни в Псху явился старик Сазонов. Ему 72. Прекрайний бедняк, почти бо-быль. Он строгал колья и прилаживал основу для крыши на погребок. Чуть ли не за каждым взмахом топора он плевал в руку, постанывал и откашливался. У него лихорадочно тряслись руки, дрожали колени и тонкие портченки ходили в пляс, словно плохо натянутый парус под легким дуновением ветерка.

– Добрый день, старик!

Обернулся, долго разглядывал, хлопая мокрыми, добела выцветшими, но еще живыми глазами. По привычке вытер ладонью сухую редкую бородку и простонал:

– Взаимно.

Затем, не говоря ни слова, прошел в сени дряхленькой, такой же, как и хозяин, избушки, зачерпнул медным ковшом воды, выпил и апетитно побряхтел. Зачерпнул другой раз и, словно предугадывая мое желание, как давнишнему и хорошо знакомому предложил.

– Испей.

Выпил. Не в угоду хозяину сказал:

– Вода у вас хорошая, спасибо.

– Вода-то хорошая, сынок, да и земля у нас, бога гневить нечего, что не посеи, что не посади – вырастет. А жить плохо.

– Ты откудова будешь, из Сухума?

– Из Сухума, отец, из Сухума.

– Слыхал я, слыхал. Хучь я и не хожу туды никоды, – отмахнулся рукой в направлении села, – а говорили мужики, что приедет комиссия. Ты с нею, што ли?

– Вот, вот, с нею, отец.

– А чего же вы в такую даль приехали, ай дела уж большие.

– Да, комиссия приехала по делам сельсовета и к жизни вашей поприглядеться. Вы же говорите «жизнь плохая». Так вот

власть и захотела знать, отчего это плохо вам. Вы расскажите-ка мне, как попали сюда и как живете здесь.

– Я, сынок, не живу уже, доживаю, душа то моя наполовину ушла и так, останок один, пока трепыхается. Пойдем в хату, присядем, а то жарко стоять.

На самом деле совсем не было жарко. Солнце по-весеннему в меру грело, осторожно лаская теплом открытые части тела. Но, по всей вероятности, старику жарко от работы и своей немощи. И все же, когда он говорил, то в нем не чувствовалось старческой дряхлости. Говорил же он удивительно просто. Ко мне он не приглядывался, не изучал, как другие, словно новых неизвестных людей для него вообще не существовало. Казалось, что он вот, вот заявит мне – не удивляйся, что я не обращаю на тебя внимания, знаю же тебя издавна, как облупленного».

В комнате стол, две лавки, примост. В самом углу три иконы. Босая, толстопятая рыжая деваха, не поздоровавшись, хлопнула дверью и вышла.

– Пришел сюда вот и не помню, сынок, коды. Не то в десятом, не то в девятом годе. Холера как раз была тоды у нас в Ставрополье. Ее мать-то, несчастная, и померла, – показав рукой вслед девке. – Было тут, как есть, дворов пятьдесят. Нет, должно быть, это было в одиннадцатом годе. Как раз в этой год приходил сюда священник Андрей. Мужиков собирал, проповедь читал. Тоды то впервой и молитвенный дом основали...

После я узнал. Действительно, в 1911 году первый поп, который пробрался на Псху, был епископ Андрей или, иначе, князь Андрей Ухтомский. Был он, говорят, большой ханжа и замечательный оратор. Закатывал псхусцам сног сшибательные проповеди о спасении души человеческой, безмерно слезоточил и без того многоводную псхусскую землю. Сорвал по несколько целковых с каждой праведной и грешной псхусской души и основал, впервые на Псху, очаг спасения заблудших грешников. Сейчас князь Андрей в каком-то ленинградском учреждении, на правах равноправного гражданина и советского служащего, исчисляет статистические таблицы.

– Ничего, сынок, сначала было жить, прямо-таки, неплохо, – продолжал мой собеседник. – Землюшка хорошая. Трудная трохи, раскорчевать ее надобно, а раскорчевал – тоды пошло.

Ну и вылазка к базару в город от нас трудная. Зимой совсем никуда не сунься. А теперь вот и летом я только погляжу за горы, а пойти не могу. Но жили кой как. Запасемся всем в лето, стараешься чтоб было на зиму необходимое, так и жили. А потом, стал я примечать, с каждым годом хуже, ты уж, наверное, сынок, сам догадывается, отчего хуже. Слыхал я, что по монахам вы приехали.

– По монахам? Как это?

– Ну уж не дури. Сам знаешь как. Безобразий они много тут делали, много.

– Да, об этом я слыхал, но приехали мы далеко не специально по монахам.

– Ну, это уж твое дело. Я только говорю, хуже стало с того мента, как они сюда прихлынули. Сразу их немного было, а потом все больше и больше. Вот и начали каламбурить народ. Да как будто все глупые поделались. Вон, видал ить, девка-то, внучка она мне. Сколько ей там, а она уж год целый в монашках была. Да и сам я, прости мне господи, грешному, тоже было приписался к ним. А может и лучше, что приписался. Ить не раскусил бы так издали и сам со двора последнюю нитку отдал бы жуликам. А жулики народ. Правду говорю, сынок, не со зла, не подумай. Но оно и понятно, кормиться-то надо чем-нибудь, вот они и давай каламбурить людей праведных. Каждый день не один, так другой приходит, таким божьим человеком прикидывается, что хочь кого искусить могеть. Ну, девка-то моя, што ж, она хоть велика, а дите ешшо. Наговорили ей, наговорили, гляжу, нет ее. Туда, сюда, нету. Потом уж, через несколько дней узнаю – в кельи одной монашки.

– А когда это было?

– Ну да сколько ей! Восемнадцать, тоды было пятнадцать, значит три года назад.

– Ах, это теперь уже, при советской власти.

– Да то кады ж. Раньше их все же меньше было. Вот коды случилась, у вас там, эта самая революция, дак их с каждым годом все больше и больше. Ну пошел я, разыскал эту самую келью, далеко туда, к Рицу. Внучка в слезы, не пойду и конец. Монашка тоже не отдает. Плюнул и пошел назад. Тут то они напустили своих ловкачей на меня самого. Каждый день приходит не один, так другой. Конец свету, говорит, уже подошел.

Антихрист в Расеи остановился и суд божий уже, говорит, начался. И пошло и пошло. Тебе чудно, сынок, и мне теперь чудно. А тоды сам почал к ним ходить. Да как почал с ними якшаться, так оно все тут-то и лопнуло.

Он оборвал рассказ. Сухой, худенький, поерзал по лавке, выглянул в окно, старчески покряхтел:

– Куды ж это ушла Наташа, может, ты есть хочешь, – облачился он ко мне?

– Нет, нет, спасибо, я не голоден.

– А все ж, может, голодный?

– Нет, нет, отец. Расскажите лучше, как это все лопнуло.

Удивительный старик! Теплый старик. Все то у него выходило просто, душевно и ясно, ясно. Сам рассказ его, обращение со мной, с самой первой встречи, до такой степени просты, что я не мог понять: хитер ли он до невероятности, умен ли, или он проще простого.

– А лопнуло так, сынок. Сошелся я с ними близко, на совсем, как бы. И хата моя стала навроде кельи. Принял я суда монаха. Петр такой был. Сейчас уж на Псху его нет. Начитанный по божьим книжкам, прямо все на зубок. И не старый, лет на сорок, не больше. И такой был задумчивый и душевный человек. Бывало сядет, вон там за хату на дрючках и сидит, думает, то в небо, то в горы глядит. А придут к нему братья, сейчас спор. Такой спор с ними поднимал, аж употеет. Разгорячится и потом целый день ходит. Приходили все имяславцы, а он откололся от них. У меня, говорит, свой бог. Надо, говорит, молиться богу по-божьему, а вы дьявольское дело делаете. А спорили вот об чем: у имяславцев как бы по закону божьему, к советской власти близко подходить нельзя. Деньги советские брать нельзя – это, значит, знак анчихриста. В киперации ничего покупать нельзя, потому там тоже анчихристы. Ну, а как оно жить без денег, без киперации. Вот он и начнет. Да знаете, говорит, что христианам без денег одно разорение. Нищих, говорит, вы делаете, на такую безобразию, говорит, суд нужно. Почему ты, говорит, сам в карман рупь прячешь, а хрестьянам говоришь, что это знак анчихриста и почнет и почнет. Раньше, говорит, николаевские деньги на алтарь клали, как жертву богу принимали. А они свое. Старые деньги это, говорят, от помазанника божия исходили, а эти от анчихриста. Так он аж за-

визжит, «народ вы обманываете, жулики». То он меня все братом называл, а то, ни с того, ни с сего, знаешь, говорит, Федот Иваныч, я ухожу. А меня от этих слов мороз пробрал. Куды ж, говорю, уходишь? В Расею, говорит, ухожу. Богу, говорит, можно молиться и не в монахах, а они, говорит, не богу молятся, а супротив рабоче-хрестьянской власти идут. И тебе, говорит, советую бросить с ними возжаться и внучку отними, испортят. Нигде, говорит, такого блуда нет как у монахов. И ушел Петр.

– Не сказал, в какую местность и адреса не сообщил. Думаю, что он побоялся, как бы там не узнали, что он монах, а человек захотел пожить настоящей жизнью. Стал я приглядываться, да кабыть то он мне глаза открыл. Они не молятся, сынок. Нет. Как разговор, так они супротив власти, да супротив власти, да на коммунистов, да на Ленина. Это, говорят, первейший анчихрист. А тут, гляжу, прибегла моя Наташа. Прибегла и целый день проплакала. Чиво ты, говорю, да чиво? А девка она у нас супротивная. Так ничего и не сказала. На утро и говорит мне: «я не монашка больше». Вот тут-то оно, сынок, и лопнуло все. Плюнул я на все и сказал: ни одного ко двору не подпущу. Кше, кше подальше. Буду молиться сам. Да вот, с той поры прошло два, али три года и я как бы опять стал оправляться. Больше ко мне не ходят монахи.

Кончил он свою повесть с легким старческим юмором. Потом, как-то неожиданно, ухватился за поясницу и, почти в припадке, скорчился.

– Ух, как болит, как болит, нехай ей нелегкая.

Мы также просто расстались, как и встретились.

Да, Сазонов, благодаря счастливому случаю, «два али три года как начал опять вот оправляться». Зато другие десятки, сотни, на Псху именно теперь, в эти годы начали тонуть в черной пучине.

За два только года, за 28 и 30, в село Псху и на хутора из-за хребтов прибыло 214 человек. Из них 188 монашествующих, остальные с Кубани, главным образом, ликвидированные как класс. Происходящий процесс коллективизации на Северном Кавказе они превратили в глазах крестьян в какое то сверхестественное чудовище, которое несомненно во много раз страшнее евангельского ада. Китайско-Русский конфликт – определенно конец света и начало суда божья. Крестьяне на Псху

боятся иметь советские удостоверения или другие документы, ибо на них лежит печать антихриста. Газеты читают только Жилинский, да кулак Васников. Жилинский читает около молитвенного дома, где обычно собираются псхусцы. Читает, примерно, так, написано:

«В селе Ивановском сто дворов вступили в колхоз».

Читает:

«В селе Ивановском сто крестьян с женами и детьми продали душу чорту».

VI. Иеромонах Феодосий Волков.

«В Псхусский Ревком».

«Прошу Псхусский Ревком объявить псхусскому обществу, вместо общественного денежного жалования за 1921 г. принести мне по 20 фунтов муки, по 2 фунта соли с плану, нарезать и перевезти пол сажени дров для псхусской церкви.

Иеромонах Феодосий Волков».

Резолюция: «Получено, сделано распоряжение об удовлетворении.

2/V–1921 г. Предревкомом И. Крючков».

И в 1922 и 1923 году точно копия с копии, тем же размашистым уверенным почерком и о том же, волковские директивы направляются, хотя уже и по изменному адресу, т.е. псхускому сельсовету. А в 1924 году, в связи с усовершенствованием псхусского государственного аппарата, иеромонах, строго разбираясь в назначении каждого государственного органа и лица, отдает распоряжение:

«Старшему милиционеру Псху.

Прошу объявить псхусское общество, вместо общественного-денежного жалования за 1924 год принести мне по 20 фунтов муки, по 2 фунта соли, по 5 яиц и по 1 фунту масла с каждого плана. Напилить и перевезти один кубический сажень в мое помещение и пол кубического сажени для церкви. Ввиду беспорядков на псхусском сельском кладбище прошу псхусское общество огородить в этом году кладбище».

Резолюция: «Исполнено. Сделано распоряжение».

Но для многих крестьян эта податная повинность оказалась просто не по силам. Тут же прошли какие то туристы через Псху и распустили слух, что в Закавказье, и в РСФСР, и вообще

по всему великому Союзу с первых дней революции церковь отделена от государства.

Псхусский милиционер ходил, сухо бубнил о двери изб, об окна и заборы. Но из изб выглядывали одни голопузые ребятишки. Сверкнув по полу черными пятками, они прятались на печку в угол. Взрослые разбежались в горы, в лес, укрываясь по ущельям. Жизнь мокрая, собачья, но где взять соль, когда цынга поедает своих детишек. Где взять муки, если сами питаются сушеной грушей и орехом. А легко ли пилить дрова, кому то, на тощий желудок. Ночами приходили домой, тихонько укладывали детишек, а днями опять исчезали.

Поп выл:

«Иван Гаврилович!

Сообщаю Вам: пилили дрова для меня и для церкви следующие жители села, Гегудеил напиллил одну восьмую кубической сажени, схимник Федул – одну шестнадцатую, Наталия Кудрина – одну шестнадцатую. Прокопий Каладяжный – одну восьмую кубического сажень, еще осталось допилить шесть восьмых кубической сажени. Прошу Вас, вышлите допилить. Уплочено мне пять пудов кукурузы Семеном Калашниковым за поминовение Ивана Турковского. Благодарю Вас, а Ивану Турковскому царство небесное.

Плохо несут плату поселяне, подтолкните...

Остаюсь с почтением к Вам иеромонах Феодосий».

И опять ходил милиционер, с удвоенной силой бубнил об окна, двери и заборы.

Но скоро Псху пережило поистине потрясающий случай. Ранней весной 1926 года на Псху забрел видный Ленинградский оппозиционер-троцкист. Он был одет в шинель и брюки защитного цвета, а на фуражке красовалась пятиконечная звезда. Крестьяне, стонущие под поповским игом, группой прибежали к лидеру троцкизма и в один голос спрашивали:

– Что делать? Не в силах платить мы подати подобной. Да если б он один был поп, а то ведь их двенадцать, восемь молитвенных домов, восемь пономарей, восемь председателей церковных советов, не считая ста монахов, которые также сидят на нашей шее. И все это на 85 дворов жителей Псху.

Но оппозиционер-троцкист не верил в крестьянство, он махнул на все рукой, промышал что-то непонятное для псхусцев:

– Термидор, – и отправился фотографировать загадочные псхусские картины.

И тем не менее, иеромонах Волков испугался красной звезды. Он переморгнулся с предсельсовета и тут же, не задумываясь, состряпал такое заявление:

«В Псхусский сельсовет.

Сим заявляю, что доходов никаких не принимаю, а служу обществу даром, потому что принадлежу к числу монахов и по известному убеждению платы никакой не требую.

Священник села Псху иеромонах Феодосий Волков».

17-го мая 1926 года.

Оппозиционер запасся сотней причудеснейших открыток и ушел. Тогда на Псху приехал лихой бандит, казачий атаман полковник Козлов. Рассказывают, что Козлов необыкновенно веселый бандит. Ростом он невысок, но коренаст, как средний псхусский дуб. Ездит он вдвоем с дочкой родной, в силу бандитской обстановки он ее приладил за жену. Дочка – наибогороднейшего вида, сам же Козлов – перевертень-хохол. Как это могло случиться – судить не мне. Веснами и в лета бандит гуляет по зеленым жирным и золотым Северо Кавказским степям равнинным. Зимами коротает время в уютных и безопасных гнездах-кельях псхусских святых братьев и сестер.

Приехал бандит Козлов и сказал иеромонаху Феодосию:

– Брось, батя, наводить тень на божий день. Подумаешь, струхнул какой то дряни. Бросай натуральщину и переходи на червоную валюту, а мужики понесут, за это я ручаюсь головой и псхусской властью. К тому же, и у меня нужда в деньжищах.

Феодосий обмозговал преподанный совет: не плохо. Перешел на твердый денежный бюджет. Когда мы прибыли в Псху, крестьяне платили по два рубля с души в пользу отца иеромонаха по постановлению главного церковного совета Псху.

– Черт знает, что такое! Чего же глядит предсельсовета, да и ты, – прикрикнул я на избача. – Выходит, высшая власть у вас церковный совет и Феодосий.

Мы шли по главной и единственной улице села, зеленой и густо заросшей лесным молодняком. Избач Феоктистов – маленький заморышек, словно сухой заплесневелый сухарик, шморгал по травке большущими кривыми и рыжими сапогами.

– Так оно и есть. Издавна тут власть в руках монахов. Я не раз говорил председельсовета – давай поставим вопрос о деньгах на общем сходе. Может одни захотят платить, а другие нет. Дак он куды там. Не нами, говорит, заведен порядок, не нам его и отменять.

– Ну а ты то, ты...

Хотел было я на него сильнее поругаться. Но он закашлялся, скрючился и совсем спрятался в кривые сапоги. Жалко человечка стало, да и толк то какой.

Убийственно, до каррикутуры, малый рост избача, мне показался при встрече с иеромонахом Феодосием. Он тут же, по улице, подвернулся из небольшой рощицы, в которой уютно прятался центральный псхусский молитвенный дом.

Рост право-флангового дворцового гвардейца. Широкий поповский шаг. Желтые ременные морщины на лице, накладными шрамами, сконцентрировали волю властолюбца. И только серые глаза, сбесившимися мышами, шныряют неуловимо.

Прохвост.

Пожали друг другу руки.

– Вы священник центральной псхусской церкви?

– Да, я.

– Давно здесь служите?

– Лет с десятков.

Говорит чуть-чуть на «о». Приятный баритон и чувствуется в нем оценка полного достоинства собственной персоны.

– Но какая глушь! Да и заработок, вероятно, ваш не важный?!

– Но вы забываете – я монах и довольствуюсь тем, что мне пошлет всевышний.

– Ах, да! вы монах. Но вот, кстати, человек вы, как видно, достаточно просвещенный. Как вы реагируете на выступление папы римского. Ведь как никак, оно взволновало все священные умы.

– Дело наше маленькое, да и газет то я не читаю.

Но врет, он их читает и читает не меньше коммуниста.

– Но все же слышали, нас обвиняют в гонении на религию, на церковь, организуют крестовый поход против Советского Союза...

– Кое-что слышал, конечно. Они не правы.

– И только? Но вот, положим, вас притесняет власть?

– Что вы, что вы. Мы мирно живем со своими.

– Да, я тоже слышал от крестьян. И, кажется, даже дружно. Иронию понял, но скрыл. Слизнул блудливыми глазами.

– А как же. Несть власть, аще не от бога. А у нас, бог милывал, все же власть.

– Странно. Насколько мне известно, именно ваши монахи не признают советской власти.

– Всякий по-своему молится.

Улыбнулся сдержанно, ехидно и добавил:

– У вас, у коммунистов, меж собою тоже идут споры: то левые, то правые, а все от того, как кто понимает.

– Да, но эти споры между коммунистами совсем отличны от споров, примерно, между коммунистами и священнослужителями, т.е. вами.

– Решительно ничем. Все мы стремимся к одной цели, и вы, и мы – добиться для человечества общего счастья. Разнимся лишь в путях.

– Вот так фунт! Оказывается, мы с попами решаем один и тот же вопрос, только, так сказать, разными методами, разными путями. Ну и ну, вот ведь шельма!

– Слушай, он всегда у вас так либеральничает? – спрашиваю избача, когда мы отошли от попа.

– Да он это только с вами, а вообще он тихоновец и отъявленный монархист.

Да, думаю, не поп, а псхусский Макдональд.

Мы вошли в комнату сельсовета. И вдруг, опять, прямо на стене, выше стола приклеено рядом с отрепушками старого календаря:

«Николай Гаврилович!

Прошу Вас внести в список церковного совета еще одного члена Совета Петра Шульгу.

Остаюсь с почтением к Вам Феодосий Волков».

Это одна из директив уже теперешнему предсельсовета Николаю Гавриловичу Холщевникову.

Горела предзакатная заря. Багрово-кровавые облака там и сям, опершись на верхушки леса, дремали неподвижно по ущельям. Широкая, как поле, улица, заросшая бурьяном и полеском скучала от безлюдья. Мы вышли прогуляться: Бобовников, Алиханов и я.

– Ты обратил внимание на скамеечку, – сказал мне Бобовников.

У каждого двора, плетено-чигиневого забора стоят скамеечки. Два столбика, забитые в землю, на них дощечка. Точь в точь для одного.

На Украине, у каждой крестьянской хаты саманные зава-
лилки во всю стену. По казачьим станицам, над заборами, ле-
жат бревна, сади на них хоть две полных свадьбы – общинный
быт. В Ялте, на пристани, скамеечки классической работы, точь
в точь для парочки, и расставлены так, чтобы не слышен был
шопот одной влюбленной пары к другой – быт романтический.
Здесь широкий двор и у каждого двора скамеечка, как в на-
смешку, больше одного не сядет. Это быт отшельника-монаха.

– Да, даже внешность пропитана этикой братьев в черных
колпаках.

– А ведь верно, другого решения вопроса для скамейки не
найти.

Бобовников рассказал нам случай, виденный им в Псху:

– Иду я по улице, утром это дело было. Во двор к крестья-
нину заходит монашка. Собака бросилась на нее и лает. Собака
здоровенная, лохматая и худая. Монашка остановилась, вытя-
нула руки вперед, растопылив пальцы, двигая руками, нача-
ла производить над собакой какие-то магические, таинствен-
ные действия. И, что вы думаете, собака съежилась, вильнула
хвостом и пошла дальше. Это черт знает что! Ей богу, здесь по-
вальный психоз и им заражены не только люди, но и собаки.

Алиханов полез в карман, достал бумажку и дал мне.

– А вот, читай.

Я прочел.

«Постановление № 60.

Мы, граждане Псху, на общем собрании села, под председа-
тельством Дмитрия Волошина и секретаря старшего милицио-
нера Бориса Витмана, заслушав вопрос о выборах псаломщика
псхусского молитвенного дома постановили: выбрать Погуля-
ева Савву при условии освобождения его от всех общественных
работ и повинностей».

А ведь это, товарищи, уже не религия. Если хотите знать –
это борьба за голоса, это уже махровая политика.

Как то, необычайно скоро, с гор свалилась тьма и замкнула

Псху в глубокую бездонную черноту. Мы возвращались в квартиру. Кусты терна, вишни, лавровишни то и дело пересекали чуть и царапали лицо. Мы жгли спички и выискивали тропу. Между кустами, словно ночные хищники, шныряли черные, чернее псхусской ночи, длинные рясы и колпаки. Иногда они вспугнуто отскакивали в сторону и, крестясь, шептали, точно колдуны из старых детских сказок. И дико было, дико оттого, что это не сказка, а реальная псхусская быль.

Да, это страна монахов.

VII. Христос на земле, или

Литературные и наглядные пособия по богосведению и контр-революции.

Пробыв два-три дня на Псху я решительно был ко всему приготовлен. Черт знает, какую еще неожиданность могут преподнести псхусские ущелья. Мне ясно становилось, что здесь можно было ожидать самых невероятных причуд природы и людей. Но я никак не предполагал, да мне просто в голову не могло прийти, что я хожу по той же самой земле, где в этом году, даже в этом месяце, может быть вчера, позавчера, разгуливал сам Христос. Какая благодать, какое спасение душе моей безбожной! Ведь я ходил несколько дней по той же самой земле, где изволили пребывать сам сын божий. Вон облака, белые, пушистые, повисли над Бзыбью, так, не поверите ж, следы ступней в облаках видны. И свежие, от них даже пар идет.

И как я не додул ранее, а то, гляди, подоспел бы пораньше в Псху и перебросился бы парюю словцов с Христом еще тут, на земле. А это большое облегчение для пути к спасению. Ведь псхусским крестьянам положительно всем было известно, что Иисус Христос придет на землю в 1930 году. Именно в этом году он должен был спасти свою паству от антихристовой советской власти, уничтожив последнюю посредством огневой гиены (войны). Ну и чего же, война началась в 1929 году со стороны Китая. Само собою разумеется, что Христос не мог спуститься где-то там, на передовых позициях, не дурак же он какойнибудь, в самом деле, он спустился в наиболее безопасном и затем в самом святом месте – Псху. Это должен был предполагать каждый грамотный человек. И вот, люди мои добрые,

в двух аршинах от земли витал Иисус и какой-то черт спугнул его. Ох, боюсь, не наша ли это комиссия наделала делов. Судите сами, какая благодать:

«Небо было сплошь розовое и появился большой, сияющий как солнце крест, достигающий (до) вверху до неба, а внизу не-доходящий аршина два от земли. Здесь же пристроилось облако, как бы с перекрестом, которое было шириною в два аршина или полтора.

На кресте показался человек, стоящий как бы на перекрестии. Сначала крест с человеком показался далеко, так в пол версты, потом приблизился к мальчикам. Николай сделался вне себя и от удивления заговорил. Ты кто – бог или нечистый? Но господь остановил их и заговорил: нет, я чистый. Тут-то детки как бы одеревянели и не могли двинуться с места. От дивного голоса несколько осмотрелись, пришли в себя и убедились, что перед ними не просто стоит человек, а спаситель мира Иисус Христос. Спаситель стоял в дивном сиянии, нижние одежды у него были розовые, а верхняя ярко голубая и перекинута через левое плечо (словом небесный тореадор. И. П.). В левой руке он держал расткрытое, неописуемой красоты евангелие, сияющее как солнце, а правую руку поднял для благославления. Волосы раскинуты по плечам, густые и светлые, а над головой спасителя виден был треугольник и красовалась ясная семицветная радуга». (Из распространенной, от руки написанной, листовки).

Как жаль, что мы не могли застать в таком виде сего спортсмена, хотя бы зафотографировать!

Но – шутки в сторону. Христос преподнесен, если в известной мере и с шаблоном, старомодно, тем не менее достаточно искусно. Он рассчитан на определенный уровень культурности, прилажен к определенному роду сознания. Он просто, но умно сделан. Сделан людьми в достаточной степени набившими себе руку в этом деле.

Я спрашиваю избача Феоктистова:

– Но неужели крестьяне верят в эту чушь?

– Да то не верят, верят и ждут. Некоторые уже по несколько раз ожидали страшного суда, исповедывались, причащались к этому случаю, и когда ложатся спать, одевают чистое, к смерти приготовленное белье.

Рабкор рассказал мне про знакомого уже нам, Степана Гуляева.

– Иду я на хутор Агурипста. Надо быть, было это дней десять назад, ну как раз в страстную пятницу великого поста. А Степанов то дом, знаете, отдаленный. Дождь хватил. Да такой сильный, с ног сбивает. Туда, сюда. Гуляева хата впереди. Со всех ног, бултых, да в нее. Надо быть, солнце село, кругом посинело и темнеет. Открыл дверь и ахнул, ей-ей аж мороз по коже полез. Этак на всю хату, прямо на полу, семь мертвецов лежат. Да хоть бы как, а то так: белая подстилка от примоста до лавки и на ней все в белом, в рядок. С краю от примоста сам Степан в портках и в рубахе длинной, холстинной. Рядом с ним мальчик, сын его, лет одиннадцати. Потом старуха – мать Степана в сплошной белой рубахе, а там опять дети трое и на краю, около стенки, жена, тоже белая, как смерть. Думаю, уйтить, аль нет. Все молчат. Дверью я хлопнул звонко. Текет с меня и за окном дождь хлопывает во всю. Окликаю. – Степан. – Молчит. Опять, только этак порешительнее – Степан! – Поднялась старуха. Присела, волосы распущенные и как закрестится, да как запричитает:

«Господи, Иисусе Христе, спаси нас... Изыде, сатана, от нас.

– Хрестится и, как колдунья, машет на меня рукой. Я и говорю: бабушка, я свой, здешний. Дождь, говорю, меня загнал. Тоды Степан не поднялся, а так, лежа на спине, говорит:

«Иди, брат, иди. Дай перед богом предстать без соблазна, нынче ночью конец света, разве ты не знаешь об этом, брат?»

– Пошел я опять на дождь. Хоть бы ты, думаю, там больше не поднялся.

Да, таков быт, такова обстановка там, где спускался Христос. В самом деле, сбросьте того же, нарисованного выше Иисуса ни с того, ни с сего в другую какуюнибудь деревню и, чего доброго, крестьяне примут его за клоуна. Но священная братия не столь глупа, как некоторым кажется. Они для этого проделывают колоссальную подготовительную работу. За одну только эту зиму в Псху обновилось больше дюжины икон. Что это значит? Разве это не явное приближение Иисуса Христа, разве это не достаточно умелая разведка «духа святого», расчищающего путь для царя небесного, то бишь, земного царя.

С учителем Контаревым мы пошли к Колотушкину, у кото-

рого, совсем недавно, обновилась икона. И обновился опять же злосчастный спаситель.

Колотушкин в 1927 году приехал из Сибири. Приехал он на Псху по двум причинам: первая, как он говорит (и это действительно так) – у него вся семья туберкулезная. Во-вторых, Псху – святое место. Сам он старик, лет семидесяти. Длинная, седая борода, в скобку подстриженные волосы, худой, высокий, в общем, внешность старообрядца 18-го века. По всему видно, что в Сибири он был зажиточным, а может быть и кулаком. Здесь – бедняк. Безнадежно религиозный фанатик. Когда 30-го апреля, на собрании бедноты, мы с псхусскими крестьянами пели Интернационал, он закрыл шапкой и ладонью уши. На 1-ое мая он не вышел на собрание. Принял он нас просто, деловито. Объяснял происшествие с обновлением с исключительной серьезностью. Ни тени сомнения. Больше того, он как будто бы даже отнимал у нас право не только не верить, но и сомневаться. Он рассказывал нам с такой верой и уверенностью, как будто бы речь шла о том, правда ли, что у него отелилась корова и он, показывая нам, говорит: поглядите, пощупайте, теленок еще мокрый, а корова даже не сбросила места.

– Пришли поглядеть, старик, обновление.

– Пожалуйста. Вот тот, посредине, спаситель.

– Мм... да...

– А вы снимите вот сюда, на свет.

Сняли. Держим в руках.

– Вот это венчик, – рассказывает Колотушкин, – был совсем темный, а теперь, видите, позолота горит.

– Но как же, отец, произошло это, сразу или постепенно?

– Видите, нам грешным начало этого видения не далось. Зашел как то монашек, посидел, пообедал. Потом подошел к святому углу, пригляделся и указывает: «Смотрите, пятнышко на иконе, это спаситель начинает обновляться».

– Ага, так... А как же, отец, монашек-то пальцем указывал на пятнышко?

Вздрогнул седой бровью. Старик настороже и понял наш вопрос, как начало безбожного издевательства.

– Как же, а чем еще можно показывать?

– Нет, отец, мы не думаем смеяться. Мы – по серьезному. Не могло ли у вас явиться такого предположения, что монах

дотронулся пальцем и сам сделал пятнышко, примерно, перекисью водорода. Ведь этого вполне достаточно, чтобы весь венчик принял совершенно другой цвет. (Между прочим, икона не застекленная).

– Нет, этого я не могу думать, – сердито сказал Колотушкин.

Иначе обновлялись иконы у Васникова. Васников – это бандитствующий кулак типа Жилинского. Нам рассказывали, что он имел непосредственную связь с бандитом-атаманом Козловым. Был его агентом, нередко отправлялся сам на Кубань с поручениями Козлова. Постоянными соратниками Васникова были: бандит Гарбузов – теперь уже расстрелянный и войсковой старшина Апанасенко.

Зам. Пред. ЦИКа Абхазии т. Малания вызвал Васникова к себе в сельсовет. Два хитрых мужика повели меж собой разговор. Я глядел, кто кого перехитрит.

– Ну, Васников, будем друзьями, – начал Малания. – Будь хоть раз в жизни правдив. Расскажи, как у тебя обновились иконы. Только предупреждаю, не гни в сторону. Пойми, что мы тоже не так глупы, как ты иногда думаешь.

И вдруг Васников, словно действительно спрятал куда то кулацкое нутро, начал просто «добродушно» рассказывать.

– Чума его знает, как это вышло. Купили мы их у монашек две. Старенькие были, затрепанные. Висели они так себе и никто не обращал на них внимания. Молились, понятно, но разве в молении примечаешь: много же их. Потом бабы говорят: монашеские иконы обновляются. Я поглядел и усомнился. Ничего, будто, не изменилось. Так, может, чуть-чуть посвежели.

– Но, Васников, может быть, их бабы просто вытерли, вычистили.

– А чума его знает, может быть. Разве сам до всего доглядишь. Но все же, раз обновляются, пошел я председателю сельсовета заявил.

– Какому?

– Да теперешнему, Холщевникову Николаю. Пришли председатель и учитель Контарев, баб столпилось уже куча. Пришли, сняли шапки, перекрестились. Взяли в руки, подержали.

– Да, – говорит председатель, – обновляются.

– Верно, – говорит учитель, – думал шутка, а оно в самом деле обновляются.

А по пути, когда шли, председатель говорит:
«Если верно, у тебя иконы обновились, то я совсем поверю в бога».

– Я и говорю ему – ну, теперь веришь?

«Верю», – говорит.

– Ну, поглядели, пошли. А тут, как телеграфом, пошло: «Сам учитель и председатель признали, что обновились»! На утро повалили с села, с хуторов, да так целую неделю, а то и больше. Так и я поверил: может, думаю, в самом деле обновилась.

– Ну вот тут, Васников, ты уже кривишь душою. Так ты и поверил?

– Ей богу поверил.

– А скажи, друг, с бандитами ты знаком?

Вопрос был столь неожиданным, что Васников побледнел и даже побелел.

– Говори правду, я все знаю, – сказал Малания и, словно тут же, отдалился от него на неизмеримое расстояние.

Что произошло в голове Васникова – не знаю. Но несомненно что-то ломкое, решительное. Он передохнул, лицо вернуло розовую краску и он отдельно, смело, совсем другим тоном, сказал:

– Да, я был знаком с Корнеем Гарбузовым и Львом Апанасенко и даже в дружбе.

– Вот это хорошо – пристукнул ногою Малания – теперь еще скажи, кто сейчас на Псху является главным агитатором против Советской власти?

– Агитаторами против Советской власти на хуторах и в Псху являются монахини и монахи.

– Хорошо. А ты к этому как относишься?

– Што ж я! Я согласен со всеми теми, кто считает себя противниками Советской власти. И всячески помогаю им.

– Но расскажи, в чем выражается твоя помощь и как вы ведете работу.

Кулак вздернул бровью, горько улыбнулся и закончил:

– Больше я ничего не скажу.

И, действительно, сколько мы его не спрашивали, он упорно молчал. Не знаю, может быть, он потом рассказал значительно больше, будучи уже в городе, но это выходит за пределы моего очерка.

Но куда ярче, красочнее, многоцветнее обновляются иконы там, где живут монахи: в кельях и молитвенных домах. Это понятно. Там применяется высшая монашеская техника и абсолютная тайна этой шарлатанской работы. Как же, от этого зависит хлеб, деньги и спасение авторитета над своею паствою. Мне передал рабкор целую тетрадь с рецептами, которую он каким то образом стащил у монаха Афонаина, жившего на отрубе, недавно переселившегося в Псху крестьянина-сектанта Юшки. В этой тетради собрана масса всевозможных рецептов по очистке и по обновлению икон. Вот они:

– Под золотой? Пожалуйста.

«Три части золотистой охры, одну часть цинковых белил, одну часть мардону, одну часть вороного масла. Хорошенько тереть на плите курантом и лучше, когда будет больше мардону, чем масла».

– Под серебро? Есть:

«Белила и голландской сажи так, чтобы цвет подошел серебряный, хорошенько растереть. Спиртовые кисти мочить в спирте 95 процентов».

«Если золотить по дереву, которое было золочено и находилось в грязном виде, то надо грязь вымыть осторожно щетинной кистью с водой и с мылом, можно немного (например, очень старые иконы). Когда высохнет, раза два покрыть лаком желтым с кроном, особенно грязные места, дать желтый цвет и затем покрыть раза два или три одним лаком. Когда высохнет, заготовить мардон. Щетинною кистью хорошенько смазывать. Если для настоящего золота, то надо хорошенько вытереть ватой, а если для потами, то кистью и с большим отливом золотить, когда будет под большим стеклом, чтобы палец не маслился». (Из записной книжки монаха).

Чувствуете с каким искусством: мазать мажь, но чтобы палец не маслился!

Но не одним только обновлением монахи готовят пришествие царя небесного и земного. Их методы слишком широки и разнообразны. Сплошь и рядом, почти в каждом крестьянском доме вы можете в обилии найти агитационную монашескую литературу. Для более легкого восприятия эта литература облечена в поэтическую форму. Вот несколько строчек из рукописных и отпечатанных на машинке, взятые почти без выбора:

«Близ юродивые стояли, стали плакать и рыдать,
В персти били, вопияли, что лишились райских благ.
Пришли вражие наветы и погнали все меня.
Мои ближние, родные, возненавидели меня.
Ненавистный злой гонитель не дает покоя жить.
Он заставил меня плакать и всю жизнь свою тужить».

Или вот:

«Детей невинных они убивают.
И кровь святую их проливают.
Христос, владыка, в твой день рожденья
Подай нам темным дар просвещения.
Для мира свет ты, людей отрада.
Спаси нас грешных от власти ада.
Избавь от злобы, спаси в несчастьи,
Любви исполни сердца в нас спасе.
Дай рай твой всем нам и родине нашей».

И, наконец, уж: «наемником лучше быть в доме отца, чем сыном развратного мира».

Нужен ли перевод? Ясно, лучше быть рабом у капиталиста, царя, палача, чем равноправным гражданином СССР.

Нет нужды, конечно, говорить о той колоссальной устной индивидуальной обработке, которую вели монахи. За два года, одних только псхусских женщин восемнадцать человек официально постриглись в монашки. Монашествующими остаются и до сих пор. Сплошь и рядом, молодые парни и девушки уходили в монахи, через год, полтора возвращались, но оставались религиозными фанатиками. Жена учителя Контарева бегала двенадцатилетней девочкой в монашки (сейчас ей семнадцать) и прожила несколько месяцев с монашкой в келье, после чего родные ее отвели обратно.

Таковы дела господни.

И вместо веселящих песен, псхусская молодежь в восьми молитвенных домах распевает:

«Радуйся ты в дни скорбей нам отрада любимая.
Радуйся ты в годы бед нам стена ненарушимая.
Радуйся к богу ты мир привлекаеши.
Радуйся стадо Христу собиравши» (*Икос 5*).
«Единодушно под кровом креста да пребудем,
Его же держаще, якоже же воин оружие брани,

Сем победим врагов веры нашествия» (Кондак 5).

Посмотрим! А впрочем, и смотреть нечего. Христос, испугавшись, удрал опять на небо. А «антихристы» уже сошли на псхусскую землю. Один из них, пишущий эти строки. И мы Иисуса победили. Об этом я расскажу в дальнейших очерках. А сейчас, читатель, разреши подробнее познакомить тебе с псхусскими монахами.

VIII. Божьи хищники.

«Проповедуя мир во Христе, они как хищные звери жаждали человеческой рабоче-крестьянской крови. Каждодневно, на каждом шагу они пророчили гибель Советской власти. Они молились, предсказывали и ждали кровавой расправы с рабочими и крестьянами, установившими советскую власть».

(Из письма псхусских крестьян).

Их много. Среди них есть идиоты, есть божьи скотинки к есть живые, умные и хитрые хищники.

Когда я встретил иеромонаха Григория Мамченко, подумал: хищник, скорпион! Он маленький, худой, сухой и горбатый.

Но он не производит впечатления жалкого. О, нет. Его тонкие, чуть посиневшие губы молча то и дело подергиваются, как незасыпающая ядовитая змея. Пропорциональные лицу маленькие, но острые карие глаза то и дело вспыхивали яростным злым огоньком. Он и не держится божьим ягненком. Он, как видно, хорошо знает себе цену – разбойник с крестом.

Мы позвали его в сельсовет. Он, по-кошачьи, тихо вошел. В черном, длинном, скрывающем ноги балахоне, снял такой же черный высокий колпак и стал у двери, молча.

– Как ваша фамилия? – спросил товарищ Малания.

Ответил просто, с достоинством:

– Григорий Мамченко.

Это его имя и фамилия мирские. У него есть еще и монашеские, но об этом он счел лишним нам сообщить.

– Сколько лет вы в Псху?

– Пять.

– А сколько лет вообще монашествуете?

- С 1921 г.
- У вас своя келья или у крестьян живете?
- Своя.
- А где раньше монашествовали?
- В Новом Афоне.

Отвечает четко, ясно, без промедления, но ни слова лишнего. Я прислушался к дикции. Мягкий отточенный московский говор. Словно недавно и хорошо окончил школу Сережникова.

- Ваше социальное происхождение?
- Что вы сказали?

Хитрит. Но хитрит так, что трудно заподозрить и совсем невозможно уличить.

- Но кто вы были до пострижения в монахи?
- Человек.

Синие губы подернулись и чуть заметно свернулись в такую ироническую улыбку.

- Вы прекрасно знаете, о чем вас спрашивают.
- Мой отец имел кожевенный завод.
- Где?
- В Тамбовской губернии.
- Большой завод?
- Был маленький и был большой.
- У вас есть документ?
- Нет. То есть, да, но он для вас не годится.
- Что это значит? А ну, давайте.

Иеромонах достал из кармана паспорт, самый настоящий московский. Он с орлом и еще шуршит. В паспорте полностью подтверждается сказанное им – его социальное происхождение и положение до поступления в монахи.

- Что вас заставило пойти в монахи?
- Считаю об этом лишним говорить, для вас это будет совершенно непонятно.

Вот, думаю, иеромонах, черт, демон, а не монах.

В сельсовете, густо засиженный мухами, сиротливо скучает единственный портрет Ленина. Между прочим, он единственный во всем Псху. Я спросил монаха.

- Мамченко, вы знаете этого человека на портрете?

Против окна комнаты сельсовета плавало жирное псхуское солнце. Оно снопом ярких многоцветных, играющих лу-

чей отсекала монаха от портрета Ленина. Иеромонах, сделав козырек ладонью, внимательно посмотрел на портрет и также просто, просто и язвительно ответил:

– Это не человек.

– Ого! А кто же?

– Это Ленин, предшественник антихриста.

– И ты в это веришь?

– Иначе я бы этого не говорил.

– Мамченко, скажи по правде, ведь ты людей дурачишь.

– Не считаю нужным на это отвечать.

– В таком случае скажи: как ты относишься к Советской власти?

– Как к власти антихристовой.

– Какая же власть, по-вашему, не антихристова?

– Та власть, где есть помазанник божий.

Меня он бесит. В самом деле, он достаточно интеллигентен для того, чтобы верить в ту чушь, которую он нам порет. Ясно, что перед нами махровый черносотенец, и он старается сохранить всю подлинность, в которой он предстоит перед крестьянами и низшей монашеской братией.

– Мамченко, неужели ты веришь, что Николай II с его Гришкой Распутиным, со всероссийской проституткой Вырубовой, с его чудовищной сворой душителers, палачей, разбойников – был помазанником божьим?

– Об этом я ничего не знаю. А монарх Николай II и другие, предшествовавшие ему, были настоящими помазанниками всевышнего.

– Значит, ты за возвращение царской власти?

– Само собою разумеется.

– Выходит, ты за гражданскую войну, за кровь? не так ли?

– Христос собственной кровью расплатился за веру истинную.

Точка. Перед нами стоял открытый и откровенный классовый враг. Ему больше нечего терять, кроме своих заводов, которые все равно уже потеряны. А отравлять ядом религиозного дурмана, делать из здоровых людей заживо разлагающиеся трупы – Степанов Гуляевых, грезить гражданской войной и возвращением режима царских палачей, он еще может. Он маленький, горбатый, но он истинный последователь сво-

их недавних «предков» – Романовых, Колчаков, Деникиных, Врангелей и т.п. Они также, как и он, прятались за бога и веру, обделывая свои чудовищно-кровавые дела.

Сначала я удивился столь оглушительной откровенности. Но потом, сколько не встречал более или менее видных монахов, они все положительно на один лад крайне махровые и откровенные. Феодосий в этом отношении прямо таки редкое исключение.

Дело в том, что псхусские монахи особые от прочих, в большинстве своем, так называемые «имяславцы». Я в первый раз встретил подобную секту и мне рассказали о ней следующее:

Возникла эта секта в Греции, в Старом Афоне. Как известно, в Старом Афоне, в свое время, было несколько десятков тысяч рядового и санитованного монашества. Монашество это, особенно рядовое, особенно послушники, бешено эксплуатировались стоящей во главе монастыря небольшой кучкой иерархов. На этой почве, среди монахов и послушников, возникли группы «обиженных». К обиженным рядовым примкнул ряд сановного монашества, которое было недовольно установленным режимом иерархов. Установленная иерархиями лестница прохождения к высшим чинам была слишком трудна, а для многих монахов-интеллигентов средним и с высшим образованием была просто недоступна. Монахи без денег, без влиятельной дворянской фамилии, как бы они хорошо не знали богословие, все равно не рукополагались в высшие саны-иеромонахов, игуменов, архимандритов и т.д. Таким образом, в монастыре сколотилась крепкая оппозиция существовавшим тогда тамошним порядкам. Во главе оппозиции стояли «братья» Григорович и Антоний Бультович. Оппозиция выставила требования пересмотра догматов единой апостольской соборной церкви и введения в догматы новых учений. Группа обиженных не решилась прямо выставить требования реформы, укреплении или смены старой ненавистной иерархии, а выставила заново «открытое» в богословии учение. По их учению выходит, что построение божества в трех лицах, как это понимается иерархией, неправильно. Бог, по их мнению, в четырех лицах: бог-отец, бог-сын, бог-дух святой и бог-имя Иисуса. Это белиберда, галиматья, но разве все то богословие не является галиматией, непревосходимой чушью. Куда уж большая гали-

матья высчитывать, сколько ангелов усядется на острие булавы. А однако были люди, то бишь попы, и высчитывали.

На основе этого учения, оппозиция или имяславцы, потребовали своей самостоятельной церкви и своей иерархии, отвергая старую церковь и не признавая стоящей во главе последней иерархии. В 1913 году, в Старом Афоне, по этой же самой причине возник монашеский мятеж. Местные священники заправились не могли с ним справиться и на помощь им был послан из Москвы какой то видный влиятельный епископ. Епископ успокоил «бунт» тем, что свыше ста зачинщиков отлучил от церкви и изгнал их из Старо-Афонского монастыря в Россию. Доехав до Одессы, имяславцы разбрелись по всей старой, бывшей царской России. Основное же ядро остановилось в горах Кавказа. Главные их районы – Туапсе, Красная Поляна, Сочи и, особенно, ущелье Псху. Имяславцы, не отступая от своей, вновь созданной, «теории» богостроительства, продолжали вести борьбу со старой церковью, создавая свои пещерные церкви и организуя вокруг себя пустынное монашество. Чтобы привлечь монашескую массу на свою сторону, имяславцы начали раздавать чины направо и налево, без задержки, производя кого попало в иеромонахи, в игумены и архимандриты. Так в свое время делали Деникин и Врангель и даже Керенский – прапорщиков, полковников и генералов. Пекли, словно яблоки, на горячей сковородке и жарком огне.

Засидевшееся в маленьких чинах монашество охотно примыкало к имяславцам, лишь бы достигнуть, каким бы то ни было путем, сана священной особы. Псхусские имяславцы стали особенно популярными в дни революции и по-революционное время, когда монахам вообще стало трудненько жить среди рабочих и крестьян, свергнувших трон «помазанника божия». Наловчившись в борьбе со старыми церковниками, приспособившись к горным условиям, имяславцы весь свой опыт борьбы направили против Советской власти, привлекая к себе наиболее «обиженных», только теперь уже не Старо-Афонской иерархией, а революцией и советами. Как и раньше, они производят монахов в иеромонахи, епископы и архимандриты, не вдаваясь в подробности, насколько данная особа знакома с богословием, даруя этот чин особо заядлым контр-революционерам.

Мне рабкор сказал:

– Хотите, я вам покажу самого настоящего, надо быть, губернатора, есть такой тут у нас.

– Откуда ты все знаешь?

– О, я в Псху, как у себя на печке.

– Пойдем.

И вот, мы опять, то царапаемся вверх, то бешеным галопом скачем вниз по тропам. Баул я узнал. Он шумно гудит на все ущелье. Перешли скрипучий висячий мост. Высокий и коварный, так все время и грозит спустить в речку. Прошли по берегу Баула, немного, с пол версты на запад.

– А это келья.

– Келья?

Я удивился. Мне чего-то казалось, что келья должна быть небольшой пещеркой наподобие землянки, которые себе роют кубанские пастухи и чабаны. Или, она должна быть тщедушенькая, из хвороста сделанная, халабудочка. Ведь, в кельях живут отшельники, т.е. те люди, которые, как говорят, ушли «от мира сего», следовательно и жить они должны не по-людски. Однако, именуемая келья была настоящей крестьянской избой. Точь в точь. Деревянный сруб, поклинцованный и помазанный глиной. Хорошая тесовая крыша. Пятистенка. Четыре окна. Перед дверью, под стену, маленький погребок для картошки и других овощей на зиму. Вокруг кельи огород на пол десятины. Здесь видны следы прошлогодних кустов картошки и еще недостаточно истлевшие кусты помидор. Торчат корни кукурузы. Келья пуста. Мы вошли в нее. Внутри русская крестьянская печка. Верно, единственно, что отличает келью от крестьянской избы – это печь. Она по форме та же, но маленькая, на нее нельзя загнать в зимнюю пору гурт ребятишек, нельзя и самому хозяину, развалившись, свободно похрапеть.

– Чего же она пуста?

– Тут была одна интересная, надо быть, история.

В подтверждение своих слов, рабкор внимательно осмотрел стены, печь, потолок, словно выискивая следы этой «интересной, надо быть» истории.

– А именно?

– Сейчас расскажу. Пойдем. Жила тут монашка – сестра Феокиста такая. Она эту избу и сделала. Надо быть, не она

сама, а монах-плотник из Нового Афона. Он оттуда удрал и инструментов там плотницких ворох выкрал из мастерской. Ну, все равно, делал-то он за ее деньги, а лес наш сельсовет всем бесплатно отпускает. Жила она так себе год-два. Сама, понимаете, молодая, ничего так себе, чернявая. Потом приезжает к ней дочка, тоже монашка. Ну, такой бабец, прямо не похож на всю эту пакость, монашек. В этот же год к ним пришел откуда-то монах – деверь Феоктисты. Ну, так жили они втроем зиму, лето и осень. И вот, уже в эту зиму, надо быть, в декабре или в январе это было, идут наши мужики с Псху на Ригзду. Крик в келье. Да такой крик, ажник благим матом. Кинулись мужики туда, в дверь. Открыто. В келью. А она, эта бабенка, дочь Феоктисты, на полу лежит, извивается, а монах ее шматует кулаками, пинками. Ну словом дал, ей полную и обыкновенную лупцовку. Матери дома не было. Мужики отбили. С тех пор всем им прохода нет. Как появятся на хутор, аль в село, смеются все и только. И вот, надо быть, стыдно им стало. Пришла мать Феоктиста к председателю сельсовета и начала просить его, чтобы он монаха, деверя ее, выселил из кельи. «Больше года, – говорит, – пристаёт, проходимец, то к дочери к моей, то ко мне. Жизни, – говорит, – нет от него. Проявите, говорит, вашу власть, выселите». Недавно, надо быть, это было. Две-три недели назад. Наш председатель без слов навстречу. Выселил его из Псху. А через неделю и мамка с дочкой ссыпались. Теперь, говорят, они опять втроем живут где то около Туапсе. Я так думаю, никакие они, надо быть мамка, дочка и деверь, а просто живут как супруги, только втроем.

– Так это, что же, из-за семейных сцен они лишились двора?

– Выходит так.

Подобную историю мне рассказывал и учитель Контарев в первый день по приезде в Псху. Только у Контарева это вышло без боя. Та ли самая эта история или другая – не зная. Я думал: черт знает каких только уродов здесь нет, и что заставляет этих людей безобразничать, прикрываясь черной рясой монаха....

– Ну, угадайте в какую сторону Главный хребет? – неожиданно оторвал меня мой спутник от раздумья, только что навязанного его же рассказом.

Мы были в дебрях леса. Весь мир одинаков. И весь мир, кажется, состоит из мачтовых гигантов и куска неба, да нас, случайно попавших на эту чужую планету.

– Нет, не могу ориентироваться.

– Эх, вы! А ну, поглядите на мох!

– Ах, да, мох! Верно. Это самый верный компас в лесу. Мох растет на север. Знаю. Главный хребет тоже на север.

– И еще – пень в лесу. Спиленное дерево, – просвещает меня мой друг, – у пня всегда широкий пласт на юг. Только, надо быть, здесь пней нет. Вот сюда, еще немножко, и конец.

Ого, он называет это немножко. Версты полторы почти под прямым углом вверх.

– Слушайте, а другого пути нет к этому «надо быть» губернатору?

– Нет, нету.

– И он, всегда так, по кошачьи сюда дерется?

– Отчего же, они привычные.

Ладно. Мне, собственно, тоже уже не привыкать. Деремся на четвереньках. Ползем на брюхе. Воздух горный, расходишь легкие сколько вам угодно, никакого тебе расстройства. Вспоминаю Доу. Нет, здесь хлеще.

Выбрались на чудесную долинку. Келья. Она ничем не отличается от той, которую мы встретили по пути. Монах, по всей вероятности, слышал наш разговор, встретил нас у двери, не впуская в свое таинственное жилище.

– Здравствуйте.

– Мир вам, путешественники.

Он также в черном балахоне. Роскошный смольный волос, под мягким дуновением ветерка, пушисто стелется по плечам. Сам он высок, худ и строен. Ему лет 33–35. Губернатором он, конечно, не мог быть. В противоположность Мамченко, у него большие черные глаза, блестят лихорадочным туберкулезным блеском. Мы с другом сели просто на землю. Монах опустился на корточки. По всему видно, иносказательно с ним не поговоришь. Решил говорить напрямик.

Я от газеты. Интересуюсь жизнью монахов и крестьян. Из-за этого и к вам забрался. Может быть, расскажете что-либо хорошенькое нам.

– Думаю, что не смогу быть вам полезным.

– Вот как? Мне будет вполне достаточно, если вы хоть вкратце расскажете о себе.

«Дружески», участливо улыбнулся.

– К сожалению, не могу. Ведь все, что я сообщу вам, вы используете против меня и против нашей братии.

– А может быть, сумеете сообщить мне такое, что не слухит в ваших интересах.

– Вы шутите.

– Вы имяславец?

– Это не имеет значения. Я просто христианин.

– Вы напрасно скрываете. Я слышал, что ваша секта, т.е. имяславцы, очень демократические христиане, чуть ли не революционеры. Не так ли?

– Вы издеваетесь!

– Помилуйте. Ничуть.

– Тогда как прикажете вас понять?

– Понимайте так, как я говорю. Уже здесь, на Псху, я познакомился с историей возникновения вашей секты и, право, у вас, все данные есть считать себя наидемократичнейшими христианами.

– Мы, просто, наиболее последовательные проповедники учения Христа.

Удивительно тайный монах. Горы, лес и первобытное дикарское существование еще не сдернули с него светскую шелуху. Даже при всем его желании скрыть, она сквозит в говоре, в манере обращения и даже в той звериной настороженности, с каким он держится с нами..

– Вот, пожалуйста, если можете, расскажите, в чем именно, в отличие от других религий, выражается ваша наибольшая последовательность как христиан?

– Для вас это будет непонятно.

Опять это обычное «непонятно».

– Постараюсь понять.

– Короче говоря, считаю лишним вам объяснять.

– В таком случае, может быть, вы ответите на несколько конкретных вопросов. Мне крестьяне говорили о сущности вашей религии. В результате остался ряд незначительных недоумений. Заповедовал ли вам Христос агитировать крестьян не принимать советских денежных знаков? Считал ли Христос

комитет крестьянской взаимопомощи антихристовой организацией? Какое отношение имеет простая кооперативная лавка к учению Христа и почему вы, на протяжении десятка лет, ведете бешеную борьбу против организации этой лавки на Псху? Почему вы и крестьяне, находящиеся под вашим влиянием, бойкотируете не только советские организации, но и простую советскую бумажку, в роде того, что считаете смертным грехом положить подпись на эту самую совбумажку? И, наконец, последнее, не считаете ли вы, что если «ваш Христос» учил вас этому, а вы учите крестьян, то не являетесь ли вы крайними и отъявленными контрреволюционерами?

– Этого требует от нас религия.

– Чего? Контрреволюции?

– Я христианин и по своим убеждениям не могу поддерживать власти антихриста. Вы это понимаете не хуже меня.

– В таком случае, вы, также как и ваши братья, за царя?

– Да, я считаю для себя монаршую власть наиболее выгодной, потому что она обеспечивает...

– Офицерские погоны и участки земли. Не так ли?

– Мне незачем больше с вами говорить!

Какая-то нелегкая дернула меня. Не умею я с монахами говорить. Он сорвался и, почти бегом, ушел в келью.

– Нет, дружок, это не губернатор, – сказал я своему другу.

– Но, несомненно, птица того же полета.

Вернувшись в село, я рассказал об этом монахе Зам. Пред. ЦИКа тов. Малания. Сообщил свои мало обоснованные подозрения и то, что крестьяне крестили его в губернатора. Малания послал людей привести монаха в сельсовет.

В сельсовете перед нами стоял уже не просто монах, а в монашеской рясе и в черном замасленном блестящем колпаке потомственный почетный дворянин, штаб-ротмистр господин Гривницкий. Он не губернатор, он самый настоящий законный зять Витебского генерал-губернатора. В монахах он с 1924 года. В монахах ли? Вот он, перед нами, настоящий классовый враг. Оп также, как и Мамченко, стоит злой, бешеный перекошенный. Мне кажется, что когда то, где-то, в Сивашских ли окопах, или в глубоких северо-кавказских степях, а может быть с бандитами на Кубани в 22–23 году, но где-то мы с ним стрелялись. Он сбросил галифе, маузер, погоны и прикрылся крестом

и монашеским колпаком. Бедный штаб-ротмистр! Он не успел отправить письма своей жене или любовнице, которое выдает его с головой.

«Дорогая Муся!

Что то давно не получал от тебя письма. Твое продолжительное молчание меня всегда беспокоит.

Здорова ли ты? Все ли у тебя благополучно? Я был бы очень тебе благодарен, если бы ты отвечала мне каждый раз, хотя коротенькой записочкой на мои, полученные тобою, письма. Я бы знал тогда, что письмо мое получено. Я уже писал тебе, что после краткого пребывания в городе я опять вернулся в горы и вновь принялся за работу (подчеркнуто ротмистром. И. П.) Последнее время меня неудержимо тянет гулять. Погода стоит у нас чудная. Здесь много прекрасных цветов. Какие чудные цветы растут в горных долинах! Я пользуюсь каждой свободной минутой, чтобы отправиться побродить по горам. На вершинах, даже не на очень высоких, лежит снег – белый, пушистый и от него веет приятным холодком. А там, где недавно снег сполз, мягко шуршит под солнцем блестящая желтая листва, скользкая и на ней неудержимо катишься под гору.

Милый Мусик! Но как приятно идти большими шагами в поисках синей улетевшей птицы, потерявшей в огненных цветах голубые перышки. И нет, нет силы остановить меня.

Недавно послал Жужу второе письмо, но ответа еще не получил.

Итак, славная, милая Муся, буду надеяться, что ты здорова, что ты моя и только случайность помешала тебе мне ответить. Горячо и крепко целую румяный твой ротик. С нетерпением жду от тебя весточки.

Всем сердцем любящий одну единственную только тебя твой...»

Слушайте! Слушайте! Это письмо «отшельника-монаха».

Да, он поэт. Он хорошо знает «Синюю птицу» Метерлинка. Но не этой птицей счастья бредит ротмистр. Двухглавого орла в эполетах с голубой лентой через плечо он искусно загримировал в невинную сказку – птичку. А море крови и беглый огонь батарей дней гражданской войны в игрушечные огненные цветы.

Господин штаб-ротмистр! Именно тогда и там ваши «птич-

ки» теряли голубые и золотые «перышки». Последние выводы ваших «пернатых» тонут идохнут в захудалых парижских кабаках. Да к тому же, счастье давно, очень давно, все до капельки не у синей птицы, а у красного рабочего и мужика в крепких мозолистых руках.

Волков, Мамченко, Гривницкий – это актив. Командный состав псхусской монашеской массы. Где то в скалах Главного Кавказского хребта молится отец Гавриил – основатель секты имяславцев на Псху. Я не имел счастья узреть сию священную особу. Актива еще много, всего его не сыщешь, а найдешь – не добьешься правды. Но вот рядовые стрельцы черной рати. Откуда и кого среди них нет. Кулак из Кубани, батрачка из Майкопа, помешанный спекулянт из Одессы, шестидесятилетняя старуха – мать двух расстрелянных белогвардейцев из Киевщины, конторщик из Ростова, псаломщик из Ставрополя, крестьянская нищета отовсюду. На редкость разнообразный люмпен. Но все они одеты в одинаковые черные мундиры, длинные и широкие, новые и призаплатанные, рваные, в косынках и в колпаках. И все на один лад вещают:

– Конец свету божию пришел!

– Антихрист, антихрист между нами, дальше от губителя рода человеческого!

– Свят, свят, свят, Иисус с нами и над нами. Дай, господи, меч твой огненный для покорения врага твоего, снишедшего в образе коммуниста и комсомольца и вселившегося в маловерного рабочего и мужика.

Вся эта монашествующая масса, цифра которой колеблется от двухсот до трехсот, в большинстве своем не является постоянно обитающей на Псху. Постоянно пребывающие здесь только командиры и несколько проверенных и подготовленных кадровых пропагандистов. Псху – штаб монахов имяславцев. Рядовое монашество – оперативный состав и как таковое, оно находится в постоянном движении.

Само собою разумеется, держать две-три сотни монахов, а временами удачного наплыва и больше – для 85 дворов псхусцев ни с какой стороны не целесообразно и не оправдываемо. Имяславцы, это прежде всего махрово-черносотенная и активно действующая секта, борющаяся с советами не на жизнь, а на смерть. В сущности, она меньше всего религиозная секта,

скорее это политическая контр-революционная организация.

Главный район действия псхусских имяславцев – Северный Кавказ. Механика и сущность работы этой черной братии заслуживает полного внимания всех тех, кому родна и дорога власть Советов. Делается это так. Агенты штаба – монахи и крестьяне, находящиеся под влиянием имяславцев, распространяют за хребтами весть о том, что, якобы, Псху – святое место. В монашеском высокопарном стиле получается так:

«Там, далеко, далеко, за синью неба, за высокими скалами, за глубокими белыми снегами, в несметных могучих лесах, где дикие лютые звери смирнее домашней кошки, где ползучие гады и птицы – друзья человека божьего, там слепые прозревают, кривые выправляются и живут там только избранные богом, не сеявши, не пахавши, питаются райскими плодами и принимают они к себе всех убогих и обиженных антихристовым отродьем. Место это святое и называется оно Псху. Не проскочить туда железною машиною, не проехать на лошади, а только пешим трудом божьим и кто побудет там – забудет все горе, отойдет от него печаль и будет одна благодать божия».

Вести эти разносятся десятками и сотнями шавкающих черных тараканов, ползающих по станицам Северного Кавказа, и даже пробирающихся в села Украины. Распространяется эта «слава» и в другом роде: письмами отсюда, со Псху. Вот образец подобного письма, написанного крестьянином Юшкой, недавно прибывшим на жительство в эту злосчастную долину. Начинается оно так:

«Пустыня, пустыня, отрада для бедных и усталых душой. Ты небо земное, преддверие рая, ты чудо земной красоты. Невзгоды житейские душу туманят, ей тяжело и душно порой. Твоя тишина к себе манит, ей легче, отрадней с тобой. В тебе успокоится странник унылый, под сенью твоей отдохнет. И, подкрепив свои слабые силы, путем своим дальше пойдет. Дорогие мои киевляне! Я б Вам описал здешнюю жизнь, но не могу этой красоты описать, здесь денег не надо и богатства не надо, здесь хлеба нет и нужды нет. Здесь одна радость. А какие чудные места – горы, скалы. Мы живем, имеем свою хату, свой огород, две десятины лесу своего, три десятины посева кукурузы, одну мельницу водяную.

Новостей нет. У нас прошел ККОВ от антихристовой жи-

довской коммуны (за месяц до нашего приезда в Псху был организован крестком, это почти единственная советская организация на все село. И. П.) Моя баба Ольга рада, что попала в пустыню. Дорогие братцы и сестры! Я не знаю, от радости, чего вам пожелать от господа бога. Пожелаю вам такой жизни, какой мы сейчас пользуемся. Мы желали получить какую-нибудь, а нам господь послал царство небесное. Живем здесь как у раю, усим довольные. Приходят странники к нам со всех краев, живут, не наживутся, глядят – не наглядятся, так хороша наша пустыня. Дорогие наши благодетели, передайте от нас низкий поклон усим знакомым незнакомым.

Пустыня, пустыня, пустыня моя.

Конец».

Между более умной публикой: кулаками и контрреволюционными попами – эта высокопарность ни к чему. Между ними проще и прямо в реалистическом стиле говорится: в горах есть долина Псху, где нет советской власти, кому угодно отвести душу и поработать на батюшку монарха, пожалуйста, там будут рады. В этом отношении также характерно письмо игумена Иль из монастыря с Удельной, Ставропольского округа:

«Ах, дорогие мои, у нас теперь такая скорбь: безбожники вырабатывают план, как на пасху бороться против религии и в святую пасхальную ночь будут разные шествия, игры, танцы, музыка, радио, громкоговорители, чтобы заглушить, как они говорят, колокольный звон... Еще у нас новость. Всех священников выселяют из Жактов и меня тоже приказано выселить и дали срок до первого октября. Не знаю, как будет с нашими сестрами, потому что наш корпус, т.е. монастырский, тоже уже в этом жакте, но только неизвестно, как на них смотрят, а нас называют нетрудовой элемент, т.е. священников и торговцев. Вот, дорогие мои, что будет, а вы счастливые, этого не будете видеть и будете наслаждаться святым спокойствием. Мои дорогие, я уже вам писал, нельзя ли мне где-нибудь пристроиться, я уж изнемог от скорби. Простите за беспокойство, если бы там можно, где-нибудь, на Псху с другими пустынноиками»...

Иначе говоря, игумен Илья просится в резерв к Волкову, Мамченко, Гривницкому и другим. Нужно полагать, что они ему не отказали.

Агитация за Псху, как за святое место, есть способ привле-

чения в долину нужного человеческого материала. И в результате, обычно осенью, справившись со своими крестьянскими делами, элементы «обиженных» – кулачье, раскулаченные как класс, крестьянская нищета, к которой не прикоснулась наша плохо работающая изба-читальня и плохо работающая ком-ячейка на селе, с Кубани, с Дона, с Терека, совершают паломничество в «сии чудные места».

Здесь их рано застает зима. На пять-шесть месяцев перевалы бронируются суровой неприступью снеговых сугробов. До весны обратно ходу нет. Это и есть период учебно-воспитательной работы с паломниками. Восемь молитвенных домов, укрытые от всякого надзора советской общественности и власти в глубокие горные ущелья, начинают вести свою гигантскую, черную, ума лишаящую, работу. Скиты и кельи принимают странников для индивидуальной обработки. К весне часть паломников постригается в монахи, часть остается человеками, живущими в «мире сем», но сугубо религиозными фанатиками. Те и другие, являясь идеологически вполне подготовленными к контрреволюционной деятельности, отправляются обратно на родину. Теперь они знают, что им делать: курс имяславской подготовки и переподготовки ими пройден в совершенстве.

Все коммунисты – антихристово отродье. Власть в России (в СССР) также антихристова. Господь допустил ее на землю ненадолго, но допустил он ее и терпит за тяжкие прегрешения православных. Всякий, думающий о спасении души своей, должен не только отойти от власти, но и помогать другим бороться с нею, как с вражьей силой. Бороться можно не только мечом и огнем, на это должна быть ниспослана особая господняя воля, но бороться можно молитвою и словом. Внедрить маловерам дух истинной веры христовой, веры имяславской и, особенно, главные ее элементы: не принимать советских денежных знаков – знак антихриста, хотя бы это пошло и в разорение хозяйства крестьянина. Взять вклады из кооперации, уничтожив их, выйти самому из ее членов и отговорить ближнего своего, ибо кто состоит членом этой дьявольской организации, на челе того незаметно, но уже кроется антихристова печать. Разложить работу сельсовета, комитетов взаимопомощи, батрачковых, изб-читален. Оклеветать ком-ячейку и ком-

сомольские ячейки на селе, срывать и не допускать собрания бедноты, ибо все эти организации есть приводные ремни антихриста, посредством которых он притягивает крестьян для наклейки своей адской печати.

Это общая постоянная агитустановка каждого и каждой, прошедших школу имяславцев. Но кроме общей установки, есть частные, текущие моменты, имеющие порой не только не меньшее, а большее значение для «скорейшей» гибели «врагов веры нашествия». Такими моментами последние два года были – хлебозаготовки, китайско-русский конфликт и коллективизация. Отсюда, из Псху, неслись монашеские форпосты на помощь северо-кавказскому кулаку для срыва хлебозаготовок. Они же превращали китайско-русский конфликт в конец власти антихриста и в начало царствования помазанника божия. Они же шавкали темному, еще не отказавшемуся от веры, крестьянину и крестьянке:

– Коллективизация, господи исусе, пришел конец, конец пришел! Убивай скот, убивай птицу, на все наложит антихрист свою печать и ты, мучимый голодной смертью, за крохи хлеба, за кусочек мяса продашь душу на веки вечные царю ада.

И мало ли, много ли, но крестьяне верили, убивали скот, уничтожали птицу и далее овощи. Прятали от антихриста хлеб и ждали из Китая восстановления дома Романовых. Такова школа имяславцев. Псху – штаб и лаборатория этой школы. В Псху мы видели, как в свое время, ради практики, среди псхусского крестьянства и в высшей степени успешно они реализовали свою программу.

Спокойно, и то же время вызывающе – дерзко, нас знакомил с отдельными моментами этой религии 25-тилетний монах Старченко.

– Слушай, Старченко, да войны то между Китаем и Россией в сущности и не было. Был налет со стороны китайских бандитов-генералов, но конфликт давно уже улажен, а вы все звоните: конец власти коммунистов, конец власти коммунистов!

– Не было? Она есть. В ваших газетах, да в пустых словах конфликт улажен. Вот посмотрите, как этим летом вашей власти не станет.

– А какая же, по-твоему, будет?

– Не по моему, а по божьему. На один год Россию завоюет антихрист...

– Слушай, Старченко, антихрист же Ленин и коммунисты.
– Нет. Ленин и вы – это только предшественники антихриста. Главный антихрист придет из Китая. Он процарствует один год и после него опять воцарится на престол помазанник божий, будет царствовать пятнадцать лет.

– А потом?

– Потом начнется страшный суд.

– Но откуда тебе известна такая точность в годах? А, может быть, ты и числа знаешь, когда кто воцарится?

– Господь всегда с нами и он открывает свои истины только верным своим служителям.

– А может быть, проще нам скажешь, без лишнего путаного божества, что ты просто монархист, как и все имяславцы.

– Да, я убежденный монархист, потому что только монаршая власть есть власть божия.

– И добавь, что во имя воскресения таковой, ты организуешь и агитируешь крестьян против Советов.

– Каждый истинный христианин агитирует крестьян, ибо он не может думать только о спасении собственной души. Я и не боюсь вам заявить, что да, я организую и агитирую крестьян против советской власти, ибо власть эта есть власть губителя рода человеческого – антихриста.

– Так антихрист же из Китая только что идет?!

– Ну и што ж, то главный, а вас он послал раньше.

Петр Старченко необыкновенный и даже диковинный монах. Он схимник. Он навсегда и насовсем отказавшийся от человеческого образа жизни. Он заживо погребенный. Об этом говорят и его монашеская ряса с обгоревшей правой полрой, когда то черная, теперь покрытая сплошь серым настилом древесной прели, птичьего помета и других разлагающихся веществ. И босые ноги, словно с детства не испытывавшие приятности ощущения прикосновения воды – заскорузлые, репаные, как сухая бесснежная земля при сорока градусном морозе. И жалкие, скудные волосенки, стекающие отеками вонючей болотной грязи на шею и щеки схимонаха. Руки, гадливо и страшно подумать, что это существо берет ими что-нибудь съедобное и кладет в свой мертвенно-синегубый рот. Говорить с ним долго невозможно. Тошнит. Тошнит точно также, как от смрада разлагающейся падали. И только в глазах и в раз-

говоре какая то напыщенность и даже хвастовство диким нигилизмом заставляют думать, что се не просто кусок отброса, а вчерашний человек, еще живой и копошащийся. Мало того, он копошится и людей страшит. Он винтик, хитро сделанной преступно-шарлатанской черносотенной машины. И, по-видимому, он выполняет немалую специальную работу. Но самая диковинность не в этом. Невероятно то, что это существо два с половиной-три года назад ходило настоящим человеком – в высоких кожаных черных сапогах, в свежих зеленых брюках и в такой же чистенькой защитного цвета рубаше, по которой каждое утро, каждое одевание, точно внимательная ласковая невеста, проходила щетинная щетка, собирая своими дробными пальчиками осевшую пылинку, перышко и случайно опавший волос. Человек этот был затянут круто и ладно в желтый широкий ременный пояс, на шлеме его, не на монашеском колпаке, на буденовке, горела пятиконечная звезда, символ будущего октября во всех пяти частях земного шара. Его лицо горело розово, румяно, как все лица красноармейцев: в казарме, в лагерях, в походе и на параде, когда гремит их громкое (для нас радостное, для врагов грозное), победоносное «ура». Вот это то и невероятно.

А было так.

Молодой конторщик управления Ростово-Азовского порта, по сокращению штата, остался без работы. Его знакомый сослуживец, некий коммунист Зеленский, советует ему поступить в Красную армию. Старченко раздумывает. Его заманчиво влечет чистенькая форма, та честь, которую красноармейцам оказывают гражданские лица и организации, а главное, обеспеченный кусок хлеба, и даже не кусок хлеба, а пресытнейший обед. Где взять такую роскошь безработному конторщику. Теперь, рассказывая об этом, схимонах особенно широко крепится, раскаиваясь в своем греховном преступлении:

– Дьявол искусил. Уговорил меня коммунист Зеленский и слабость человеческая. Побоялся остаться без куса хлеба.

Два года Старченко, доброволец-красноармеец, молодой, живой парень с нахватками городской культуры, состоит членом клубного актива и ведет среди красноармейцев клубную работу. По демобилизации Старченко опять остается без работы. В поисках заработка, как и прочие другие, прослыхал о

чудесном крае сем, попадает на Псху. Полтора года батрачит у псхусских кулаков. И этого срока было вполне достаточно, чтобы молодого красноармейца с неустойчивыми взглядами превратить в монархиста-черносотенца – Старченко постригают в монахи.

Как это случилось? Что стряслось? По всему видно, он был не настолько уж безнадежным идиотом. И однако, человек, пробывший два года в Красной армии, в такой короткий срок, так глубоко и неузнаваемо переродился. «Бытие определяет сознание». Это действительное «чудо» могло произойти только, в такой стране, как Псху. Именно здесь, в Псху, каждая пядь земли, каждая зеленая долина, каждая человеческая единица, уклад и быт людей пропитаны монашеским ядом. Ума лишающая работа черного воронья настолько велика, что все здравомыслящее поселение долины порой, как сумасшедшее, бредит в горячке религиозного психоза.

В наш приезд в Псху, секретарем церковного совета главного псхусского молитвенного дома отбывал демобилизованный красноармеец Сенюхов. И когда один из членов нашей комиссии, не зная этого, судя по буденовке и красноармейской шинели, решил потолковать с красноармейцем по вопросам общественной жизни села, то оказалось делом безнадежным. Вчерашний красно-армеец (он демобилизован в 1929 году) не то что бы не успел познакомиться с общественной жизнью села, а он категорически отказался участвовать в таковой. Этого не позволяет ему его имяславская религия, которую он недавно принял. К тому же он кандидат в монахи.

Я встретил монахиню девушку Матрену Смелову. Она прошлой осенью пришла на Псху, зимой была пострижена и теперь собралась к возвращению на родину. Она также как и прочие крепко заучила и повторяет имяславские молитвы: антихристы, помазанник божий и прочую чушь. Поучает крестьян и, главным образом, крестьянок, как нужно жить, как относиться к советской власти, чтобы попасть в рай христов, а не в ад, к дьяволу. О себе она мне рассказала: дочь иногороднего крестьянина на Кубани. До сей поры была батрачкой в станице Майкопского округа. Отец в 1917–1918 г. стоял всецело на стороне большевиков. Работал в Советах, воевал с белыми в отрядах самообороны. В 1919 году Майкоп занял известный

зверь-палач генерал Покровский. Отца Смеловой, вместе с другими большевистствующими крестьянами, разложили голыми на шумной праздничной площади и, под громкий ликующий рев духового оркестра, засекли шомполами на смерть. Мать Смеловой, тогда же, не перенесла трагедии, умерла. Матрена осталась с тремя сестрами и двумя братьями – круглыми сиротами, большинство которых она должна была выхаживать. В нужде и заботах о сестрах и братьях Матрена забыла, о том, что она девица, забыла, да и не могла из-за бедности цветисто, по девичьи приодеться, не могла приготовить себе приданое и, в нужный момент, умело перед женихами и их матерями похвастаться. Не могла принять участие в шумных девичьих хороводах. Нужда и забота о детях обглодали девку до костей, а когда чуть-чуть оправилась, глянула на свет и на людей, то, по станичным обычаям, стала старой девой, хотя ей всего на всего двадцать пять лет.

– Почему ж ты решила пойти в монашки? неужели без этой рясы ты не могла бы молиться богу, если ты, положим, настолько уже религиозна?

Тупые, печальные серые глаза как-то ожили, заблестели. Из них выкатились крупные слезы, вызванные собственным горьким рассказом о себе. Она долго смущенно перебирает углы пол черного балахона:

– А чего же мне оставалось делать. Замуж не вышла и не выйду теперь.

– Только поэтому?

– Да и поэтому и по-другому...

– А что другое?

Молчит. Теряется в поисках ответа. И не найдя его, как напроказившая школьница, повинно опускает глаза вниз.

– Слушай, Смелова, а не думала ли ты когда-нибудь о том, что тебя постригли в монахини как раз те люди, которые так зверски безжалостно замучили твоего отца?

Подозрительно оглядела. Уж больно тон то безапелляционный.

– Нет.

– Вот видишь, ты не думала, а я знаю, что это так.

Я рассказал ей о Мамченко, о Гривницком, о Феодосии. Рассказал ей о них то, чего она не только не знала, но и не по-

дозревала в них. Рассказал для чего они учат ее и других, таких как она, имяславской вере.

– Мало того, что они запороли твоего отца, они искалечили твою жизнь. Они и сейчас ведут бешеную борьбу против тех же рабочих и крестьян, за дело которых погиб твой отец. И тебя втянули в эту борьбу. Ты и другие такие же бедняки и беднячки становятся их помощниками против собственного дела, против собственной власти, за кровавые дела эксплуататоров-капиталистов и дворян. Ты мне не веришь. Ты думаешь, что с тобой говорит «антихристово отродье». А их ты знаешь тихими ласковыми братьями, преданными только богу и делам всевышнего. Но разглядишь получше и ты увидишь под монашеской рясой самые настоящие когти жадных и хитрых бесчеловечных хищников.

Смелова покорно и терпеливо слушает мой монолог. Ее подкупает то, что я так зло-непримиримо обрушиваюсь против палачей, замучивших ее отца. В моих словах о белогвардейцах, о монахах, о ней самой, она чувствует какую то суровую правду. Но есть что-то, что останавливает ее, отталкивает от меня, заставляет монашку держаться строго настороже и то и дело недоверчиво окидывать в это время тупым и твердым, как камень, взглядом. Это что то – пять-шесть месяцев имяславской школы.

Да, на мою долю пришлось агитировать Смелову значительно меньше. Но все же мне кажется, она не безнадежна.

Смеловых среди монахов и монахинь не одна.

Монашествующие штабисты следят за каждым изгибом нашей политики. Они учитывают всю сложность борьбы с властью советов. И поэтому и из-за этого они отвоевывают у нас бедноту, отвоевывают красноармейца, отвоевывают людей, которые имеют все основания и должны быть в лагере Советской власти. Больше того, людей связанных с советской властью кровью своих близких, кровью своих родных. Пусть это худшие из трудовых классов и все же это наши люди. И этих людей они превращают в своих агентов, в своих стрелцов, контр-революционной черной рати.

Я искренно удивился, когда среди сотни виденных мною монахов, наконец-то, увидел простое, открытое и откровенное лицо. Тип средне-ра-ссей-ского мужика. Душа на распашку.

Реденькая, миловидная, грязного цвета бороденка. Красный, чуть-чуть заостренный нос. Такие носы известны. Они одинаковы и у мужика, и у рабочего, и у интеллигента, и у монаха. Это нос алкоголика. В данный момент, этот нос принадлежал монаху Матвиенко. И вправду, Матвиенко преславнейший мужик. Заговорили мы с ним сразу, просто – понимающе, словно издавна и дружно знакомые.

– А ты, Матвиенко, пьешь?

– У, да понятно, пью. А кто его не пьет.

– А как же, монахи ведь не имеют права употреблять сей дьявольский напиток.

– Да ведь это только говорится так. А пить пьют. Пойди по кельям, дак ты найдешь и спирт, и вино, и сало, и белую муку. Усе есть, как у людей. Ты што думал?

– Откуда же берут монахи муку белую, сало и даже спирт?

– А кто его знает. Сам то я живу тут, во дворе у брата крестьянина, а им присылают. Шлют посылки с разных краев. Каждый день из Сухуму то мужики им несут, то сами. Не усем, понятно, есть такие, что совсем нищие, навроде меня, а вот тому, что председатель ваш сказал выслать – Гривницкому, сею зиму и валенки прислали, и шубу на меху, носки там, шарфы, чего только нет. Говорит, матушка присылает.

– Ты, как видно, Матвиенко, у них не надежный монах. Скажи по душам, все ваши братья верят в бога?

– Кто его знает, кто как. А больше, как бы сказать, по волнам. Нешто мы знаем, чи есть он бог, чи нету?

– Странно. Зачем же ты в таком случае монах?

– Да так. Нешто я один.

Простак парень. Мне он кажется полукрестьянином, полубродягой, искателем мелких приключений. Дать бы ему кусочек удобной земли, соху, лошаденку и засвистал бы он по полю трудолюбивым и жизнерадостным мужичком. Работал бы, пока не надоело. А надоело – опять пошел бы шляться.

– Слушав, Матвиенко, а вот, если бы государство дало тебе землишки, деньжонок на крестьянскую справу, бросил бы свою рясу?

– Да я и так уже надумал ее бросить. Вот только, не знаю куда податься.

– Что, разочаровался в своей братии.

– А то нет. Тут хоть кто разочаруется. Один обман и безобразие. Вы еще не знаете, что здесь делается....

– Что?

– Я не буду говорить, не пристойно.

– Распутничают монахи.

– О, еще как. Послушаешь ночью, аж кусты хрустят!

– Что ты говоришь! В кустах?

– Да и в кельях, и в скитах. Грех один.

Матвиенко, потом, действительно сбросил рясу. Но этому предшествовал следующий случай. Спустя несколько дней, перед нашим отъездом из Псху, я беседовал с крестьянами о монахах и при беседе передал им в подлинности произошедший разговор между мною и Матвиенко. Спутал только фамилии. Вместо Матвиенко окрестил его Семененко. В Псху же есть монах Семененко, я с ним также разговаривал раньше, только последний больше похож на Мамченко, чем на этого простака-мужика. Вечером, совсем уже в пред отъездную пору, мы, с членом комиссии, шли по улице Псху. Он мне рассказывал, что ему удалось выяснить, что, кроме всего прочего, среди псхусских монахов есть секта прыгунов. Живут они очень высоко, на склоне главного Кавказского хребта. Обычай их моления заключается в том, что в определенное назначенное время, вечером, они собираются в пещеры – специальную подземную церковь. Собираются обязательно монахи и монахини. Собравшись, начинают прыгать. Прыгают до одурения. В процессе сей богоугодной процедуры, распариваются, потеют и, молясь, раздеваются до нага. Наконец, взмыленные, потные, гасят свет и там же в повалку, артелью, спят.

Хорошенький обычай.

В разговоре о прыгунах мы не заметили, как к нам подошла кампания человек в пятнадцать монахов. Полусерьезно поздоровались с ними, следуя своим путем в неопределенном направлении. Но не тут то было. Вмиг монахи нас атаковали. Да не как-нибудь, а в кольцо. Предстояло что-то необыкновенно интересное. Сзади и по сторонам подошли несколько крестьянских молодых парней.

– В чем дело, святые отцы? – спросил я.

Из круга выделился один низкорослый, крепкий монах. Знакомый. Нервным, уличающим в заведомо гадкой клевете и

нетерпящим возраждения, тоном он заговорил:

– Я Семененко. Скажите, когда и где я вам говорил, что наши братья пьют водку, развратничают и так далее. Вы лжец! Вы все и всегда так лжете!

Я опешил. Мне неудобно стало перед крестьянскими парами, перед товарищем и, даже, перед этими извечно-наглыми ханжами-монахами. Я вспоминал, кто мне говорил, искал глазами этого монаха, но не мог найти и огорошенный таким оборота дела – терял опору.

– Нет, я не лгал. Но вы мне не говорили, это верно. Говорил другой монах.

– Но вы крестьянам говорили, что вам сказал Семененко.

– Но что ж тут особенного, я ошибся. Может быть, спутал фамилию. Но я говорил правду. Да собственно, обо всем этом, крестьяне сами знают. Спросите вот парней.

Я понял, что здесь дело идет об авторитете перед крестьянами. Монах решил угробить меня и выцарапать из беды себя и своих братьев. Я решил не сдаваться и как можно сильнее наступить:

– А ты что, будешь утверждать, что ты и твои братья не пьют?

– Нет.

– А спирт зачем держите в кельях? Водка зачем у вас в богоугодных скитах? – Я так говорил, словно сам пивал ее с ними.

– Держат, это еще не значит пьют. Мы живем в горах: бывает, простудится кто или просто лихорадка, вот и держат для лекарства.

– Вон оно что! Так зачем же божьему человеку лекарство? И зачем вы для себя держите лекарство в 96 градусов, а крестьянам толкуете, что всякое лекарство, приготовленное в аптеках, есть чертово зелье и, по вашей милости, крестьяне лечат своих детей куриным пометом, конским навозом и тухлой наговорной водой.

Монах сбавил тон. Стушевался. И вдруг, в толпе я расщупал того монаха, который мне рассказывал.

– Что же ты молчишь, – обрушился я на него. – Как твоя фамилия?

– Матвиенко.

– Эво, видишь, Матвиенко. Ну так скажи, дружок, выдумал

я, что монахи пьянствуют, обманывают людей, распутничают. Говорил ты мне, что ночью «аж кусты хрустят»?

Он оглядел своих братьев, чуть посторонился от них и показал почти с вызовом.

– Да, я тебе говорил.

– Но, вот слышишь, Семененко говорит, что я лгу.

Матвиенко полукомично размахнул в сторону широкими рукавами, соорудил рожу:

– Да што ты, малый што ли! Извечно так было – правда больно лоб дерет!

Парни захохотали. Засмеялись и мы. Пришибленные монахи двинулись гуськом и пошли своим путем. Провожая их глазами, я заметил, Матвиенко тянулся одиночкой сзади, не пройдя и пол квартала, он повернул в сторону. Монахи озирались на него и чего то бурчали. Они его бойкотировали.

Это, в сущности, было мое последнее свидание с монахами.

IX. Там, где витают боги.

«Религия – опиум народа. Религия – род духовной сивухи, к которой рабы капитала топят свой человеческий образ».

(ЛЕНИН).

Анализ экономики этой странной страны мы начали стихийно, бессознательно, подчиняясь требованиям собственного желудка. Утро, обычно, начиналось так. Мы вставали. Выходили к ручью. Близко, прямо у дверей умывались. Вода ручья, словно стараясь еще и еще доказать нам свое превосходство перед всеми водами Абхазии, была кристально-прозрачна, мягка и свежа, как горное утро. Мыло обычное и даже плохое вздувалось огромными воздушными пузырями. С одного мазка его выходила такая масса, что трудно было смыть. Затем вытирались, обласкиваемые утренним псхусским солнцем. Глотали непомерно много утренний воздух целебного ущелья. Затем глубоко задумывались:

– Чего бы поесть!

– Ей-богу, ребята, я жрать хочу, как волк, – твердил Алиханов, – член комиссии, зав. Уземотделом.

И действительно, он, точно здоровенный худющий волк,

вынюхивал крошки чурека на хозяйском столе, оглядывал пустую, греющуюся плиту, и хитро и аппетитно закидывал свои раскосые глаза, в пустые, из под молока, кувшины.

– Хозяюшка, неужели нельзя купить у кого-нибудь молока?

– Да я ходила, не продавают, нету. Вот, если бы к Вороным пройти или к Мясниковым, у них наверное будет.

К Вороным – это верст семь на Ригзду по головоломным ущельям. К Мясникову-кулаку столько же на Агурипсту. К тому же, по псхусским дорогам, вообще молоко носить не только неудобно, но и почти невозможно. У хозяйки нашей имеется дойная корова, только удой ее весь, до капли, поедает шестимесячный ребенок. Изредка этот малютка проявляет милость, делится с ними, оставляя для нас стакан к чаю.

– Жрать хочется, – не переставая скулит Алиханов. Затем сам отправился и достал у какого-то крестьянина котелок волосского ореха. Хозяин квартиры учитель Контарев принес зополок свежих, сбора прошлой осени, яблочек.

– Это дички?

– Дички.

– Слушайте, но как можно, ведь они не хуже тех садовых, что продают на берегу.

– Не хуже, а то и лучше.

Яблочки хорошие. Орех еще лучше. Раскалываем, едим.

– Да, все это прекрасно бы было на десерт, а вот на тощий желудок даже приторно.

Мы снарядили экспедицию за продуктами к Вороному. Если, думаем, Вороной подведет, то что его делать – неведомо. Но Вороной не подвел. Он продал нам три фунта свинного сала, два с половиной десятка яиц, два кувшина кислого молока и тридцать фунтов пчельного меда. Тридцать фунтов душистого, липового! Не задумываясь над вопросом дальнейшего существования, в этот же день, мы все написали в город по письму. Написали, конечно, тем, кто, оставшись дома, беспокоился о состоянии нашего здоровья.

– Воздух не воздух, а аппетитные капли. Вода – сплошной боржом. Жрем невероятно много. Купили тридцать фунтов меда. Фунтов по десять лишку жиров обязательно припррем в город.

Но торжество было не только преждевременное, но и на-

думанное, хотя оно и пригодились для успокоения оставшихся дома, слабонервных. Через два дня мы остались с одним кукурузным чуреком и медом. Пшеничный хлеб в Псху не знают. Основной сельскохозяйственный продукт крестьян – кукуруза. Пшеничная белая имеется у монахов, у чиновных, преосвященных и одному «богу» известно, откуда и как достают они ее. На третий день мед опротивел. Вороной отказал в продуктах. Жилинский к Мясников, тоже не продают. Их жены так и заявили нашей хозяйке:

– Этим антихристам мы не продаем.

А больше купить не у кого. Псху повертывалось к нам своей зловещей черной стороной. Цифры налогового отдела холодно и безапелляционно заявляли о массовой нищете в «стране». Из 95 семей 74 бедняки, освобождены от сельскохозяйственного налога. 21 семья платит всего двести сорок рублей. Из них один Вороной выплачивает шестьдесят. Я еще раз перечитываю письмо:

«Здесь все само растет, не сеявши, не пахавши». Что это, ирония? Нет. Здесь действительно в обилии яблок, груш, орехов, пчел. Все это «само растет». Крестьяне не только не культивируют, но и не заготавливают. Они живут, что птицы небесные, на подножном корму. Ими полностью принята лицемерная, гибельная, беззаботная философия монахов, «не заботься о мире сем».

Псху, по-абхазски Псхю, буквальный перевод – где пасется душа, иначе, привольные пастбища. Пастбища, куда из-за гор, за сто, сто двадцать километров, с набережных поселений, пригоняют на выпас многосотные стада скота. Псхусские крестьяне на 95 семей имеют шестьдесят пять лиллипутов-скотинок...

Работы много. Работаем ночью. Я пишу, члены комиссии потонули в ворохе бумаг – налоговых, земельных, входящих, исходящих. У учителя вышел керосин. Как быть? Учителю:

- Слушай, нужно как-нибудь достать керосину.
- Ходил, товарищи, искал. Нету ни у кого.
- Пойдите еще.
- Сегодня не достану, нужно ехать далеко.

На другой день, сел верхом на лошадь, поехал. К полудню привез банку, фунтов двадцать.

- Во. гляди ка! Где достал?
 - У монахов купил.
 - У м-о-н-а-х-о-в...
 - А чего вы удивляетесь! У нас так. Когда чего нельзя найти у крестьян, у монахов есть. У них всегда запас.
 - Это новость. А как же монахи достают?
 - О, они умеют. Кулаки им привозят, они с ними, так сказать, на паях.
 - Почему платил за фунт?
 - Тридцать две копейки.
 - Ого. Вот это накладные расходы.
- Керосин есть, вышли спички. Бежит Контарев, ищет спичек. Достал коробку.
- Где?
 - У...
 - У монахов?
 - Нет, – смеется. – У кулака. Только, товарищи, порядок, – предупреждает Контарев. – Спички на курево не портить. Вот развожу огонек и отсюда прикуривайте. Можете и от лампы.
- Накладывает дров в печку и разводит «вечный, непотухающий» огонь. Замечательно, думаю. Как первобытный человек, подчиняемся необходимейшему режиму. Прикуриваем от лампы и из печки, от огонька. Днем жарко, но печка со специальным назначением, топится целый день. Иногда, забывшись, я беру в руки злосчастную коробку, намереваюсь прикурить, но тренированный псхусский житель, Контарев кричит:
- Что делаешь! Гляди, в печке горит.
 - Ах, да, в печке...

Наступило самое худшее: вышел табак. Дело гиблое. Монахи не курят. Собственно, курить то они курят, в скрытую, в кельях, но продать, не продадут. Не могут же они, в самом деле показать своей пастве, что хоть они и ангелы божьи, но не прочь затянуться дьявольским зельем. Контарев изъездил все Псху и хутора, нашел несколько лапушек листового, да и то по родственному, у своего тестя. Но где тонко, там скоро рвется: табак незаметно исчез. Пришлось ходить по улице, около сельсовета «стрелять» у знакомых крестьян. Но это не только неблагоприятное, но далеко не легкое, в псхусских условиях, занятие. Как гостей из города, крестьяне нас, конечно, угощали

куревом, но для этого мужиков нужно было ловить по одному. Там, где псхусцы гуртуются, добиться цыгарки трудно. Никто не хочет показывать табак: «наскочат как голодные шакалы и раскурят». На этот случай псхусцы обычно носят в карманах две коробочки. Одна пустая, чуть запорошенная табаком, другая с запасцем. Или еще хитрее – запасец в тряпочки и, где-нибудь в глухом потайном кармане – это на случай «обыска». И вот, собравшись друг с другом, надувают:

- Дай закурить.
- Да, ей богу, нету. Вот, гляди, весь.
- Да как же нету, а вон там, под жикетом.
- Э, ты што думаешь, я такой, как ты?

Встряхивает коробочку – пусто. А когда захочет курить, удаляется куда-нибудь за строение, в углышек, достает из известного – только ему одному потайника, свертывает. Прикуривать идет опять в гурт.

- Э, как же ты говорил нету, а куришь?
- Это я у Петрухи закурил.
- Бреешь, а где Петруха?
- Домой ушел.
- Да не верь ему, Петруха и в село не входил нынче.
- То ись, я у Микихи.
- Миких, дай закурить.
- О, ды я уже полгода как не курю.

Набрасываемся на избача, на учителя – культурная сила, на предсельсовета.

– Почему не организуете крестьян в кооперации? Ведь этак же крестьяне обречены на верную нищету и окончательное разорение. Ведь Псху же создано для скотоводства, а у вас молока ребятам нет. Ваши пчелы за хребтом дают пять пудов улей, а у вас пул. А где можно заниматься огородничеством, как не здесь, а у вас помидора нет своего. А садоводство, а травосеяние. Ведь позор, на все Псху пол десятины клевера, тридцать две копейки керосин! Что ото такое!

Наброситься, конечно, нужно бы было в первую очередь на уездно-городскую партийную организацию, на руководителей областной кооперации, на псхусских кулаков и монахов. Но это комиссия оставила для отчетов и выводов, я для развертывания самокритики в газете. Культурная сила понуро отговаривалась:

– Да, как бы не так. Шутка, организовать у нас кооперацию! Разве наши монахи дадут. Когда крестком организовали, спали с ружьями под головами, а кооперацию и не думай, тут такой вой поднимут, – жутко станет.

Подстреливая у крестьян курево, говорили с ними.

– Думаем помочь вам организовать кооперацию.

– Кооперацию?

– Ага.

– А на что она?

– А как же? Вот спички, гвозди, керосин, рубаха, чусты. Да мало ли в чем нуждается.

– А привозят из города, да и в Михайловке есть.

– Ну вот, Михайловка, Михайловка за перевалом, да еще в восьмидесяти километрах.

– А мы же ходим.

– Ну, а тогда не будете ходить, сами организуете свою.

– Мы?

– Н-е-е-е-т. Коль уж к тому клонится, нехай лучше михайловцы у нас лавку откроют. ,

– Да почему же михайловцы?

– А нехай. Так лучше.

И в этом «нехай, так лучше» чувствуется определенный страх перед «антихристовым делом».

Дико. Как, в самом деле, можно людей доводить до подобного умопомешательства. Они не хотят и не то что не хотят, а боятся открыть у себя кооперативную лавку. Открыть лавку – нужно стать ее членами, а это значит – получить на руки печать антихриста. Они преднамеренно сводят и свели уже свои потребности до минимума. Их хозяйство с каждым днем нищает, уменьшает товарность до невероятнейших пределов, натурализируется. В этой части, работавшая Правительственная комиссия записала:

«Сельское хозяйство Псху в массе своей за последние годы вместо быстрого развития и имеющихся возможностей расширения прибыльности развивалось в обратную сторону (т.е. деградировало), растрачивая и те капиталы, которые были заложены (засорение садов, истощение земли без удобрения, падеж скота и уменьшение скотоводства, резкое уменьшение товарности и пр.)».

Это в этой местности, где почва, вода, климат, пастбища прямо таки кричаще заявляют о том, что котловина таит в себе огромные возможности для развития таких важнейших культур как скотоводство, птицеводство, пчеловодство, садоводство, огородничество. Именно развитие этих отраслей сельского хозяйства Псху обещает поднять материальный уровень псхусского крестьянства на небывалую высоту. В чем же корень зла? Безусловно и прямо он кроется в многолетней деятельности черного воронья монахов.

Правда, Псху отрезано, довольно-таки основательно, от городов, от рынков сбыта и потребления. Зимой оно совсем заперто, рынок же сбыта, для таких сел как Псху, является пока что самым сильным и главным стимулом развития крестьянского хозяйства. Но тем преступнее, тем злее была деятельность монашеской шайки. Ведь в самом деле – единственное спасение этого села (употребляя слово село Псху мы имеем в виду и хутора, населяющие эту долину) заключается в кооперации. Роль кооперации в Псху в будущем прямо-таки неоценима. Именно ей суждено в ближайший год-два перевернуть, перестроить хозяйству Псху. Ведь только кооперация способна доставить по такому трудному пути дешевый товар и дать его крестьянам. Ведь только она способна произвести запасы на зиму и, в момент, когда Псху заперто снегами на целых пять-шесть месяцев, снабжать население не по баснословным спекулятивным ценам, а по самым нормальным, кооперативным. Только она может организовать сбыт крестьянской продукции и доставить ее в город по этому неимоверно трудному пути на наиболее выгодных условиях. Она же путем контрактации, путем распределения кредитов может и должна двинуть те многочисленные отрасли сельского хозяйства, которые находятся на грани окончательной гибели.

Монахи, попы и кулаки вели и ведут бешеную борьбу против организации этой самой кооперации. И не к чести (мягко выражаясь) наших кооперативных и партийных работников города, монахи, на протяжении десяти лет, побеждали. Расчет монахов прост: во-первых – кооперация втянула бы Псху в общенародное хозяйство, слила бы их (крестьян) с рабочими «со всей крестьянской массой, медленно, но верно двинула бы по пути к социализму». Монахи прекрасно знакомы с этим тези-

сом Ленина. Во-вторых – втянув в общенародное хозяйство, направив его на путь социализма, кооперация, одна только кооперация выбила бы псхусских крестьян из-под монашеского влияния, тем самым лишила бы возможности строить штаб-базу этого черного воронья в псхусском ущелье. В-третьих – отсутствие кооперации давало возможность кулакам, попам и монахам спекулировать и хорошо набивать себе карманы. Иначе говоря, отсутствие кооперации обеспечивало полную возможность не только безопасному существованию контр-революционного гнезда, но также и обеспечивало организацию материальной базы штабистов».

В комиссию пришел старик Сизов. Он перестал верить в попов и монахов после того, как они его ограбили и окончательно разорили. Ему за 75. Обтрепанный, худой, костлявый как смерть. Рассказывая о своей горемычной жизни, он плакал. Было больно глядеть на него и, слушая его, хотелось мстить сухо, жестоко, мстить классовой местью.

– Вы думаете, у меня есть земля? Нет ее у меня. А чем, скажете, я живу, спросите у наших правителей. Я весь вот тут, землюшку нашу другие пашут и сеют. Под монахами наша земля, вот где, да с Кубани контрлюция приехала, у их есть. Как приехал – так сама к нему бежит, земля-то, а у нас нет. Слухаю вот вас, товарищи, как там, за горами, живут крестьяне и, правду говорю, первый раз слышу такую идею (идею. И. П.). Вы думаете мы в согласии с попами и монахами? Нет, цену мы им знаем. Давно, ишо тады. Поп, говорили они нам, по-гражданскому, чин полковника, по небесному – ангел божий. Бувало так – попадет твоя корова к попу в огород, придет пристав и бьет до полусмерти. Через год через два приедет, а не забудет – бьет. Попова корова попала к тебе в огород – согнал ее, а пристав бьет еще больше. Потому не вежливо обошелся с коровой священника. Нет, мы их всех знаем, хорошо знаем, да голову бедняку высунуть нельзя.

Сизов плачет, вытирая слезы грязными сморщенными кулаками. Не выдерживая натиска сильно нахлынувших слез, по ребячески всхлипывает и восклицает:

– Эх, старый я стал, хоть бы лет пяток прожить при этой юдеи, о какой вы говорите. И вот, если землю дадите, за землю – спасибо. Большое спасибо.

Алиханов – зав. Уземотделом треплет свой курчавый смольный волос, говорит мне:

– Ты думаешь, этот Сизов единственный, нет, их половина населения Псху, только они или молчат, или вызывают к богу. Вот когда раскатаем их, ты поглядишь. На-ка вот, видал, где земля крестьян? – и он злой, встрепанный, забрасывает меня документами.

И я терпеливо, перестав уже удивляться тем безобразиям, которые мы встретили в этих диких горных ущельях советского союза на тринадцатом году революции, перечитываю их.

«В Псхусский сельсовет.

Заявление.

В виду того, что в селе Псху очень скудно на частные квартиры, прошу псхусский сельсовет и псхусское общество ходатайствовать перед советской властью о разрешении мне построить помещение из двух комнат мерою четыре на шесть и при нем разработать участок земли. Настоятель Псхусского молитвенного дома Феодосий Волков. 27-го июня 1928 года».

Резолюция: Общество постановило: отвести 2 десятины для постройки приходского священника и постройки ему необходимого здания», Деркс. 19-VII–1928 г.

И еще:

«Постановление № 19, собрания граждан Псху под председательством тов. Калашникова, секретаря Апанасенко, слушали:

Заявление жителя Псху Саввы Погуляева об отводе ему в пользование свободной кладбищенской земли.

Постановили: единогласно. Ввиду того, что упомянутая земля есть кладбищенская и предназначенная для кладбища, то она никому не может принадлежать в постоянное пользование или собственность, а потому постановили отдать эту землю в пользование Саввы Погуляева за использование обязанностей псаломщика Псхусской церкви. К сему: председатель Калашников, секретарь Апанасенко».

Заметим, что это постановление относится к 1927 году. В период же нашего приезда этому псаломщику была отведена уже не кладбищенская земля, а участок хорошо разработанной

земли, принадлежавший ранее сельской школе.

И еще:

«Протокол № 8, заседания Псхусской сельземкомиссии от 11-го марта 1928 года. Присутствовали: председатель Дринь, члены: Корней Гарбузов, А. Вороной, И. Васников.

Слушали: Заявление гражданки Колотушкиной о наделении ее земель, как безземельной (монашка).

Постановили: Ввиду того, что монахиня Колотушкина совершенно не имеет земли, наделить ее участком земли бывш. Стефана Калашникова мерою в полторы десятины».

И еще...

А впрочем, еще очень много. Документы эти красочнее всякого рассказа показывают основу земельной политики в сем святом крае. Все попы, монахи и монашки землеустроены в высшей степени складно. Землеустроены и кулаки. Те кулаки, которых Кубань, Дон, Украина ликвидировали, как класс. Последние проще поступают. Эти приезжают в Псху, зная заранее, что верный союзник кулаков – поп и монах их не обидит. Приезжают, выискивают бедняка, дают ему несколько десятков отступного и настрадавшийся, разорившийся крестьянин, жаждущий выбраться из этой проклятой трущобы, уезжает. Кулак пишет: «Ввиду того, что землей я пользуюсь около года, прошу закрепить ее за мной!» В стране Псху, в святой стране, ему отказать не могут. Часто и иначе. Как в «старое, доброе время» просто покупают землю. И купчую, честь честью, оформляют у сельского старосты, то бишь, у предсельсовета...

У Алиханова переполненная папка чудовищных земельных документов. Он молод, горяч и больно ругается. Один из иеромонахов попытался вернуть его в веру православную:

– Вот ты, грек, молодой, а безбожник, – говорил он ему. – А греки-то, твои прародители, первые восприняли и ввели веру христову. Ой, горе тебе будет, молодой человек. Образумишься ты, да поздно, Христос строго накажет тебя.

– А ты монах, ангел божий, – бурчал Алиханов, злой и серьезный (он комсомолец), – ты монах, а людей душишь. Ведь ограбили вы крестьян. Задавили! Хамы вы, а не божьи люди.

У Алиханова полная папка псхусских земельных дел и он собирается одним взмахом забрать землю у монахов, выслать кубанских кулаков, отдать под суд преступников, судить и су-

дять. Он подсчитывает, кого судить, и их оказывается неимоверно много. Зам. пред. ЦИКа Малания уже составил список монахов и кулаков, подлежащих выселению не только из Псху, но и за пределы Абхазии. Одно из первых мест этого списка занимали: Мамченко, Гривницкий и Феодосий Волков.

По поручению комиссии я взялся проверить работы школы и избы-читальни. Обследование избы-читальни началось и закончилось таким разговором, происшедшим между мною и избачем.

– Ну покажи, где же твоя изба.

– А вот она.

– И все?

– Все.

Дряхленький сарайчик, три на пять метров, с единственным крохотным окошком. На стенах два-три плаката Осоавиахима.

– И все?

– Все.

– Крестьяне заходят?

– Нет.

– Кружки есть?

Я понимаю, какие же могут быть кружки без крестьян, но все же спрашиваю. Ведь яследователь.

– Нет.

– Лекции бывают?

– Нет!

– Спектакли?

– Нет и негде.

– А если бы было где?

– Не выйдет, в церквях поют.

– Читка газет?

– Нет.

– Что же есть?

– Ничего нет.

– Но, зачем же тогда изба-читальня?

Избач, словно впервые услышал поставленный перед ним в такой плоскости вопрос. Задумался. Он долго обдумывал ответ и нашелся:

– А так, место глухое, отдаленное. Вот Политпросвет и пре-

доставил Псху одну штатную единицу. В других местах и таких изб-читален нет, – сказал он мне поучительно.

– Но почему же крестьяне не ходят?

– Не ходят то? Боятся бога и монахов.

– Но газеты то, которые получаешь, ты их как-нибудь используешь, прорабатываешь?

– Газет тут не бывает, да и слушать никто не захочет.

– А как же вот кампании, посевная, займов, сбережений?

– Что вы, товарищ Половнев! Кампании до нас никогда не доходят.

И это верно. В Псху никогда не проводилось ни одной советской кампании. Им нет ни времени, ни места из-за кампаний религиозных. И в самом деле, если бы была даже приличная изба-читальня, все же она не смогла бы тягаться с 8 молитвенными домами, которые имеют в своем распоряжении до двухсот наловчившихся штатных агитаторов–монахов.

Школу пришлось обследовать точно также на холостую. Учитель прекратил в ней занятия и распустил ребят еще 3-го апреля. В селе и на хуторах ребят школьного возраста около 120. Записано в школу всего 24. Посещаемость школы девять – семь, Псхусский учебный год строго, по школьному журналу, вкладывается в 76 рабочих дней. Разграфленные клетки журнала то и дело, страница за страницей, пестрят размашистой росписью учителя: «религиозный праздник, обновление иконы», это значит, что в эти дни школа не работала. Количество же религиозных дней и происшествий с обновлением икон в Псху прямо таки преогромное. Учитель, против прочих деревенских учителей, получает полуторную ставку. Я попытался упрекнуть его в недобросовестном отношении к своим обязанностям:

– Посмотрите, учебный год у нас кончается по деревням 5-го июля, а у вас 3-го апреля уже не работает школа, на что это похоже.

– Ага, – сердито парировал мне учитель, – я для вас хороший учитель, Апанасенко вам надо. Он прошлый год каждое воскресенье водил ребят в церковь, с молитвами начинал и кончал уроки, у него длинный год был, он всем нравился....

– Да ты чего пузыришься? Апанасенко я совсем не знаю, да и к тому же он уже на Соловках, а по твоему журналу религи-

озный праздник – не работал, обновление иконы – не работал, чуть ли не посредине учебного года совсем закрыл школу.

– А что я мог сделать, что, если родители не пускают детей в школу?

Он мне показал отношение, в котором он, за собственно-ручной подписью, грозил какому то крестьянину оштрафовать его на сто рублей, в случае тот и в дальнейшем будет продолжать запрещать ходить своему ребенку в школу. Не знаю, было ли это отношение отправлено на самом деле, но скорее оно было заготовлено на всякий случай, вернее, на случай приезда инспектора.

– Ну и что же?

– Как бы не так!

– А других мер ты не пробовал? Ну, положим, совещания, культсекции, беседы с крестьянами?

– Какой культсекции!

Нет, других мер учитель Контарев принять не мог, потому что он был столь же безграмотен и забит, как любой псхусский крестьянин. Мы простояли у него на квартире около десяти дней. Изголодавшиеся за печатным словом, мы все же не могли у учителя, столпа культуры в Псху, найти ни одной книжки. К концу нашего пребывания, мне попала и это чуть ли не единственная светская книга на Псху, Чалпанов («Критика материализма»), изданная в 1899 году. Книга эта принадлежала предсельсовета Холщевнакову. Читая ее, по справедливости, товарищи замечали, что другого места кроме Псху в СССР для чалпановской философии, философии махрового идеализма, не найдется.

У учителя имеется шестимесячный ребенок. Маленькая головенка сплошь покрыта золотушными струпьями. Струпья рассаживаются и по тельцу. Блестящие, заскорузлые они то засыхают, то раскалываются, выпуская желтый, отвратительный гной. В Псху из Сухума, на несколько дней, прибыл какой-то врач с медикаментами. Мы настойчиво уговаривали жену учителя понести ребенка к врачу. Но она наотрез отказалась.

– Там уж, к дохтору, чтобы совсем испортил, – она его лечила наговорной водой и еще какой то навозной чертовщиной.

Тов. Ленин писал: «Все и всякие угнетающие классы нуждаются для своего господства в двух социальных функциях:

функции палача и функции попа». Все и всякие, везде и постоянно, кроме страны, где господствует и в полной мере использует свое господство эксплуатируемый в прошлом класс пролетариата. Это общее правило. И одна из этих функций без другой никуда не годится, она не выполнит своего назначения. Это правило также прекрасно известно и псхусским попам и монахам. В полной мере они его применили на Псху. Поп и монахи с церковью и молитвою, палач с властью и мечом.

В 1920 году в Псху господствует генерал Хвостиков с бандой. Генерал Хвостиков уходит, оставляя свой хвостик – Ивана Крючкова. Последний становится предревкома Псху, а затем и предсельсовета. Крючкова сменяет бандит-церковник – Жилинский. После Жилинского предсельсовета – казачий сотник, белоэмигрант Бондаренко, теперь уже расстрелянный соввластью. За ним, Корней Гарбузов, белобандит, расстрелянный соввластью. За Гарбузовым – казачий войсковой старшина Апанасенко, он и учитель, и секретарь и пред. сельсовета в Псху, теперь в Соловках. Предпоследний глава псхусской власти, скрывавшийся барон фон-Дринь, сам повесился за день до приезда нашей комиссии. Последний год было так: предсельсовета – Николай Холщевников, это наиболее мирное существо среди всей перечисленной плеяды. Он занимается философией Чалпанова, изучил электроны и протоны и, иногда, не прочь с крестьянами поскалозубить по астрономии, однако, при этом не забывает доказывать, что материя ничто, дух же божий все. Относительно последнего, у комиссии раскололись мнения. Одни находили, что он человек ничего себе, другие считали, – личность темная. Да, собственно, это и не важно, управлял то не он, а барон фон-Дринь, который до последнего дня оставался на посту секретаря сельсовета и председателя земельной комиссии. Повесившись, он предварительно сжег важнейшие документы сельсовета и папку с регистрацией монахов. Всю эту господствующую братью одухотворял и возглавлял не официально властвующий в Псху и ее окрестностях казачий атаман бандит полковник Козлов. Потому то, на протяжении десяти лет, из Псху в Сухум поступали гладенькие, хорошо написанные, бумажки из сельсовета и в них значилось, что на хуторах и в селе этой отдаленнейшей местности все складно, все гладенько. И уисполкомовцы не заглядывали в Псху.

– Даль-то какая. Восемьдесят километров, да еще через

хребет, а затем, все там гладко, все хорошо. Коммунистов в Псху нет ни одну – ну и что ж, такой уж забитый народ! Где им до коммунистов. Комсомольцев тоже не было и нет – странно, а впрочем, что ж – безграмотные.

За все десять лет в Псху не вырос ни один комсомолец, ни один коммунист. Случайно, в этом году, с семьей приехал один пионер, но он в первую же неделю распионерился. Зато бурно и буйно росли монахи и монашки. И еще более бурно росла нищета и всяческие умственные уроды. Это в стране, где витали боги.

Х. С чего начать?

Покончили с делами сельсовета. Распух портфель от оригинальных, диковинных и невиданных документов. Все книги сельсовета единогласно заявляли о кричащем безобразии. Люди – беднота в короткий срок, познакомившись с нами, приходили, рассказывали скупое, с опаской, дополняли картину чудовищного господства святой братии в союзе с кулацко-бандитствующими церковниками.

Нужно было организовать, создать настоящие советские организации. Но с чего начать?

Думали, заседали, писали планы.

Решали.

29-го апреля первая проба. – Собрание молодежи. 30-го собрание бедноты. Это подготовительный период.

День 1-го мая 1930 года должен стать днем торжества Советов в Псху. Но собрать молодежь и бедноту, по всей вероятности, штука не легкая. История Псху не знает подобных собраний.

Засучив рукава, вооружившись длинными палками, как этого требует обычай хождения по горным тропам, рассыпались по хуторам. Задача: выискать лучшую часть молодежи, познакомиться на месте, в доме, с укладом и бытом бедноты. Провести индивидуальные беседы, изучить думы крестьянина вообще и, особенно, отношение его к псхусской действительности. Пригласить на собрание – одних на 29-ое, других на 30-ое и всех на первое мая.

Три дня вымеряли псхусские горные доли и тропы... Наконец, наступил первый исторический день в Псху.

Утро, с чистым голубым небом, тонуло в ароматном цвете-

нии садов. Молодо и весело смеялось. Речушки, плескаясь по каменистым ровкам берегов, словно живые, зачуяли настоящий день свободы, устроили свою и без того звонкую горную музыку.

По улице села, из переулков, из дворов, по два и три человека, выходят молодые парни. Разодетые празднично, цветисто, робко ступают девушки. Местами их провожают матери, тетки и бабки. Останавливаются. Долго, сурово читают родительские нотации и, по православному, там же, на улице благословляют. Чувствуется, как молодое, новое рвется из цепких лап отжившего, но беззубое старое цепляется за последнее свое оружие – крест и молитву.

В квартиру учителя забежала жена Зиновья Туркова.

– Молодежь сгоняют! – сообщила она хозяйке неожиданную и, как видно, довольно таки потрясающую новость.

– Туркова, кто же сгоняет? – высунул я голову из другой комнаты квартиры учителя.

– Да уж и не знаю! Наверное, вы же сами.

– Ах, Туркова, Туркова! Как тебе не стыдно так говорить. Словно ты не знаешь, что мы три дня ходили по хуторам, по селу, толковали, разъясняли и приглашали исключительно желающих, а ты «сгоняют»!..

– А чума его знает! Так люди говорят.

– То-то, говорят. Ты бы лучше посмотрела, кто это говорит.

Между прочим, впоследствии, Туркова оказалась одной из активнейших советских женщин на селе.

Собрание у школы. Взрослых собралось – женщин и мужчин не меньше, чем молодежи, хотя на сегодня их никто не приглашал. Открыли собрание. Вопрос один: «Положение в Псху и задачи молодежи».

Слушали внимательно. По внимательности это была исключительно редкая аудитория. Говорить было о чем. В процессе доклада собрание пухло, росло. Появились матери с грудными и с другими маленькими голоштанными репьями, неотрывно вцепившимися в материнские юбки, по два и по три человека.

К прениям приступили не сразу – робко, несмело. Первым выступил Якименко молодой, но видный по внешности парень. Бедняк:

– Начну што ль я...

Голос зычный, вызревший, окрепший баритон. Поселяне к нему прислушивались больше, чем к нашему докладу. Чувствовалось, что это снаряд, который впервые здесь рвется и который одни расценивают как неслыханную дерзость молокососа, другие – как первую ласточку свободы, а третьи выжидают с необычайным интересом: а что же дальше будет?

– О монахах и попах, что вы говорили – правда и мы сами все это знаем. Говорить об этом нельзя было. Мы просим вас, чтобы вы погнали их отсюда. А вот в комсомол никто никогда нас не звал и не знаем, что такое комсомол. Действительно, боялись его. Учиться мы тоже не могли, никто не учил нас. Организовал, как-то, учитель Контарев ликбез. Собрались было, начали ходить, а он, выбрал в этом самом ликбезе себе невесту, развел с ней всякие там муры, женился и бросил всю ликбезу. Так выходит, что он организовал для того, чтобы подыскать себе женку.

– Бреша, бреша!

Это теща Контарева ворвалась:

– Сами перестали ходить. Вам бы только девок гонять ио улице, а не учиться. Ах, бесстыдники, да ишо на собрании говорит такие слова...

Якименко, потпый, сбитый с толку, растерялся. Председательствующий Бобовников делает попытку восстановить порядок на собрании. Но напрасно. Теща таки порядочно расходилась. Но точно также «революционно», или вернее, партизанским путем, минуя председателя, зарвавшуюся тещу перебивает молодая крестьянка Леева (она там же вступила в комсомол).

– Замолчи! Мокрым хвостом правды не закроешь, все знают: три раза пришел и больше не явился. Правду Якименко говорит.

– Да хучь бы ты, образина, молчала, – прибегает на помощь матери дочь – жена Контарева, – один или два раза несчастная пришла и теперь брешет на всю улицу.

– Нет, не два, я больше приходила, соберутся люди за пять, за восемь верст, сидят, сидят, а его нет. Вот на другой раз и не наберется уж охоты пойти.

– Чего же неправда, милые, – более спокойно ввязывается в спор Родина Елена, женщина лет 33–38. – А в школе как

он детей учил? Придет в класс, пообеет детей глазами: «мало, чего не собрались, ступайте домой». Или придет в школу часов в 12, да ешшо стрелку опустит пониже, полчаса говорит, а потом; «ну, уж поздно, идите домой». А то и того гляди, совеем не является на занятия. У кого же станет охоты ходить в школу. А мы рази не знаем, что детей надо учить. Хочется, да кабы можно было.

– Надо нам комсомол, – выкрикивает Кословский, коренастый, с рыженькой бородкой, лет 35 крестьянин. – Вот был бы он, этого бы ни было. Эх, жалко, что я перевалил годы, а то бы сейчас, не раздумывая, вступил...

– Да ежели оно так, – срывается другой бородач, – так это действительно необходимое дело. Ну опять же, к примеру, с землей, кто за ней глядит? Никто. Хучь волк приходи и хозяйничай.

– Вступайте, молодые, коли кличут. Чего глядите, вам жить придется больше, чем нам, старикам. Вступайте и гоните волохатых подальше.

Голоса увеличиваются, потом переходят к хору. Потом почти базар и ничего не поймешь. Школа, изба-читальня, сельсовет, земля. Они забыли о нашем присутствии, они ругаются между собой. Личное сплетается с общественным, общественное с личным. И в этом гаме нужно было выловить главное, ценное, существенное. Но сам по себе, поднятый шум и ругань, были не менее существенны. В них чувствовалось, что первый раз, накопившаяся злоба, всплеснула наружу. Люди еще в тумане прошлого, они не могут вцепиться за главное, они расплескивают накипевшее на что попало, что ближе, виднее – учитель, школа, изба-читальня, земля. В самом деле, председателствуй здесь, тот же бывший предсельсовета, монархист Калашников, он бы сказал: «Именем закона советской власти, я вам приказываю замолчать и разойтись». Или еще хуже. Ведь именем закона советской власти он изнасиловал крестьянку Загубину, которая забеременела и сейчас выкармливает этого, появившегося «именем закона советской власти» ребенка. Все знали и молчали.

Бобовников с трудом восстановил свое председательское реноме, но напрасно. Без председателя было лучше. В порядке псхусские крестьянине не научились говорить. Пока что, они

знали один только страшный порядок. Перешли к предложениям.

Первым тезисом этого предложения было: трое – Якименко Михаил, Лидия Ланова и Надежда Леева вступили в комсомол. Это уж действительно была неслыханная дерзость и, невиданный за всю историю Псху вызов попам и монахам. Нужно отдать справедливость, вступили ребята смело, решительно, с полным учетом того, на что и в каких бытовых условиях они решились. Остальная молодежь шушукалась, поглядывала на вступивших как на героев. Сами же побаивались, говорили:

– Поглядим, не знаем еще как у них дело пойдет.

Но неправда. Боялись они бога и антихриста. И понятно. Если над Якименко, Леевой и Лановой не разразится гром и молния, и не поразит их, то в ближайшие дни они тоже придут. Так и есть. Уже через пять дней после нашего отъезда пришли еще трое. А на шестой день еще один. Может быть, теперь уже есть восьмой, девятый и десятый. После приняли резолюцию. Голосовали все – молодые и старые, подростки и дети. Лесом рук, единогласно, резолюция жестко клеймила деятельность монахов и кулаков:

По закрытии собрания, не знаю кто, позади меня гаркнул:

– Вставай проклятьем заклейменный!

В Президиуме подхватили:

– Весь мир голодных и рабов!

Толпившееся и намерившееся расходиться собрание дрогнуло и застыло. К небольшой группе голосов, постепенно, вначале несмело, а потом громко, пристраивались другие.

Мне вспомнился восемнадцатый, когда я первый раз услышал Интернационал. Я не знал его содержания, не знал мотивов, понаслышке никогда не слышал. Но с первых же слов, у меня ежом вздыбились волосы, дрожа весь, возбужденный, под конец первого куплета, я поймал слова, усвоил мотив и пел со всей огромной толпой. Пел громко, отчаянно грозился и чувствовал себя неимоверно сильным.

И вот теперь, странно, диковинно было слушать, как хор осипших и чистых, старых и молодых, звонких голосов первый раз в жизни, так громко, открыто, расплескивал годами накопившуюся злобу в революционном гимне Интернационала, посылая тысячи проклятий тому, кто был истинным виновником их бед.

- Никто не даст нам избавленья.
- Ни бог, ни царь и не герой..., – с каким-то озорством рублила молодежь.

XI. Беднота.

Собравшись после обхода крестьянских дворов, кой кто из наших товарищей постанывал:

– Соберется ли псхусская беднота, уж больно равнодушный народ. Да и далеко хутора разбросаны, за шесть, семь, а то и десять верст (так рождается неверие в крестьян).

Но уже 29-го собрание молодежи разбило в прах неуместные сомнения. Утром тридцатого иривалило все село и хутора. Если и запоздали, то не крестьяне, а мы. Но молодежь немедленно использовала и случай нашего опоздания. На улице, около школы, появились палки и чурка. Выросли городки. Заложили колодезь, выбили. Опрокинули и выколотили пушку. Раскрыли конверт, но довести до конца не успели: помешало собрание. Настроение празднично-радостное.

– Раньше так народ в церкву наряжался, а теперь на собрание, – говорит мне жена учителя Контарева.

– А что же! Это умнее церкви.

Открыли собрание. Первым вопросом доклад зам. пред. ЦИКа т. Малания «О положении в Псху». Вторым, мой – «О задачах и организации бедноты». Затем Бобовников – «Об организации кооперации». И, наконец, обсуждение кандидатов в новый Совет. Повестка переполнена. Но настроение собрания такое, что если бы она была в два раза больше, не разошлись бы, пока не закончили.

Малания, не спеша, с подчеркиванием особо важных и ярких моментов (а таких в Псху очень много), докладывает крестьянам о положении в районе Псху. Слушают напористо. Слушают, словно землю роют дружной артелью – сопят, вздыхают, изредка покашливают. Реплики и вопросы срываются тут же.

– Да разве мы виноваты, что их у нас развелось так много.

– Вы уж не оставляйте их нам, пожалуйста, на развод, хватит, помучились.

– А землю будете переделывать? А то ить она у нас вся под монахами. И так, хто захватил, у кого денег много, тот с землей а у бедняков шиш с маслом.

– А почему к нам никогда не приезжаете? Вот, теперь, в личность знаем свое правительство и уж как то легче.

Малания не придерживается строго порядка в своем докладе. Он останавливается тут же, на каждом вопросе, на каждой реплике и от этого беседа выигрывает, она превращается в теплую, дружескую, почти домашнюю. Словно большая, дружная, кровная семья, собралась обсуждать вопросы своего хозяйства, своего быта и вопросы борьбы с теми несчастьями, которые так зло обрушились в былые годы. Чувствовалось, что вот люди, вчера еще по одиночке разбитые, приниженные, терроризированные и оббиаемые черной сотней, сегодня, для самих неведомо как, неожиданно, сколотились в крепко спаянный коллектив. Это уже не отдельные былинки, а плотно связанный веник, который не переломишь.

Я приналег на то, что если бы издавна была организована беднота, то в Псху невозможно было бы столь долгое и столь смелое господство монахов.

– Правильно!

– Да кабы нам хоть рассказали об этом, толкнули бы.

– Да ведь они тоже не дураки, ухватились прямо за власть. Ну, а раз власть у них, что сделаешь!

В президиум сыпались записки, малограмотные каракульки, адресованные докладчикам. В них жаловалась беднота на сельсовет, на захватчиков и обидчиков, просили административной помощи, просили земли, просили, чтобы прислали хороших людей коммунистов, которые навели бы настоящий советский порядок, показали бы, научили.

Когда Бобовников начал рассказывать о поселковом товариществе, об организации «антихристовой» кооперации, то казалось, что изголодавшиеся люди только сейчас заметили, увидели жадными, голодными глазами, что хлеб-то растет давно и много у них же, что в разрешенных ульях пчел кроется огромное богатство, а десятки захудалого падающего скота превращаются в жирные, горные стада. Замелькали подковы, гвозди, ситец, керосин, соль и, главное, по небывало доступной цене?

– Надо кооперацию!

– Без кооперации пропадем!

– Эх, провались они. Ведь, правда же, грабили они нас и как грабили!

Двое стариков плачут. Один бедняк, худой, рыжий, колотя себя в грудь, проклинал монахов. Все в прениях ругали, кляли черных братьев и просили правительство не допускать больше монахов на Псху.

Вымеряв по охотничьи горы, на собрании бедноты подошел Громов. Ни с того, ни с сего, он вмешался в прения с таким предложением.

– Хотите поглядеть, как вас дурачили монахи с разными обновлениями икон?

– А ну те, давайте!

– Дайте икону.

Длинноногий худой парень перепрыгнул плетневый забор и через минуту вернулся с деревянной троеручной божьей матерью. Икона не застекленная, давнишняя, поношенная. Нет перекиси водорода, нет спирта. На помощь пришла крестьянка Калашникова.

– А это што же, за перекись самая? Ай што шипит?

– Вот, вот, верно, тетушка, шипит.

– Да, родименький, у меня есть пузыречек, кадысь с городу принесла.

Появилась перекись. Принесли и спирт, пока там, позади президиума, шли сборы с обновлением, собрание проходило своим чередом. Вдруг Громов вылез на скамейку и выкрикнул:

– Граждане, глядите.

Он прыснул перекисью в лицо божьей матери и она тут же, перед толпой жадных зрителей, словно пытаясь улыбнуться, начала менять краску. Мутный цвет ризы богини превратился в яркую синь. Соломенный венчик маленького Иисуса стал похожим на расплющенный куриный желток. Желтый, видный.

– А теперь вот, спиртом спрысну в другом месте, – продолжал стоять на скамейке Громов, словно фокусник-маг. – Это уж не сразу. Она должна повисеть, здесь вот, несколько времени, – и он пришил икону к дереву.

Толпа, забыв собрание, кружит икону. Смех. Шутки. Остроты.

– Едят ее мухи! И вправду обновилась!

– Как у Степана! Ха, ха!

– Лучше, куда там Степанова!

– А ты, парень, сам-то, не от чорта? – это к Громову.

– Нет, дедушка, от крестьянина и крестьянки Воронежской губернии, села Крайнего. Можете справиться по указанному адресу.

– Ай, молодец, задери тебя!

– Вот те и обделали, божью мать то!

– И хучь бы што.

– Вот как брехунов да жуликов выводят на чистую воду.

После обновления опять по-деловому, по-серьезному обсуждали вопросы и принимали резолюции. В резолюции по докладу зам. пред. ЦИКа беднота просила: вымести поганой метлой всю псхусскую «советскую» власть. Переизбрать совет. Переизбрать крестком. Организовать группу бедноты. Создать кооператив. Помочь начинаниям вновь народившейся ячейки комсомола. Убрать монахов и бандитов. Виновных отдать под суд.

«Мы вполне согласны с тем, что всем этим безобразиям способствовало отсутствие сплоченности и организации нас же самих – бедноты, отсутствие групп бедноты и их влияния на руководство сельсовета, на решения сельских сходов. Считаем необходимым принять как правило: все более или менее важные вопросы, прежде, чем их решать на общем собрании подвергать обсуждению на собрании бедноты. Организовать группы бедноты при сельсовете, кресткоме и при организуемом поселковом товариществе...»

Тут же составили и обсудили списки кандидатов в сельсовет, правление кооператива, в крестком и комсод. И вот, второй раз в истории Псху, грянул международный революционный гимн пролетариата:

«Вставай, проклятьем заклейменный».

И только религиозный фанатик, старик Колотушкин, от слов: «никто не даст нам ни бог, ни царь и ни герой» закрыл шапкой и ладонью уши. Но сила Интернационала неизмерима. Не удержать его могучего потока ни старой шапке, ни дряхлой ладони Колотушкина.

По окончании собрания, Малания предложил на завтра, т.е. в день Первого Мая устроить совместный обед всем селом. Часть материальных расходов несет правительство. Но не тут-то было. Малания ошибся. Крестьяне не хотят правительственных затрат. Началась горячая перекличка.

– Чурек несите.
– Картошку!
– Соль!
– Я бычка приведу, граждане!
– Нет, нет, это уж оставьте, – протестует Малания, – или, в крайнем случае, я вам плачу деньги.
– Хо, что вы товарищ Малания, не хочу я вашей платы, я даю его для общего праздника.
– Без вознаграждения мы не можем принять.
– Я сама приведу и зарежу.
– Ложки, граждане, ложки и тарелки не забудьте!
И опять, как дома, и опять как в семье, и опять как в хорошем, крепком коллективе.
В этот день на Сухум была направлена большая партия, высеяемых из Псху, монахов.

ХII. День торжества Советов в Псху.

В Псху очень часто бывает так: на обширных, густых, цветущих садах мертво, неподвижно лежат белые пушистые облака, на облаках горы, стены которых изумительной архитектуры и в разных красках – зеленые, синие, желтые, темные и огненно-коричневые. На горах снега. На снегах небесная синь. Исключение представляет Серебряная гора, она вся, от вершины до подножья бела, сливается с белыми облаками и белыми садами. По облакам, кажется, можно ходить, кувыраться кубарем через голову в пушистой и нежной мякотине, плавать, нырять и играть в прятки. Другое облако спускается на Бзыбь, мягким песчовым пузом припадает на самую воду, холодную, свежую, серебрящуюся и тогда кажется, что оно живое, дышит и жадно пьет целебную влагу.

Так было в 6 часов утра первого мая. А к восьми, с юга, минув перевалы, прямо через хребет, выползли тяжеловесные, темные, испещренные извилистой проседью, тучи. Май обещал дождь, и это плохо. Плохо для самого праздника. Первый раз в Псху крестьяне собираются отпраздновать международный день солидарности труда. Но, кроме того, у нас предстояло важнейшее выборное советское собрание. Соберутся ли и сколько? Не разгонит ли неуместная мокрота. Но тучи не испугали.

Скоро главная псхусская улица добавочно расцвела нарядными кофточками, юбками и косынками. Мужчины скромнее. У них можно было лишь заметить подстриженные и бритые бороды и подбородки. Изба-читальня, словно павлиний хвост, распустила красочные плакаты, лозунги, стенгазету. Безмолвно но зазывно тянула к себе толпу. Село пришло все. Собрание открылось отчетом правительства. Затем отчет предсельсовета, предкресткома и содоклад обследователей. Эта работа заняла добрых четыре-пять часов. Кончили, вздохнули. Четыре-пять часов двести голов избирателей работали с упорством металлической машины. Обдумывали, взвешивали, вскрывали дикое безобразие прошлого.

Слушали, усваивали, старались представить в живом конкретном виде, как там, за хребтами гор, на юге и на севере, такие же крестьяне, как и они, товарищи рабочие, строят социализм. Десять лет строят. Уже создали коллективы («а как живут в них»). Уже получили тракторы, комбайны, дисковые сеялки, веялки и строят социалистические городки!

Но нужно и отдохнуть. Пять котлов давно прокипели. Хозяйки приготовили обед. Стол – освобожденная псхусская земля, скатерть – газета.

Что это? Поминки, свадьба, бесшабашный кутеж старых купцов и князей? Нет, деловой отдых и совместный обед крестьян села Псху и долгожданных и так нужных гостей из города. В самом деле, разойтись обедать домой, по хуторам за семь-восемь верст, это же ни с какой стороны не целесообразно. А тут вот:

- Кума, да ты яичек захватила?
- Ага! Товарищи, берите, берите, для вас.
- Кто хочет молока кислого, подходи!
- А вот мед, пожалуйста.
- Это што ж, от монахов уцелело, остатки?
- А ты как думаешь! Остатки всегда сладки.
- Кто курятины хочет?
- Эх, куда ни шло, дай ка мне архиерейский нос, што-ли!
- А ловко, этот, как его, товарищ Малания о коллективизации, вот как бы поглядеть.

– И этот малый, обследователь, говорит, что работы совета не было, што хотели, то и делали кулаки, бандиты и зажиточные.

– И правильно сказал. Придешь, а он нос вернет, говорить с тобой не хочет.

– Кто?

– Ды председатель наш, а хочь бы и Дринь. У меня брат красноармеец и сам я бедняк первый, а он говорит, не освобождаешься от налога.

– Нехай – как он теперь покрутится, а нам землю дай на завтра.

– Мужики, ды чего ж вы не едите! Глядите, супу сколько осталось. Бог ты мой, пропадать ему, што-ли.

– Ну, хучь монахов теперь нет, дыхнуть можно свободно.

У стены школы, словно с облаков, свалился гармонист. Подсели с гитарой и мандолиной. Теперь гармонист главком. Выждал, пока девки постряхивали с подолов крохи. Бабы очистили место, убрали газеты. Один аккорд и пристук ногой... Гармонь захлебнулась, передохнула и дробью рассыпала голова.

– Круг! Дай круг!

Почин за комсомолкой Лановой. Везде нужна, прежде всего, смелость. У девки хватило смелости вступить в комсомол на Псху, а тут и подавно. Подбоченилась. Стукнула каблуком. Пара немедля нашлась. Вышла и другая.

– Больше круг!

Гитара и мандолина усилили «оркестр». Молодой звонкий голос на миг отвлек внимание толпы от выстукивающих русскую частушку четырех пар крепких послушных ног:

Не целуй меня взасос,

Я не богородица,

Все равно Исус Христос

От меня не родится.

Хоп! хоп! хоп! хоп!

Грабил поп и грабил дьякон,

Грабил черный схимонах,

Остались наши псхусцы

Без штанов и без рубах.

Хоп! хоп! хоп! хоп!

– Их ты! Уйдите, не пылите, на собрание иду!

На кровати спит монах,

А за ним монашка,

Обнимает и питает
Хочу быть мамашкой.
Хоп! Хоп! Хоп! Хоп!

Парни и девки танцуют на совесть с необычайным усердием, трудолюбиво, словно изголодавшись по любимой работе, снопы вяжут или кукурузу тохают, ловко, серьезно выстукивают музыку.

Наши товарищи из города растаяли в массе. Их не найти, не отделить. Они где-то, о чем то толкуют с крестьянами, то серьезно, то смеясь. За неделю они сжились с населением, срослись, словно родились здесь и являются лучшими друзьями крестьян. Я наблюдал и думал: где же монахи, где их адская десятилетняя антикоммунистическая, антисоветская работа? Нет, ее не осталось и следа. Но когда глянешь на хозяйство, на нищету крестьян, на ту жгучую ненависть, которую многочисленно выражали крестьяне в отношении этой черной сотни, тогда становится понятно: да, они были. Были и делали свое проклятое дело.

После такого неожиданного, но удачного веселья, приступили к прениям. Дождь крупными каплями начал падать. Но никто не двинулся с места, даже говорили не спеша. Прения были долгие. В различных вариациях в них повторялись – земля, монахи, школа, преступники и сельсовет. Просьба к партии, просьба к правительству помочь, освободить.

Уже под конец собрания группа крестьян передала в президиум письмо. Секретарь зачитал его.

ПИСЬМО КРЕСТЬЯН СЕЛА ПСХУ

**Областному комитету КПГ, Правительству ССРА,
рабочим и крестьянам Абхазии.**

Дорогие товарищи!

В тот момент, когда вы на протяжении десятка, лет не покладая рук, работаете над высвобождением рабочих и крестьян из темноты, рабства – наследия проклятого прошлого, насажденного помещиками и капиталистами, в то время, как вы перестраиваете крестьянское хозяйство, поднимаете и строите колхозы, уже стали на прямой путь построения социализма,

в это время наше село Псху являло собой «укромный уголок», куда слеталась черная сотня: монахи, попы, бандиты всех рангов и цветов и, под маркой религии, в противоположность вам, занималась прямой контрреволюционной работой.

Проповедуя мир во христе, они, как хищные звери, жаждали человеческой, рабоче-крестьянской крови. Каждодневно, на каждом шагу, они пророчили гибель Советской власти. Они молились, предсказывали и жаждали кровавой расправы с рабочими и крестьянами, установившими Советскую власть. Потеряв надежду на бога (или они в него вовсе никогда не верили), они ждали этой расправы от Польши, от Китая или от другой какой либо державы. Они радовались каждой своей бредне, им мерещилось, что вот-вот скоро падет Советская власть и тогда уж они разгуляются по спине мужика и рабочего.

Слетевшись сюда, в Псху, место пещер, лесов, редкого населения, огороженного двумя огромными хребтами, трудно проходимыми, а зимой совсем непроходимыми, эта черная шайка терроризировала наше население. Они одурманивали наиболее слабых крестьянок, они подчинили их своей воле. Они основали здесь свой штаб, кооптировали себе проповедников с Кубани, Дона и Украины. Вся религия их сводилась к тому, что Советская власть есть власть антихриста, а царь – помазанник божий. «Кто верит в бога, тот должен активно бороться с Советской властью». Кооперация, крестком, школа, изба-читальня и сельсовет – все это антихристовы организации. Кто записался в какую-либо организацию, или даже просто подписался на советской бумажке, тот продал душу черту. Они даже советские деньги заставляли нас брать палочками или вилкой, ибо это антихристов знак, т.е. знак серпа и молота.

Каждодневная и непосредственная их работа сводилась к тому, чтобы всячески не допускать советские организации, а имеющиеся разлагать. И это не только в Псху, а везде, где имели они своих агентов. Псху особенно, потому что на каждого взрослого жителя у нас приходилось два монаха.

Дорогие товарищи! То, что в Псху за десять лет существования советской власти мы не имели ни кооперативной организации, ни кресткома, ни одной законтрактованной десятины посева, и то, что дети у нас безграмотные, и то, что при таких богатых почвенных и природных условиях, мы, крестья-

не села, живем в полунищенских условиях, целиком относим за счет этой «божеской» работы монахов.

Когда два месяца тому назад мы решили организовать единственную организацию на селе – крестком, у нас жены плакали и разводились с мужьями. Вступивших в крестком считали продавшими душу антихристу, а монахи создали такую жуткую атмосферу ненависти, вражды, что наиболее слабые уходили из кресткома, другие оставались, продолжая тайно быть членами кресткома, т.е. то, что называется, ушли в подполье. Виданное ли это дело в советских условиях!

Партии и правительству мы выражаем горячую и искреннюю благодарность, что вот уже несколько дней мы свободно вздохнули от этой черной своры. Сегодня 1 мая, и наше село, впервые за десять лет свободы, открыто празднует этот международный день труда. Вам не верится, но это так! 29-го апреля, впервые за всю историю Псху, у нас проводила свое собрание молодежь. 30-го апреля впервые, сколько существует Псху, проводила свое собрание крестьянская беднота. Сегодня, впервые так свободно и многолюдно, мы переизбираем сельсовет, крестком и закладываем основу, так необходимой нам, кооперации.

Товарищи рабочие и крестьяне!

Не слушайте, не верьте что монахи, попы – служители и страдальцы божии. При выселении из Псху этой челяди, мы собственными глазами видели, чем живут в своих кельях «ангелы божии». Сотни метров полотна, сатин, бархатные и шелковые платья, оружие, спирт и водка, дюжины белья, риз, белая мука, рецепты для обновления икон; откуда брали это все монахи, нам трудно знать, думаем, что содержали их не рабочие-крестьянские, не бедные, организации.

Товарищи, члены правительства!

Мы просим вас и требуем от вас защитить нас от этого наплыва банды в черных подрясниках, мы требуем посчитаться с ними по заслугам, мы требуем предоставить возможность вам и другим крестьянам Абхазии мирно, покойно и свободно строить социалистическое хозяйство.

Товарищи рабочие и крестьяне! Поверьте нашему опыту. Дальше от попов и монахов! Гоните их от себя!

Мы надеемся, что Коммунистическая партия и правительство выполнят нашу просьбу и требование. Мы же, со своей стороны, обещаем партии, советской власти и всем рабочим и крестьянам Абхазии, что к Псху мы близко не подпустим этих черносотенцев.

Долой контр-революционеров в рясах!

Долой религию, которая готовит почву для возврата палачей-капиталистов и помещиков!

Да здравствует Коммунистическая Партия и Советское Правительство – истинные вожди трудящихся рабочих и крестьян.

Крестьяне и крестьянки села Псху: *Семен Семененко, Георгий Кословский, Зиновей Турков, Михаил Семенихин, К. Силютин, И. Вороной, Елена Родина, Критон Добровольский, Федор Исааков, С. Минин, З. Туркова, П. Семенихин, Б. Леев, А. Семененко, М. Фильченко, Стефан Калашников, Д. Мартыненко, Д. Шпыхов, Денис Минков, М. Якименко, Т. Минин, И. Лукин, Г. Леев, Марфа Плужникова, П. Колодяжный, Мария Новикова, Елизавета Иванова, О. Калашникова, Лидия Ланова, А. Холщевников, Р. Костенко, И. Калашников, В. Якименко, Г. Янченко, П. Лаан, Сем. Ходоревский, М. Шкапин, А. Шишин, И. Козловский, Е. Кондратьева, И. Леева, А. Семенихов, А. Новиков, И. Минин, Н. Минин, Тарас Минин, Минин, М. Галухин, М. Моисеенко, М. Васюков, А. Козловский, О. Новикова, И. Плужников, Ф. Силютин, А. Здунак, Д. Калашникова, Д. Кучеренко, И. Курочкин, Г. Семенихин, Г. Кондратьев.*

Такой гнев, такой порыв жгучей ненависти, такую решительную попытку взять врага за горла я встречал лишь в 1918 году, в момент ожесточенной классовой борьбы и встретил теперь в Псху, 1-го мая – 1930 года. Попадись в это время на собрании монах, не исключена возможность крестьянского самосуда. Слишком велико зло, которое причинили монахи псхусцам. После оглушительных аплодисментов, председатель прервал ведение собрания. У стола стояла очередь, похожая на очередь добровольцев-красногвардейцев в 1918 году у оружейного склада, спешащих получить винтовки, это псхусские крестьяне подписывали письмо к партии и правительству. Их подписалось шестьдесят, все умеющие расписаться, исключая двух кулаков, бежавших в это же самое время с собрания.

После принимали резолюцию, заканчивали выборы. Шел сильный дождь. Но не в его силах было разогнать собрание.

СОДЕРЖАНИЕ

О четвертом выпуске серии «Печатные издания Советской Социалистической Республики Абхазия (1921–1931). А.Я. Дбар	3
Справочник-указатель Абхазии на 1924–1925 год.....	9
Приговор по делу цебельдинских кулаков, вынесенный специальным присутствием высшего суда ССР Абхазии 15 ноября 1929 г.	49
И.Половнев.СтранаПсху:Очерки.....	79

Печатные издания Советской Социалистической
Республики Абхазия (1921–1931)
Сборник
Вып. IV

Редактор – Дбар А.Я.

Верстка – Гегия Е.Г.

Обложка – Рыженкова Г.Н.

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 11,75

Тираж: 40 экз.

